

Ба 47 749 8

Под ответственность дежурного 43!!

160
30

ДѢЛОВАЯ ПУШКА.

ГЕОРГИЙ КАРЦОВЪ.

1903.

Рисунки дозволены цензурою. СПб. 17 апрѣля 1903 г.

Артистическое заведеніе **А. Ф. Маркса**, Измайловскій просп., № 29.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
НА ШТАНДЪ ВО ВРЕМЯ ОХОТЫ

Съ фотографіи Гана.

Предисловіе.

Исторія царской охоты въ Россіи уже нашла своего изслѣдователя въ лицѣ Н. Кутепова, и трудъ его „Великокняжеская и царская охота на Руси“ представляетъ цѣнный вкладъ въ собранія роскошныхъ изданій. — Задача настоящаго труда нѣсколько уже и имѣетъ цѣлью ознакомить охотничій міръ съ современнымъ положеніемъ Государевыхъ охотничьихъ угодій и въ первую очередь — съ Бѣловъжской Пущей, ея хозяйствомъ, жизнью и съ бывшими въ ней Высочайшими охотами.

Возникшее, по волѣ Императора Александра III-го, правильное охотничье хозяйство, въ основу котораго входитъ уже не просто подготовка дичи для царскихъ охотъ, а также охрана, размноженіе и улучшеніе породъ дичи, сначала въ Спаль и Скерневицахъ, а затѣмъ и въ Бѣловъжской Пущѣ, достигло въ настоящее время такого развитія, что заслуживаетъ самаго полнаго и всесторонняго обозрѣнія. Среди европейскихъ угодій, какъ по обширности, такъ и по богатству и разнообразію породъ звѣря и дичи, Бѣловъжская Пуща занимаетъ безспорно первое мѣсто; съ другой стороны, она является древнѣйшимъ заповѣднымъ владѣніемъ литовскихъ великихъ князей, польскихъ королей и, наконецъ, русскихъ Государей, и исторія ея связана съ такими крупными историческими именами, какъ Ягелло, Витольдъ, Стефанъ Баторій и Августъ Саксонскіе. Поэтому, предлагаемому обзору современнаго состоянія Пущи я предпосылаю историческій ея очеркъ.

Главное вниманіе обращено мною на описаніе зубра и его жизни въ Пущѣ, такъ какъ объ этомъ крупнѣйшемъ представителѣ бѣловъжской фауны почти нѣтъ сколько-нибудь связной и полной монографіи, могущей заинтересовать не только зоолога, но и охотника.

Наконецъ, въ предлагаемой книгѣ дается подробное описаніе всѣхъ бывшихъ въ Пущѣ Высочайшихъ охотъ, о которыхъ охотники знаютъ только по наслышкѣ, и которыми, однако, серьезно интересуются не только у насъ, но и за границей.

Настоящее изданіе обязано появленіемъ въ свѣтъ матеріальному

содѣйствію Главнаго Управленія Удѣловъ, въ вѣдѣніи котораго Пуца нынѣ находится, и я считаю своимъ долгомъ въ лицѣ князя В. С. Кочубея принести мою глубочайшую признательность всѣмъ служащимъ въ этомъ вѣдомствѣ, оказавшимъ мнѣ свое цѣнное содѣйствіе при собираніи всѣхъ необходимыхъ матерьяловъ.

Также много обязанъ я покойному директору Императорской публичной библіотеки генералу Шильдеру и его сотрудникамъ, любезно открывшимъ мнѣ самые цѣнные и любопытные источники и документы, и администраціи архива министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, въ которомъ я почерпнулъ не мало интересныхъ данныхъ о хозяйствѣ русскаго управленія Пуци.

Не могу не поблагодарить отдѣльно и завѣдующаго охотою въ Пуцѣ Г. В. Неврли, такъ какъ только при его помощи мнѣ удалось на мѣстѣ ознакомиться во всѣхъ подробностяхъ съ современнымъ состояніемъ охотничьяго хозяйства Бѣловъжа.

Оживить мой трудъ иллюстраціями мнѣ любезно помогли своимъ талантомъ художники М. А. Зичи, К. Я. Крыжицкій, В. И. Навозовъ, Н. С. Самокишъ, Р. Ф. Френцъ и А. С. Хрюновъ.

Благодаря же А. Д. Далматову фауна Пуци представлена въ изданіи моментальными фотографическими снимками со звѣрей, находившихся на свободѣ, въ ихъ повседневной жизни. Снимки эти тѣмъ цѣннее для охотника, что звѣрь въ нихъ уловленъ въ его реальной, неподкрашенной обстановкѣ.

Представляя мою книгу на судъ истинныхъ любителей охоты, прошу у нихъ снисхожденія къ недочетамъ, всегда неизбѣжнымъ въ трудѣ, главнымъ матерьяломъ котораго являются устные рассказы и личныя впечатлѣнія.

Георгій Карцовъ.

Апрѣль 1903 г. С.-Петербургъ.

Н. Самокишъ.

Оглавление.

	стр.
Предисловіе	V
Оглавленіе	VII
Списокъ рисунковъ, картъ и чертежей	X
Историческій очеркъ	1
Данныя о событіяхъ, происходившихъ на территоріи Пушчи въ древнѣйшія времена. Ятвяги. Завоеваніе края русскими великими князьями. Борьба ихъ съ Литвою. Пораженіе ятвяговъ	1 — 8
Первое указаніе на наименованіе Пушчи. Литовцы-идолопоклонники въ Пушчѣ. Ягелло и Витольдъ; ихъ охоты въ Пушчѣ	9 — 15
Охоты пресмнниковъ Ягеллы въ Пушчѣ. Первое устройство и охрана ея при Сигизмундѣ Старомъ. Начало ограниченію территоріи. Заселеніе стрѣлками. Насажденіе культуры въ Пушчѣ. Будники	16 — 23
Стефанъ Баторій и его охоты въ Пушчѣ. Заботы о Бѣловѣжѣ послѣдующихъ королей по охотниковъ. Возрожденіе охотъ въ Пушчѣ при Августѣхъ Саксонскихъ. Охота Августа III въ 1752 г. Устройство Пушчи Тизенгаузомъ. Послѣдняя охота польскаго короля Станислава Понятовскаго	24 — 35
Переходъ Пушчи къ Россіи. Характеристика польскаго управленія Пушчи	36 — 38
Административное устройство въ началѣ русскаго управленія. Указъ Императора Александра I о сохраненіи зубровъ. Пожаръ Пушчи 1811 г. Дѣйствія войскъ на территоріи Пушчи въ 1812 г. Борьба съ волками. Посѣщеніе Пушчи принцемъ Виртембергскимъ	39 — 49
Польское возстаніе 1830—31 г.г. въ Пушчѣ. Эксплоатація лѣса Пушчи 30-хъ годовъ. Первое лѣсоустройство и новое административное дѣленіе. Мѣропріятія по лѣсоустройству и сохраненію зубровъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія	50 — 56
Охоты въ Пушчѣ до 1860 года. Обзоръ Бѣловѣжскаго лѣса средины прошлаго столѣтія съ охотничьей точки зрѣнія. Упадокъ лѣсного и охотничьяго хозяйствъ того времени. .	57 — 65
Охота Императора Александра II въ 1860 г. Оживленіе интереса къ Бѣловѣжской Пушчѣ .	66 — 77
Зарожденіе охотничьяго хозяйства. Устройство постоянного звѣринца. Польское возстаніе 1863 года въ Пушчѣ. Усиленіе ухода за зубрами. Измѣненія системы надзора послѣ 60-хъ годовъ. Охоты въ Пушчѣ отъ 1860 по 1883 г.г. Охоты Великихъ Князей Владиміра Александровича и Михаила Николаевича	78 — 95
Состояніе Пушчи передъ переходомъ ея въ удѣльное вѣдомство	96 — 101
Бѣловѣжская Пушча нашего времени.	102
Географическое положеніе и размѣры	102
Топографія	103
Окружныя границы	104

Почва	110
Клімат	111
Орошеніє	112
Растительність	115
Роздѣленіє на квартали. Дороги въ Пушѣ	123
Характеристика Пушчи какъ обиталища звѣря	126
Жители Пушчи	127
Фауна Пушчи	130
Зубръ, его монографія	131
Отличительныя зоологическія признаки зубра	132
Происхожденіе зубра	135
Зубръ историческій	139
Поэма о зубрѣ Гуссовіана	145
Сокращеніе раіоновъ распространенія зубра	152
Зубръ и туръ	153
Вѣшній видъ зубра	155
Размѣры, вѣсъ и движенія зубра	166
Современное географическое распространеніе зубровъ	169
Кавказскій зубръ	170
Зубры князя Плесса	183
Зубры въ Императорской гатчинской охотѣ	185
Зубры Г. Фальцъ-Фейна	188
Жизнь зубра въ Бѣловѣжской Пушѣ	190
Размножается ли зубръ или вымираетъ?	208
Жизнь зубра въ неволѣ	210
Опыты метизаціи Валицкаго	223
Охоты на зубровъ	232
Олень	239
Водвореніе оленей въ Пушѣ	240
Приобрѣтеніе новыхъ оленей для Пушчи	241
Жизнь бѣловѣжскаго оленя и его особенности	242
Рѣвъ въ Пушѣ	244
Составъ бѣловѣжскаго оленьяго стада	246
Лось	252
Даніэль	257
Кабанъ	260
Дикая коза	268
Выловъ козъ тенетами въ 1902 г.	271
Заяць, лиса, волкъ, рысь, барсукъ, выдра и другіе мѣстныя хищники	282—284
Пернатая дичь	285
Обзоръ управленія Пушчи съ 1889 года	287
Общая администрація, лѣсное хозяйство, характеръ рубокъ и очистка Пушчи	288—290
Сѣнокосы, кустарниковыя заросли	291
Пастба скота	294
Начало постройки Императорскаго дворца	296
Дѣятельность управляющаго Пушчей В. М. Андреевскаго	297
Охотничья администрація	298
Охотничье хозяйство	307
Общая положенія. Уходъ за дичью. Сокращеніе естественныхъ кормовъ. Подножный и древесный кормъ. Лѣсныя культуры. Посадки. Попытки къ улучшенію естественнаго корма	307—315
Искусственное кормленіе	315
Сбереженіе дичи	327
Браконьерство	331

Подсчетъ	336
Планъ образованія и сохраненія звѣря лучшаго качества	341
Выборъ звѣря къ убою на охотахъ	342
Отстрѣлъ дачи охотничьимъ персоналомъ	342
Освѣженіе крови и скрещиваніе	346
Вызовъ	349
Высочайшія охоты	355
Подготовленія къ нимъ, производство облавъ, штрена	355—371
Высочайшая охота 1894 года	371
Высочайшая охота 1897 года	375
Высочайшая охота 1900 года	378
Охота Ихъ И. Выс. В. К. Владиміра Александровича и В. К. Маріи Павловны въ 1902 г.	388
Обзоръ Пуши съ точки зрѣнія туриста	393
Маршрутъ въ Пущу. Пуща изъ оконъ вагона. Бѣловѣжская поляна. Селенія Сточекъ и За- ставы. Церковь. Расположеніе дворца. Паркъ при немъ. Описаніе дворца. Импера- торскій павильонъ. Остальныя постройки. Дороги въ Пущу. Путь въ звѣринецъ. Охотничій павильонъ въ немъ. Памятникъ-зубръ. Штандъ Императора Александра II-го.	393—408
Заключеніе	408
Приложенія:	
№ 1. Сигналы и фанфары Бѣловѣжской охоты	410
№ 2. Примѣчанія съ указаніемъ на матеріалы, послужившіе къ составленію изданія . . .	411

Списокъ иллюстрацій.

Внѣ текста:

На обложкѣ — Высочайше утвержденный для Бѣловѣжскаго Императорскаго дворца гербъ; въ медальонѣ голова зубра по фотографіи съ натуры; вверху — эмблема современной Пуши — Императорскій дворецъ; снизу — обелискъ Августа III, напоминающій о Пушѣ время польскихъ королей. — Литографія съ рисунка карандашомъ К. Я. Крыжницкаго.

Заглавный листъ изданія — Кабаній черепъ и рога оленей и даниэлей. — Цинкографія съ рисунка перомъ Н. С. Самокиша.

Портретъ Его Величества Государя Императора Николая Александровича на штандѣ во время охоты. — Гелиографюра съ фотографіи Гана.

	послѣ	стр.
Жертвоприношенія древнихъ литовцевъ. — Гелиографюра съ рисунка кистью В. И. Навозова.	»	12
Ягелло, поражающій зубра. — Гелиографюра съ рисунка перомъ и кистью Н. С. Самокиша.	»	14
Послѣ охоты въ Пушѣ 1409 года. — Гелиографюра съ рисунка кистью В. И. Навозова.	»	16
Въ угонѣ за оленями. — Гелиографюра съ рисунка кистью Р. Френца.	»	20
Стефанъ Баторій слѣдитъ за отправленіемъ загонщиковъ. — Гелиографюра съ рисунка кистью В. И. Навозова.	»	24
Рѣка Наревка въ урочищѣ «Старый Бѣловѣжъ». — Гелиографюра съ рисунка углемъ К. Я. Крыжницкаго.	»	28
Зимній пейзажъ въ Бровскомъ имѣніи Пуши. — Гелиографюра съ фотографіи А. Д. Далматова	»	122
Скелетъ бѣловѣжскаго зубра. — Автотипія съ фотографіи.	»	134
Зубръ 12-ти лѣтъ. — Гелиографюра по фотографіи съ натуры А. Д. Далматова.	»	166
Зубровое стадо, собирающее корнеплоды. — Гелиографюра по фотографіи съ натуры А. Д. Далматова.	»	190
Зубръ-одиноцъ 30-ти лѣтъ. — Гелиографюра по фотографіи съ натуры Г. П. Карпова.	»	198
Средневозрастная зубрица, быкъ 22-хъ мѣсяцевъ и 10-ти мѣсячная телка. — Гелиографюра по моментальной фотографіи съ натуры А. Д. Далматова.	»	200
Охота на зубровъ въ XV вѣкѣ. — Гелиографюра съ рисунка кистью Р. Френца.	»	234
Hallall по оленю на охотѣ въ Пушѣ въ XVII вѣкѣ. — Гелиографюра съ рисунка кистью Р. Френца	»	240
Стадо оленей. — Гелиографюра по моментальной фотографіи съ натуры А. Д. Далматова.	»	244
Ревущій лось. — Гелиографюра съ рисунка кистью А. С. Хрѣнова.	»	252
Даниэль. — Гелиографюра по моментальной фотографіи съ натуры А. Д. Далматова.	»	258
Кабаны на ходу. — Гелиографюра съ рисунка кистью А. С. Хрѣнова.	»	264
Козы передъ телятами. — Гелиографюра съ рисунка кистью А. С. Хрѣнова.	»	274
Убой крестьянами зубрицы. — Гелиографюра съ рисунка кистью Р. Френца.	»	334
Ихъ Императорскія Величества съ Ихъ Императорскими Высочествами и свитой шествуютъ изъ дворца въ Бѣловѣжскую церковь. 1900 г. — Гелиографюра по моментальной фотографіи Гана.	»	380
Ихъ Императорскія Величества отбываютъ съ охоты 1900 г. — Гелиографюра по моментальной фотографіи Гана.	»	388

Въ текстѣ:

	стр.
Заставка. Ятвягъ надъ убитымъ зубромъ.—Цинкографія съ рисунка перомъ Н. С. Самокиша . . .	1
Древніе обитатели Пушчи въ борьбѣ съ медвѣдемъ.—Автотипія съ акварели Р. Френца . . .	4
Дебри въ старой Пушчѣ.—Автотипія съ рисунка К. Я. Крыжичкаго . . .	5
Ятвягъ, подползающій къ оленямъ.—Автотипія съ рисунка кистью В. И. Навозова . . .	7
Концовка. Лѣсной хламъ.—Цинкографія съ рисунка перомъ К. Я. Крыжичкаго . . .	8
Заставка. Князь Владиміръ Васильковичъ выбираетъ мѣсто для постройки Каменецъ-Литовска.— Цинкографія съ рисунка перомъ Н. С. Самокиша . . .	9
Каменецъ-Литовская башня.—Автотипія по фотографіи съ натуры . . .	11
Концовка. Лукъ, колчанъ и козьи рога.—Цинкографія съ рисунка перомъ Н. С. Самокиша . . .	15
Заставка. Самострѣль и собаки.—Цинкографія съ рисунка перомъ Н. С. Самокиша . . .	16
Концовка. Щитъ и оленьи рога.—Цинкографія съ рисунка перомъ Н. С. Самокиша . . .	23
Заставка. Стефанъ Баторій, стрѣляющій въ медвѣдя.—Цинкографія съ рис. перомъ Н. С. Самокиша .	24
Обеліскъ въ память охоты Августа III въ 1752 г.—Автотипія съ рисунка по фотографіи съ натуры К. Я. Крыжичкаго . . .	32
Охота Станислава Августа въ Пушчѣ 31-го августа 1784 г.—Автотипія съ рис. кистью В. И. Навозова .	33
Концовка. Польская конфедератка и сабля.—Цинкографія съ рисунка перомъ Н. С. Самокиша .	35
Заставка. Зубровый черепъ, тетереви, охотничьи принадлежности и козель.—Цинкографія съ рис. перомъ Н. С. Самокиша . . .	36
Выѣздъ на охоту въ Пушчу въ концѣ XVIII в. Съ гравюры изъ изд. 1828 г. Бринкена.—Автотипія .	37
Концовка. Польскій и русскій орамъ.—Цинкографія съ рисунка перомъ Н. С. Самокиша . . .	38
Заставка. Гербъ гродненской губерніи и охотничьи принадлежности.—Цинкографія съ рис. перомъ Н. С. Самокиша . . .	39
Бѣловѣжская усадьба въ концѣ XVIII вѣка—съ гравюры изъ изданія 1828 г. Бринкена.—Автотипія .	42
1812 годъ въ Пушчѣ.—Автотипія съ рисунка кистью Р. Френца . . .	45
Волки, нападающіе на стадо зубровъ.—Автотипія съ акварели А. С. Хрѣнова . . .	47
Волкъ надъ зарѣзаннымъ теленкомъ.—Автотипія съ моментальной фотографіи съ натуры А. Д. Далматова .	48
Концовка. Зубры у обглоданной ими осины.—Автотипія съ рисунка кистью А. С. Хрѣнова . . .	49
Заставка. Атака польскихъ уланъ въ деревнѣ Тайновѣ.—Цинкографія съ рисунка перомъ Н. С. Самокиша . . .	50
Концовка. Пень.—Цинкографія съ рисунка перомъ К. Я. Крыжичкаго . . .	56
Заставка. Медвѣдь, ломающій зубра.—Цинкографія съ рисунка перомъ Н. С. Самокиша . . .	57
Гр. Киселевъ на охотѣ въ Пушчѣ въ 1847 г.—Автотипія съ картины, принадлежавшей Д. Далматову .	58
Зубры, окруженные волками.—Автотипія съ рисунка кистью А. С. Хрѣнова . . .	61
Волки, отбивающіе зубренка отъ стада.—Автотипія съ акварели М. А. Зичи . . .	63
Концовка. Сгнанный оборотъ.—Автотипія съ рисунка кистью Н. С. Самокиша . . .	65
Заставка. Вензель Императора Александра II.—Автотипія съ рисунка кистью Н. С. Самокиша .	66
Прибытіе Государя Александра II въ Бѣловѣжъ.—Автотипія съ акварели М. К. Зичи . . .	68
Государь Александръ II на штандѣ.—Автотипія съ акварели М. А. Зичи . . .	69
Посадка дерева Государемъ Александромъ II.—Автотипія съ акварели М. А. Зичи . . .	74
Монументъ зубра въ память охоты 1860 года.—Автотипія съ фотографіи . . .	76
Концовка. Егеръ сгналъ шестьдесятъ годовъ.—Цинкографія съ рис. перомъ Н. С. Самокиша .	77
Заставка. Волки, окружившіе зубровъ.—Цинкографія съ рисунка перомъ Н. С. Самокиша . . .	78
Штрека 1-го дня охоты В. К. Михаила Николаевича въ 1885 г.—Автотипія съ фотографіи . . .	89
Группа послѣ второго дня той же охоты.—Автотипія съ фотографіи . . .	90
Его И. Выс. В. К. Михаилъ Николаевичъ принимаетъ «bitch» отъ устроителя охоты.—Автотипія съ фотографіи . . .	91
Группа надъ зубромъ, убитымъ Его И. Выс. В. К. Георгіемъ Михайловичемъ.—Автотипія съ фотографіи . . .	92
Завтракъ на охотѣ 1885 г.—Автотипія съ фотографіи . . .	93
Концовка. Убитые зубры и лоси.—Цинкографія съ рисунка перомъ Н. С. Самокиша . . .	95
Заставка. Браконьеръ съ козломъ.—Цинкографія съ рисунка перомъ Н. С. Самокиша . . .	96
Видъ Бѣловѣжской усадьбы въ 1885 г.—Автотипія съ фотографіи . . .	98
Концовка. Юбилейный значокъ и медаль министерства государственныхъ имуществъ и значокъ удѣльнаго вѣдомства.—Цинкографія и автотипія съ рисунка перомъ Н. С. Самокиша	101

	стр.
Заставка. Дубы въ зимнемъ пейзажѣ.—Цинкографія съ рисунка перомъ Н. С. Самокиша	102
Зимній пейзажъ въ 66 кварталѣ.—Автотипія съ фотографіи Г. П. Карцова	112
Рѣка Нѣва.—Автотипія съ рисунка карандашомъ К. Я. Крыжцкаго	114
Наровъ зимою.—Автотипія съ рисунка саусомъ К. Я. Крыжцкаго	116
Простѣна въ Пущѣ зимою.—Автотипія съ фотографіи А. Д. Далматова	119
Вершина Баторіевой горы.—Автотипія съ фотографіи	120
Заглавная буква П.—Цинкографія съ рисунка перомъ К. Я. Крыжцкаго	121
«Гостинець» въ урочищѣ «Далматовъ камень».—Автотипія съ фотографіи А. Д. Далматова	124
Заглавная буква И.—Цинкографія съ рисунка перомъ К. Я. Крыжцкаго	126
Концовка. Типы бѣловѣжскихъ крестьянъ.—Цинкографія съ рисунка перомъ Н. С. Самокиша	130
Заставка. «Зубръ».—Цинкографія съ рисунка перомъ Н. С. Самокиша	131
Черепъ быковъ.—Автотипія	132
Черепъ зубра въ фасъ и профиль.—Автотипія съ фотографіи, снятой съ натуры	134
Зубръ по рисунку Герберштейна XVI в.—Цинкографія	143
Туръ по рисунку Герберштейна XVI в.—Цинкографія	144
Зубръ по гравюрѣ изданія Бринкена 1828 г.—Автотипія	152
Стадо зубровъ при подходѣ къ нему.—Автотипія съ фотографіи съ натуры Г. П. Карцова	155
Кудый ляжущійся зубръ.—Автотипія съ моментальной фотографіи съ натуры А. Д. Далматова	162
Стадо зубровъ на рыси.—Автотипія съ моментальной фотографіи съ натуры А. Д. Далматова	167
Стадо зубровъ на галопѣ.—Автотипія съ моментальной фотографіи съ натуры А. Д. Далматова	168
Кавказскій зубръ, убитый В. К. Сергѣемъ Михайловичемъ.—Автотипія съ фотографіи чучела	174
Трохлѣтній бѣловѣжскій зубръ.—Автотипія съ фотографіи съ натуры Г. П. Карцова	182
Трохлѣтній кавказскій зубръ.—Автотипія съ фотографіи съ натуры Г. П. Карцова	183
Зубры князя Плессы.—Автотипія съ фотографіи съ натуры	184
Штрека послѣ охоты Германскаго Императора въ угоды кн. Плессы.—Автотипія съ фотографіи	186
Зубрята Г. Фальцъ-Фейна.—Автотипія съ фотографіи съ натуры	188
Зубренокъ Г. Фальцъ-Фейна.—Автотипія съ фотографіи съ натуры	189
Отдыхающій въ степи американскій бизонъ.—Автотипія съ фотографіи съ натуры	189
Стадо зубровъ въ полдень.—Автотипія съ рисунка карандашомъ К. Я. Крыжцкаго	193
Зубрица, катающаяся въ снѣгу.—Автотипія съ моментальной фотографіи съ натуры А. Д. Далматова	194
Насторожившееся стадо зубровъ.—Автотипія съ фотографіи съ натуры Г. П. Карцова	196
Стволъ обглоданнаго зубрами ясеня.—Автотипія съ фотографіи Г. П. Карцова	198
Обглоданныя зубрами осины.—Автотипія съ фотографіи Г. П. Карцова	199
Бой зубровъ.—Цинкографія съ рисунка перомъ Р. Френца	202
Отдѣлившіеся отъ стада «тройники».—Автотипія съ рисунка карандашомъ К. Я. Крыжцкаго	204
Зубры и олени.—Автотипія съ моментальнаго панорамнаго снимка съ натуры А. Д. Далматова	206
Зубры Г. Фальцъ-Фейна черезъ 10 мѣсяцевъ послѣ начала акклиматизаціи и прирученія.—Автотипія съ фотографіи съ натуры	229
Зубръ Г. Фальцъ-Фейна и покрытая имъ украинская корова.—Автотипія съ фотографіи съ натуры	229
Корова полукровка, рожденная отъ бизона, съ ея телкой, происходящей также отъ бизона.—Автотипія съ фотографіи съ натуры	230
Концовка. Зубры у кормоваго сарая.—Цинкографія съ рисунка перомъ Н. С. Самокиша	231
Заставка. Охота на зубра въ XVII в.—Автотипія съ акварели М. А. Зичи	232
Польскій егеръ съ меделянами.—Автотипія съ рисунка кистью Р. Френца	233
Концовка. Убитый и выпотрошенный зубръ.—Автотипія съ фотографіи съ натуры	238
Заставка. Олени во время рѣва.—Автотипія съ рисунка кистью Р. Френца	239
Олени въ Пущѣ.—Автотипія съ панорамнаго снимка съ натуры А. Д. Далматова	241
Ипписсеръ, ланка и молодой олень.—Автотипія съ моментальнаго снимка съ натуры А. Д. Далматова	242
Олени подходятъ къ разбросаннымъ корнеплодамъ.—Автотипія съ моментальной фотографіи съ натуры А. Д. Далматова	243
Рѣвъ оленей.—Автотипія съ рисунка кистью А. С. Хрѣнова	245
Ревущій олень съ тремя ланками.—Автотипія съ рисунка кистью А. С. Хрѣнова	247
Олени на ходу.—Автотипія съ моментальнаго снимка съ натуры А. Д. Далматова	249
Двѣ пасущіяся ланки.—Автотипія съ рисунка кистью Р. Френца	250
Концовка. Лиса, подкрадывающаяся къ ланкѣ съ телкомъ.—Цинкографія съ рисунка перомъ А. С. Хрѣнова	251

	стр.
Лось по пзданію Брликена 1828 г.—Автотипія	252
Молодой лось.—Автотипія по фотографіи съ натуры А. Д. Далматова	253
Лосенокъ на рыси.—Автотипія съ моментальнаго снимка съ натуры А. Д. Далматова	254
Пасущійся лосенокъ.—Автотипія съ моментальной фотографіи съ натуры А. Д. Далматова	254
Лось на рыси.—Автотипія съ моментальнаго снимка съ натуры А. Д. Далматова	255
Концовка. Лосенокъ надъ погибшей матерью.—Цинкографія съ рисунка перомъ А. С. Хрѣнова	256
Заставка. Дерущіеся даниэлы.—Цинкографія съ рисунка перомъ Н. С. Самокиша, по моментальной фотографіи съ натуры А. Д. Далматова	257
Даниэлы на скаку.—Автотипія съ моментальнаго снимка съ натуры А. Д. Далматова	259
Кабаны въ дебряхъ.—Автотипія съ рисунка саусомъ и карандашомъ К. Я. Крыжницкаго	261
Кабаны на зимней жировкѣ.—Автотипія съ рисунка кистью Р. Френца	263
Крупный кабанъ.—Автотипія по фотографіи съ натуры Г. П. Карцова	265
Кабаны на ходу.—Автотипія съ рисунка карандашомъ К. Я. Крыжницкаго по моментальному снимку съ натуры А. Д. Далматова	266
Кабанъ на карьерѣ.—Автотипія съ моментальнаго снимка съ натуры А. Д. Далматова	267
Козы на пастбѣ.—Автотипія съ рисунка саусомъ К. Я. Крыжницкаго	269
Виньетка. Транспортъ матерьяловъ для вылова козъ.—Цинкографія съ рисунка перомъ В. И. Навозова по моментальному снимку А. Д. Далматова	272
Виньетка. Рабочіе, разгружающіе подводу съ флагами.—Цинкографія съ рисунка перомъ В. И. Навозова по моментальному снимку Г. П. Карцова	273
Уголь квартала, охваченнаго тенѣтами и флажками.—Автотипія съ фотографіи Г. П. Карцова	274
Пріемъ козы изъ тенѣтъ.—Автотипія съ моментальнаго снимка съ натуры А. Д. Далматова	275
Перенесеніе козы на носилкахъ къ ящику.—Автотипія съ рисунка кистью В. И. Навозова по фотографіи А. Д. Далматова	276
Протянутыя тенета.—Автотипія съ фотографіи Г. П. Карцова	277
Несутъ козу.—Автотипія съ моментальнаго снимка А. Д. Далматова	278
Виньетка. Пріемъ лося изъ тенѣтъ.—Цинкографія съ рисунка перомъ Н. С. Самокиша по моментальному снимку съ натуры А. Д. Далматова	279
Перенесеніе ящика съ козой.—Автотипія съ моментальнаго снимка А. Д. Далматова	281
Концовка. Гнѣздо глухарки.—Цинкографія съ рисунка перомъ Н. С. Самокиша	286
Заставка. Надъ убитымъ лосемъ.—Цинкографія съ рисунка перомъ Н. С. Самокиша	287
Виньетка. Смолокурня въ Пушчѣ.—Цинкографія съ рисунка перомъ В. И. Навозова	290
Видъ на южный фасадъ Императорскаго дворца.—Автотипія съ фотографіи	296
Запѣдующій охотою І. В. Неврли.—Автотипія съ фотографіи А. Д. Далматова	299
Охотничья и лѣсная стражи.—Автотипія съ фотографіи А. Д. Далматова	302
Виньетка. Біловѣжскіе егеря въ ночномъ дозорѣ.—Автотипія съ рисунка кистью В. И. Навозова	305
Открытый сарай-навѣсъ стараго типа на кормовомъ пунктѣ.—Автотипія съ рисунка перомъ и карандашомъ К. Я. Крыжницкаго	316
Одиночная кормушка.—Автотипія съ рисунка карандашомъ К. Я. Крыжницкаго	317
Закрытый сарай для храненія корма.—Автотипія съ фотографіи Г. П. Карцова	317
Кормовой сарай и погребъ на кормовомъ пунктѣ.—Автотипія съ панорамнаго снимка А. Д. Далматова	319
Кормушка для оленей, даниэлей и козъ.—Автотипія съ моментальнаго снимка съ натуры А. Д. Далматова	320
Пріемъ корнеплодовъ изъ погреба.—Автотипія съ моментальнаго снимка съ натуры А. Д. Далматова	321
У кормового пункта зимою.—Автотипія съ рисунка кистью А. С. Хрѣнова	322
Разбрасываніе корнеплодовъ по дорогамъ.—Автотипія съ моментальнаго снимка съ натуры А. Д. Далматова	323
Кормовой пунктъ лѣтомъ.—Автотипія съ фотографіи Гана	326
Зубровая ловушка внутри.—Автотипія съ фотографіи А. Д. Далматова	351
Прогонъ зубровой ловушки снаружы.—Автотипія съ фотографіи А. Д. Далматова	352
Кабанья ловушка внутри.—Автотипія съ фотографіи Г. П. Карцова	353
Прогонъ кабаньей ловушки снаружы.—Автотипія съ фотографіи Г. П. Карцова	353
Концовка. У зубровой ловушки.—Автотипія съ рисунка карандашомъ К. Я. Крыжницкаго	354
Заставка. Года Высочайшихъ охотъ въ Пушчѣ въ идѣи между перилами дворцовой лѣстницы.—Цинкографія съ рисунка перомъ Н. С. Самокиша	355

	стр.
Егеря и загонщики въ ожиданіи начала охоты.—Автотипія съ фотографіи Гана	361
Цѣль солдаты загонщиковъ при началѣ гона.—Автотипія съ фотографіи Гана	364
Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Михаилъ Александровичъ при выѣздѣ на охоту.—Автотипія съ фотографіи Гана	365
Убитый зубрь.—Автотипія съ рисунка карандашомъ и саусомъ К. Я. Крыжицкаго по фотографіи.	368
Павильонъ у железнодорожной платформы, построенный въ 1894 г.—Автотипія съ фотографіи Гана	372
Его Величество Государь Императоръ Александръ III у подѣзда бѣловѣжскаго дворца въ концѣ августа 1894 г.—Автотипія съ рисунка кистью В. И. Навозова по фотографіи	373
Ихъ Императорскія Высочества Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ, В. К. Михаилъ Александровичъ, Владиміръ Александровичъ и Королевичъ Николай греческій во время охоты 1894 г.—Автотипія съ фотографіи Гана	375
Послѣ завтрака во время Высочайшей охоты.—Автотипія съ фотографіи Гана.	376
Выѣздъ на охоту Великихъ Князей.—Автотипія съ фотографіи Гана	381
Августѣйшіе охотники И. И. В. Великіе Князья Михаилъ Николаевичъ, Владиміръ Александровичъ, Николай Николаевичъ и принцъ Саксенъ-Альтенбургскій.—Автотипія съ фотографіи Гана	383
Передъ завтракомъ во время Высочайшей охоты.—Автотипія съ фотографіи Карасика.	384
Его Императорское Высочество В. К. Михаилъ Николаевичъ перѣѣзжаетъ отъ одного квартала къ другому.—Автотипія съ фотографіи Гана	386
Его Императорское Величество Государь Императоръ, Государь Наслѣдникъ Михаилъ Александровичъ и В. К. Владиміръ Александровичъ осматриваютъ убитаго зубра.—Автотипія съ фотографіи Гана	387
Ихъ Императорскія Высочества В. К. Владиміръ Александровичъ и В. К. Марія Павловна съ сопровождавшими ихъ лицами во время перерыва охоты, въ 1902 г.—Автотипія съ фотографіи А. А. Галль.	390
Ея Императорское Высочество В. К. Марія Павловна и г-жа Петерсъ на штандѣ.—Автотипія съ фотографіи А. А. Галль	391
Ея Императорское Высочество В. К. Марія Павловна на штандѣ во время гона.—Автотипія съ фотографіи А. А. Галль	392
Простѣка железнодорожнаго полотна.—Автотипія съ фотографіи А. Д. Далматова	394
Видъ на Бѣловѣжъ при выѣздѣ изъ лѣса на Бѣловѣжскую поляну.—Автотипія съ рисунка карандашомъ К. Я. Крыжицкаго	395
Бѣловѣжская церковь.—Автотипія съ фотографіи Гана	398
Вашня Бѣловѣжскаго Императорскаго дворца.—Автотипія съ фотографіи Карасика	399
Видъ на Императорскій дворецъ съ юго-восточной стороны.—Автотипія съ фотографіи Гана.	400
Сѣверный фасадъ Императорскаго дворца.—Автотипія съ фотографіи Гана	401
Императорскій павильонъ Государя Александра II въ его настоящемъ видѣ.—Автотипія съ фотографіи Г. П. Карцова	402
Зданіе Императорской конюшни.—Автотипія съ фотографіи Гана.	403
Мостъ на военно-стратегическомъ бѣловѣжскомъ шоссе.—Автотипія съ фотографіи Г. П. Карцова	404
Сторожевой домикъ на томъ же шоссе.—Автотипія съ фотографіи Г. П. Карцова	404
Охотничій павильонъ въ звѣринцѣ.—Автотипія съ фотографіи Карасика	405
Стадо зубровъ въ звѣринцѣ, показываемыхъ туристамъ.—Автотипія съ моментальной фотографіи А. Д. Далматова	406
Мѣсто штанда Государя Александра II.—Автотипія съ фотографіи Г. П. Карцова	407
Камень подъ дубомъ, гдѣ былъ Императорскій штандъ во время охоты 1860 г.—Автотипія съ фотографіи Г. П. Карцова	407
Концовка. Двуглавый орелъ, царящій надъ Императорскимъ бѣловѣжскимъ дворцомъ.—Цинкографія съ рисунка перомъ Н. С. Самокиша.	409

Карты и чертежи.

	стр.
Карта Бѣловѣжской Пуши и ея окрестностей. Масштабъ 10 верстъ въ дюймѣ.—Цинкографія.	105
Карта Пуши съ нанесеніемъ лѣсонасажденій. Масштабъ 4 версты въ дюймѣ.—Литографія въ 8 краскахъ.	108 — 109
Чертежъ (схематическій) слѣдовъ зубра на разныхъ аллюрахъ.	160
Карта съ обозначеніемъ распространенія зубровъ на Кавказѣ	176
Графическое изображеніе скрещиванія зубровъ съ домашнимъ скотомъ и размноженія ихъ при опытахъ Валицкаго въ 1847 г.	224
Карта Пуши съ показаніемъ административнаго охотничьяго дѣленія. Литографія въ 8 краск.— Масштабъ 4 версты въ дюймѣ	292 — 293
Карта Пуши съ показаніемъ размѣщенія кормовыхъ и складочныхъ сараевъ, искусственныхъ прудовъ и солопчаконъ.— Масштабъ 4 в. въ дюймѣ.—Литографія въ 7 краскахъ.	324 — 325
Карта Пуши съ показаніемъ мѣстопребыванія главнѣйшихъ породъ звѣря весной. — Литографія въ 7 краскахъ.—Масштабъ 4 в. въ дюймѣ.	332 — 333
Чертежъ (схематическій) зубровой ловушки.—Цинкографія.	350
Карта Пуши съ показаніемъ мѣстопребыванія главнѣйшихъ породъ звѣря осенью и пастбищныхъ кварталовъ.—Литографія въ 7 краскахъ.—Масштабъ 4 в. въ дюймѣ.	356 — 357
Схематическій чертежъ квартала, охваченнаго во время облавной охоты.—Цинкографія	359
Планъ производства Высочайшей охоты въ 1900 году.—Цинкографія	382
Карта Пуши съ показаніемъ мѣстопребыванія главнѣйшихъ породъ звѣря зимою.—Литографія въ 7 краскахъ.—Масштабъ 4 версты въ дюймѣ.	396 — 397

Бѣловѣжская пуца.

Историческій очеркъ.

Безпрерывныя войны древнихъ восточныхъ Славянъ съ Литвою и Польшею происходили всегда вблизи и частью даже на самой территоріи нынѣшней Бѣловѣжской Пуци.

Достовѣрныя данныя о событіяхъ, совершавшихся здѣсь, восходятъ къ на-

чалу Руси. Въ 983 г., по словамъ нашего лѣтописца, „иде Владимиръ на Ятвязи и побѣди Ятвязи и вся землю ихъ“ ¹⁾. Ятвяги были дикое, воинственное племя, принадлежавшее, по мнѣнію однихъ, къ Латышамъ, по мнѣнію другихъ, къ Славянамъ, или къ переселенцамъ съ береговъ Чернаго моря. Они занимали сѣверо-западную часть Пуши, но не только нынѣшней, составляющей заповѣдную рощу, а обширнаго лѣсного пространства по Нѣману, Шарѣ, Ясельдѣ, З. Бугу, Нареву, Бобру и ихъ притокамъ.

Болѣе древнія указанія, относящіяся къ данной мѣстности, встрѣчаются еще у Геродота, который говоритъ о Нурской землѣ и Неврахъ, селившихся по рѣкамъ Нареву, Лѣснѣ и Нурчаку ²⁾. Плиній и Тацитъ также упоминаютъ объ этомъ племени и послѣдній называетъ Геродотовыхъ Невровъ *Naharvali* и *Nanaharvali*, по названію рѣкъ Нареву и Наревкѣ. Въ тѣ времена, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ и борьбы съ природою, племена и народы быстро смѣнялись другъ друга, но о Неврахъ, правильнѣе Наревлянахъ, сохранились указанія, подтверждающія ихъ существованіе еще въ концѣ IX вѣка ³⁾.

Въ общихъ чертахъ, въ началѣ второго тысячелѣтія нашей эры, если принять нынѣшнюю Пушу за центръ, населеніе въ ней и вокругъ нея распредѣлялось, приблизительно, такъ: юго-западную сторону занимали Наревляне, юго-восточную—Дреговичи ⁴⁾, о нихъ упоминаетъ Несторъ, а къ сѣверу, по преимуществу на западъ, по Бобру до Нарева, заселяя наибольшую часть Пуши,—Ятвяги, природные звѣроловы и охотники.

Обращаясь къ тѣмъ временамъ, нужно вспомнить, что все пространство отъ береговъ Балтійскаго моря до Буга было покрыто сплошнымъ дремучимъ лѣсомъ. Атмосферная и почвенная влага не поглощались тогда распаханными полями, лѣсовъ не вырубали, болотъ не осушали, къ тому же уровень Балтійскаго моря стоялъ значительно выше, нежели теперь. Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, большія полноводныя рѣки, питаемыя безчисленными ручейками, прорѣзывали лѣса во всѣхъ направленіяхъ; мѣстами же стояла непроходимая топь. Подъ вліяніемъ обилія влаги лѣсъ быстро развивался, достигая гигантскихъ размѣровъ, хотя и одинаково быстро погибалъ. Съ грохотомъ валились великаны, образуя своими гніющими въ трясилахъ стволами тѣ лѣсныя дебри, о которыхъ мы можемъ только догадываться. Разрушившійся лѣсъ служилъ колыбелью для новаго поколѣнія великановъ. Природа одна, безъ содѣйствія человѣка, воспитывала, разрушала и возрождала лѣсъ.

Напитанный болотистыми испареніями воздухъ, нависшіе на всемъ туманы, вихри и грозы въ жаркіе лѣтніе дни, метели и вьюги зимою,

дополняют картину лѣса того времени. Въ весенніе разливы все это пространство превращалось въ огромное прѣсное море, поросшее вѣковыми стволами, а надъ этимъ моремъ высилась Пуща. Занимая возвышенную мѣстность, составляющую водораздѣлъ Нѣмана, Буга и Припяти, Пуща не затоплялась. Здѣсь укрывался звѣрь отъ воды. Трудно представить себѣ, какая тамъ закипала жизнь, какъ вопили, ревѣли, выли, хрипѣли звѣри, сбѣгавшіеся со всѣхъ сторонъ, и хотя пространство, о которомъ мы говоримъ, занимало десятки тысячъ квадратныхъ верстъ, но и звѣрья водилось тогда не столько, сколько теперь. Въ старинныхъ литовскихъ лѣсахъ, до XVII вѣка, царилъ мощный, величавый туръ, о немъ до насъ дошли только сказанія и скудныя записи. Россомаха и дикая лошадь, мелкая приземистая, той же породы, которая паслась табунами въ южныхъ степяхъ, также давно вымерли. Бобръ и тотъ становится рѣдкостью, а въ Пущѣ его уже совсѣмъ нѣтъ. Раскопки показываютъ намъ, что еще раньше, въ доисторическія времена, въ тѣхъ мѣстахъ водились сѣверный олень, мускусный быкъ, пещерный медвѣдь и даже мамонтъ. Присоединивъ къ этому породы, сохранившіяся до нашего времени, въ особенности зубра, мы можемъ представить себѣ Пущу того времени настоящимъ звѣринымъ царствомъ.

Среди такого населенія, среди непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ, первобытный человѣкъ, вооруженный камнемъ или кускомъ кости, чувствовалъ себя слабѣй окружающей природы и, естественно, боялся звѣря. Страхъ этотъ сказался въ обожаніи сильнѣйшихъ представителей: тура, зубра, кабана и пр. Тѣмъ не менѣе, необходимость защищаться, и главнымъ образомъ то, что дикарь не зналъ иной пищи, кромѣ мяса, иной одежды, кромѣ шкуры, вынуждали его вступать въ борьбу. Дикарь долженъ былъ близко изучать природу звѣря и настойчиво развивать въ себѣ силу, проворство, ловкость, мужество, а въ особенности хитрость, чтобы выходить побѣдителемъ въ этой борьбѣ за существованіе. Всѣ эти качества, передаваясь по наслѣдству и примѣромъ, ярко выразились въ грозномъ охотничьемъ племени Ятвяговъ. Они жили охотою и любили ее, но охота не была для нихъ доходнымъ промысломъ. Пушистая шкура бобра имѣла въ ихъ глазахъ не большую цѣну, нежели всякая другая, дикарь не былъ жаденъ и, конечно, взаимная борьба звѣрей уничтожала ихъ тогда несравненно больше, нежели человѣкъ.

Еще до упомянутаго похода Владиміра, въ половинѣ X вѣка, Кіевскіе князья, покоривъ Дреговичей, пошли далѣе на западъ, гдѣ столкнулись съ одной стороны съ Ляхами, съ другой съ Ятвягами и Литовцами—народами еще менѣе культурными, нежели восточные

Ориг. рисунокъ
Ф. Френца.

Славяне. Чѣмъ закончился этотъ первый натискъ Славянъ, педшихъ съ придиѣпровскихъ равнинъ и высотъ въ невѣдомый имъ лѣсистый, болотистый литовскій край, исторія не дастъ отвѣта. Походъ же Владиміра положилъ начало непрерывнымъ войнамъ, закончившимся въ концѣ XIII столѣтія полнымъ уничтоженіемъ Ятвяговъ.

Владиміръ уводилъ Ятвяговъ тысячами въ полонъ, облагалъ лыками, вѣликами, звѣриными кожами, а на мѣстахъ истребленныхъ лѣсовъ селилъ своихъ людей. Такъ образовались Бѣльскъ и Мельникъ.

По примѣру Владиміра, продолжая покореніе западнаго края, „Ярославъ иде на Ятвязи“ (1038 г.), но, на этотъ разъ, послѣдніе

оказали болѣе энергичное сопротивленіе. Хотя и побѣжденные, они отказались платить дань. Родные лѣса и болота хорошо укрывали ихъ ⁵⁾).

По смерти Ярослава, до вступленія на княжескій престолъ *Данила Галицкаго* (съ 1154—1205 г.), интересующая насъ мѣстность входила въ составъ Владиміро-Волынской области и служила театромъ непрерывныхъ раздоровъ удѣльныхъ князей.

Конецъ междоусобицъ положилъ Владиміръ Мономахъ. Укрѣпивъ

Ориг. рисунокъ
К. Я. Крыжичаго.

писъ въ западной Руси, онъ отдалъ названную область 8-ми-лѣтнему сыну Андрею, отъ котораго она вскорѣ перешла къ внуку Владиміра, Изяславу — родоначальнику князей Галицкихъ. Съ этимъ періодомъ впервые связывается упоминаніе о добычѣ звѣря. Подати стали вносить мѣхами и на расходы по княжымъ охотамъ взимать повинности. Разумѣется, подобныя установленія не распространялись на Ятвяговъ, укрывавшихся въ лѣсахъ, изъ которыхъ они отъ времени до

времени безпокоили русскія области набѣгами. Въ огражденіе отъ ихъ набѣговъ, сначала Владиміръ, а за нимъ Ярославъ, Изяславъ и другіе русскіе князья строили города, въ которыхъ оставляли своихъ людей. Такимъ образомъ основались: Берестъ (Брестъ), Слонимъ, Дрогичинъ, Городно ⁶), ближайшіе населенные пункты вокругъ будущей Бѣловѣжской Пущи. Новые города имѣли обыкновенно укрѣпленные сторожевыя башни — вѣжи, съ которыхъ наблюдали за совершавшимся вокругъ. Если бы съ высоты вѣжъ можно было видѣть далеко, то глазъ различилъ бы среди лѣсовъ и полей мелкія ятвяжскія и литовскія селенія, разбросанныя на большихъ разстояніяхъ, какъ бы островками. Только осторожная звѣриная лапа, да нога туземца могли подойти къ такимъ селеніямъ. Подобно бѣлкѣ или куницѣ, идущей верхомъ по вѣткѣ, прыгая съ кочки на кочку, съ кочки на пенъ или на корягу великаго дуба, пробирался Ятвягъ звѣриною тропкою отъ острова къ острову. Вести войну въ такой мѣстности значило перебрасывать мосты, осушать болота, насыпать гати, словомъ, прежде всего покорять природу.

Счастливыя то были времена для звѣря. Сильна была природа, велика стояла глушь!

Въ XIII столѣтіи распри удѣльныхъ князей хотя и нѣсколько стихли, но Владиміро-Волынская область не переставала служить предметомъ и театромъ войнъ.

Сначала область разгромилъ король Польскій Лешко-Бѣлый, но ему не удавалось укрѣпиться, такъ какъ его вытѣснялъ князь Даниилъ Романовичъ Галицкій, и они хозяйничали здѣсь попеременно⁷). Затѣмъ, въ 1228 г., ятвяжскія пущи захватили-было союзные удѣльные князья, но Даниилъ Романовичъ своимъ походомъ на Кіевъ побудилъ ихъ вернуться во-свояси. Тутъ вскорѣ началось татарское нашествіе. Полчища Батя, разгромивъ въ 1240 г. Кіевъ, дошли до литовскихъ земель, и Кайданъ, военачальникъ Батя, захватилъ Мельникъ, Дрогичинъ, Городно, Волковыскъ и Слонимъ.

Глядя на эти войны вокругъ себя, Ятвяги заражаются общимъ теченіемъ и перестаютъ охотиться исключительно на звѣря, принимая участіе въ рядахъ то тѣхъ то другихъ враждующихъ между собою народовъ. Впрочемъ, ихъ принуждали къ тому и обстоятельства: съ сѣвера ихъ тѣснилъ, народившійся недавно, Тевтонскій орденъ, съ запада—Поляки и Мазовшане, съ востока—удѣльные князья. Татарское нашествіе отвлекло на нѣкоторое время восточныхъ Славянъ отъ Литвы и тѣмъ отерочилось ея покореніе, иначе Ятвяговъ, находившихся на пути соединенныхъ дѣйствій могущественныхъ сосѣдей, гораздо раньше стерли бы съ лица земли. —

Пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ Славянъ, среди мелкихъ литовскихъ князей выдвинулся нѣкій Миндовгъ и объединилъ подъ своею властью разрозненные литовскія племена. Округляя свое княжество, Миндовгъ, въ 1241 г., захватилъ сначала Городно, Волковыскъ и другіе города ⁹⁾, а въ 1246 г., продолжая двигаться на югъ, проникъ въ Пуцу къ Ятвягамъ. Дикари любили свои дебри и отважно встрѣтили Миндовга. Они искусно выбирали для боя по возможности глухія мѣста, укрѣпляли боевую линію засѣками и канавами и съ сулицами и пращами въ рукахъ засыпали враговъ камнями. Болѣе

Ориг. рисунокъ
Ш. И. Навозова.

тяжкія пораженія Ятвягамъ въ тѣ же года наносилъ Даниилъ Романовичъ. Онъ принудилъ ихъ „въ работѣ быть ему и города рубить въ землѣ своей“ ¹⁰⁾. Въ сильный голодъ 1279 года Ятвяги оказались уже настолько культурнымъ народомъ, что просили у князя Владимира Волынскаго хлѣба, обѣщая въ промѣнъ произведенія своихъ пущъ. Послы ихъ говорили такъ: „Господинъ князь Владиміръ! Пріѣхали мы „къ тебѣ отъ всѣхъ Ятвяговъ, понадѣясь на Бога и твое здоровье,

„господинъ, не помори насъ, пошли намъ жито свое на продажу: мы съ радостію станемъ покупать, что хочешь, то и будемъ давать: „воску, бѣлокъ, бобровъ, черныхъ куницъ и зубровъ“ ¹¹⁾). Но какъ ни мужественно боролись Ятвяги, все же они не могли долго держаться среди значительно болѣе многочисленныхъ и культурныхъ сосѣдей. Въ 1281 г. литовскій князь Тройденъ нанесъ Ятвягамъ окончательное пораженіе и наименовался также княземъ Ятвяжскимъ ¹²⁾). Въ концѣ вѣка Ятвяговъ, укрывавшихся поодиначкѣ въ лѣсахъ, истребили Поляки и объ этомъ отважномъ народѣ-охотникахъ остались только историческія воспоминанія. Слѣды Ятвяговъ сохраняются въ названіи нѣкоторыхъ деревень и урочищъ Литвы и Бѣловѣжской Пуши, напр.: Большая и Малая Ятвязь, урочища Язвины, Язвинка, Язвинская гора и многія другія.

Въ продолженіе всего XIV вѣка родина Ятвяговъ оставалась опустѣлою, чѣмъ естественно и воспользовался другой ея обитатель—звѣрь.

ъ воспоминаніяхъ объ Ятвягахъ не сохранилось указаній—носила ли какое-нибудь общее названіе та мѣстность, которую они заселяли, и въ частности нынѣшняя Бѣловѣжская Пуща. Ближайшее указаніе на наименованіе Пущи Бѣловѣжскою относится къ концу XIII вѣка, т. е. ко времени, когда Ятвяговъ уже не стало.

Въ литовскомъ краѣ, въ этотъ періодъ, обособилось уже нѣсколько лѣсныхъ пространствъ—пущь, границы которыхъ, хотя и не были точно обозначены, но и тогда уже различали Гродненскую пущу, которую отдѣлялъ Наревъ отъ Бѣлской. Последняя сливалась съ Рудскою, тянувшейся отъ Бреста до Кобрина. Центральное мѣсто среди этихъ лѣсовъ занимала: Бѣловѣжско-Каменецкая, или, какъ ее стали короче называть, Бѣловѣжская Пуща.

Въ Ипатіевской лѣтописи разсказывается, какъ князь Владиміръ Васильковичъ Волынскій, „соскучивъ“ частыми разореніями Бреста и недовольный беспокойными сосѣдями Литовцами и Ятвягами, поручилъ мужу хитру, опытному въ зодчествѣ, Олеску выбрать безопасное мѣсто для новаго города ¹⁵⁾. Поплывъ вверхъ по Лѣснѣ, Олеско остановился на лѣсистой мѣстности, при сліяніи Лѣсны и Бѣлой, и указалъ на нее князю. Владиміръ, со всѣмъ дворомъ, отправился на осмотръ и, одоббивъ выборъ, повелѣлъ заложить городъ и вмѣстѣ съ тѣмъ по условіямъ времени, сторожевую башню-вѣжу. Городъ назвали Каменцомъ, вѣроятно по грунту мѣстности, вѣжа же у него была бѣлая. Отъ этой-то бѣлой вѣжи произошло названіе Пущи. Въ старинныхъ

актахъ и грамотахъ литовскихъ князей и королей польскихъ до XVII вѣка Пуца называлась Бѣловѣжско-Каменецкою. Изъ тѣхъ же актовъ видно, что въ XIV вѣкѣ Пуца обнимала пространство почти въ 20.000 квадратныхъ верстъ, которому отвѣчаютъ 5 уѣздовъ нынѣшней Гродненской губерніи: Волковысскій, Пружанскій, Брестскій, Бѣлостокскій и Сокольскій. Отъ границы до границы было не менѣе 200 верстъ, а въ нѣкоторыхъ направленіяхъ до 300 верстъ. Когда-то княжеская резиденція обратилась теперь въ заштатный городъ, бѣлая же вѣжа стоитъ и понынѣ, отражая свои стѣны въ широкомъ разливѣ Лѣсны и Бѣлой, но съ нея видны уже не зелень лѣсовъ, а песчаные холмы, такъ какъ пуца отошла на 12 верстъ. Шесть вѣковъ противится этотъ молчаливый свидѣтель, 17 саж. вышиной и 16 въ окружности, вліянію дождей и вѣтровъ, напоминая намъ о древнемъ владычествѣ Русскихъ въ Литвѣ и о томъ, какъ тогда умѣли строить. Въ амбразурахъ бойницъ и на карпизахъ оконъ еще недавно была замѣтна бѣлая окраска. Башня выведена въ три яруса съ подвалами, изъ которыхъ были ходы къ рѣкамъ. Въ толщѣ стѣнъ сохранились слѣды спиральной лѣстницы къ зубцамъ башни, а внутри — кирпичные своды и дубовыя 8-мисаженныя балки. Кирпичами можно выскрести огонь и теперь, а балки еще нѣсколько лѣтъ назадъ были совсѣмъ свѣжія.

Существуетъ еще другое предположеніе относительно происхожденія названія Пуци. Его производятъ отъ рѣки Бѣлой и слова „вѣсь“, но рѣчекъ Бѣлыхъ въ этой мѣстности нѣсколько и всѣ онѣ протекали въ лѣсахъ¹⁴).

Какъ сказано, въ теченіе всего XIV столѣтія родина Ятвяговъ была предоставлена самой себѣ. Лѣсъ и звѣри жили, развивались и множились безъ помѣхи со стороны человѣка. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока Литва не подпала подъ власть Польши и съ того времени территорія ея стала постепенно сокращаться.

Новые хозяева Пуци, проникшіе туда еще при Миндовгѣ, мало отличались отъ прежнихъ—Ятвяговъ. Правда, о завоевателяхъ—Литовцахъ наши свѣдѣнія нѣсколько обширнѣе. Мы знаемъ, что у нихъ было какое-то устройство, были князья, но въ общемъ это были такіе же дикари, какъ и Ятвяги, не знавшіе иныхъ занятій, кромѣ охоты и войны.

Въ теплое время ходили полунагіе, въ стужу прикрывались шкурами и питались почти исключительно мясомъ, предпочитая жирное кабанье и конину. Пили изъ зубриныхъ роговъ, считая, что такого рода сосуды предохраняютъ отъ колдовства и очарованія¹⁵), даже металлические сосуды, появившіеся позднѣе, выдѣлывались наподобіе ро-

говъ. Напитками служили „Олюсь“ и „Паскалейсь“, приготовлявшіеся изъ меда или изъ молока съ теплою кровью животныхъ, убитыхъ тутъ же, на охотѣ, или при жертвоприношеніяхъ. Пили до опьянѣнія всѣ безъ различія: мужчины, женщины, дѣти.

Ретуш. фотографія.

Характеръ языческой религіи, которую исповѣдывали древніе Литовцы, свидѣтельствуєтъ о самой низкой степени ихъ развитія.

Они исключительно поклонялись природѣ, главнымъ образомъ лѣсу и тѣмъ изъ его обитателей: туру, зубру, медвѣдю, кабану и пр.,

которые были пострашнѣе. Большія старыя деревья, въ особенности расщепленные молніей, пользовались преимущественнымъ почитаніемъ ¹⁶⁾, поэтому вся Литва еще въ XIV вѣкѣ была покрыта священными заповѣдными рощами. Порубка въ нихъ наказывалась смертю, но зато самый большой преступникъ могъ укрываться тамъ, не опасаясь за свою неприкосновенность. На лѣсныхъ холмахъ, у подножья старыхъ дубовъ или возлѣ большихъ камней сооружались жертвенники и возжигался неугасимый огонь—Зничъ, который поддерживалъ жрецъ Зинчъ. Дубъ,—какъ символъ величія, силы и долговѣчія,—занималъ первое мѣсто среди обожаемыхъ деревьевъ и былъ посвященъ Перкуну, главному божеству. Орѣшникъ—богинѣ Лазданъ, верба, какъ символъ плодородія, — богинѣ Лаймѣ. Въ старинныхъ литовскихъ пѣсняхъ поется про богиню водъ и про царицу змѣй—Латтисъ, заключенную въ ель. Одинъ изъ ея сыновей былъ заключенъ въ дубъ, другой въ ясень, дочь — въ осину. Сосна, вязъ и даже бузина служили также предметами обожанія. Подъ кустами послѣдней жилъ какой-то богъ Разутисъ съ гномами, называвшимися баретуки ¹⁷⁾. Языческія вѣрованія Литовцевъ послужили благодарною темою для поэтическихъ вымысловъ позднѣйшихъ временъ.

Политическія событія, совершавшіяся вокругъ молодого Литовскаго княжества, благопріятствовали его развитію и территоріальному расширенію. Не встрѣчая большого сопротивленія, литовскіе князья захватили все Подлясье. Собственно же—Принаревскія и Прилѣсенскія пущи перешли къ князю Витенесу. Преемникъ его Гедиминъ возвелъ Литовское княжество на степень большого могущества и былъ извѣстенъ, какъ страстный охотникъ. Заходилъ ли онъ собственно въ Пущу на это не имѣется прямыхъ указаній, но, прослѣдивъ маршрутъ его походовъ и поѣздокъ по княжеству, нельзя сомнѣваться, что онъ неоднократно посѣтилъ пущинскіе лѣса. Такъ, къ походу на Кіевъ въ 1320 г., онъ готовился въ Брестѣ, готовится же къ походу въ тѣ времена значило непрерывно охотиться ¹⁸⁾.

Охота служила школою военнаго дѣла, приучая людей обращаться съ оружіемъ, смотрѣть въ глаза опасности и выносить лишения. Зубръ, медвѣдь и даже кабанъ для человѣка, вооруженнаго копьемъ или тупымъ, тяжелымъ мечомъ, были не менѣе страшны, нежели двуногій противникъ. Кромѣ того, на охотѣ заготовлялось продовольствіе для войска. Посѣщая Брестъ, Гедиминъ, конечно, не могъ пропустить лучшихъ охотничьихъ угодій на сѣверъ отъ Бреста, къ тому же и путь домой, въ его резиденціи: Новыя Троки и Вильно, пролегалъ черезъ Каменецкую Пущу.

По смерти Гедимины Литовское княжество раскололось на двѣ

части. Брестъ, Каменецъ-Литовскъ, Брянскъ, Бѣльскъ и Волковыскъ, а слѣдовательно и Пуца достались младшему сыну Кейстуту, а оставшая часть княжества—старшему—Ольгерду.

Въ періодъ княженія Кейстута принаревскіе лѣса были не долго завоеваны въ 1348 г. Польскимъ королемъ Казиміромъ Великимъ, но литовскіе князья, соединившись съ русскими, вытѣснили его отсюда ¹⁹).

Кейстутъ также былъ охотникъ. Лучшимъ подтвержденіемъ этого служить описаніе пышныхъ похоронъ, возданныхъ ему въ долигѣ Свиногога подъ Вильною. Кейстутъ былъ задушенъ въ 1382 г. по приказанію своего племянника Ягелло въ замкѣ Крево. Тѣло торжественно сожгли и прахъ опустили въ могилу вмѣстѣ съ охотничьимъ вооруженіемъ и прахомъ любимой лошади, охотничьихъ собакъ и соколовъ, также сожженныхъ на кострѣ ²⁰). Заходилъ ли Кейстутъ въ Бѣловѣжскіе лѣса, мы не знаемъ.

Владѣнія Кейстута перешли къ его сыну Витольду, дѣлившему Литву съ двоюроднымъ братомъ Ягелло, сыномъ Ольгерда.

Братья долго не ладили между собою, и принаревскія земли, составлявшія наслѣдственное владѣніе Витольда, не разъ переходили къ Ягелло, который передавалъ ихъ даже родственному Мазовецкому князю Янушу. Но, черезъ 10 лѣтъ, въ 1392 г., братья все-таки помирились, и за Витольдомъ сохранился Гродненскій удѣлъ, почему онъ именовался также Гродненскимъ княземъ ²¹). Послѣ знаменитаго сѣзда въ Брестѣ осенью 1409 г., гдѣ Ягелло и Витольдъ поклялись защищать другъ друга отъ общаго врага—рыцарей Тевтонскаго ордена, Витольдъ, для приготовленія къ походу, вернулся въ свою столицу Троки, а Ягелло, воспользовавшись осеннимъ временемъ, поѣхалъ готовиться въ Бѣловѣжскую Пуцу.

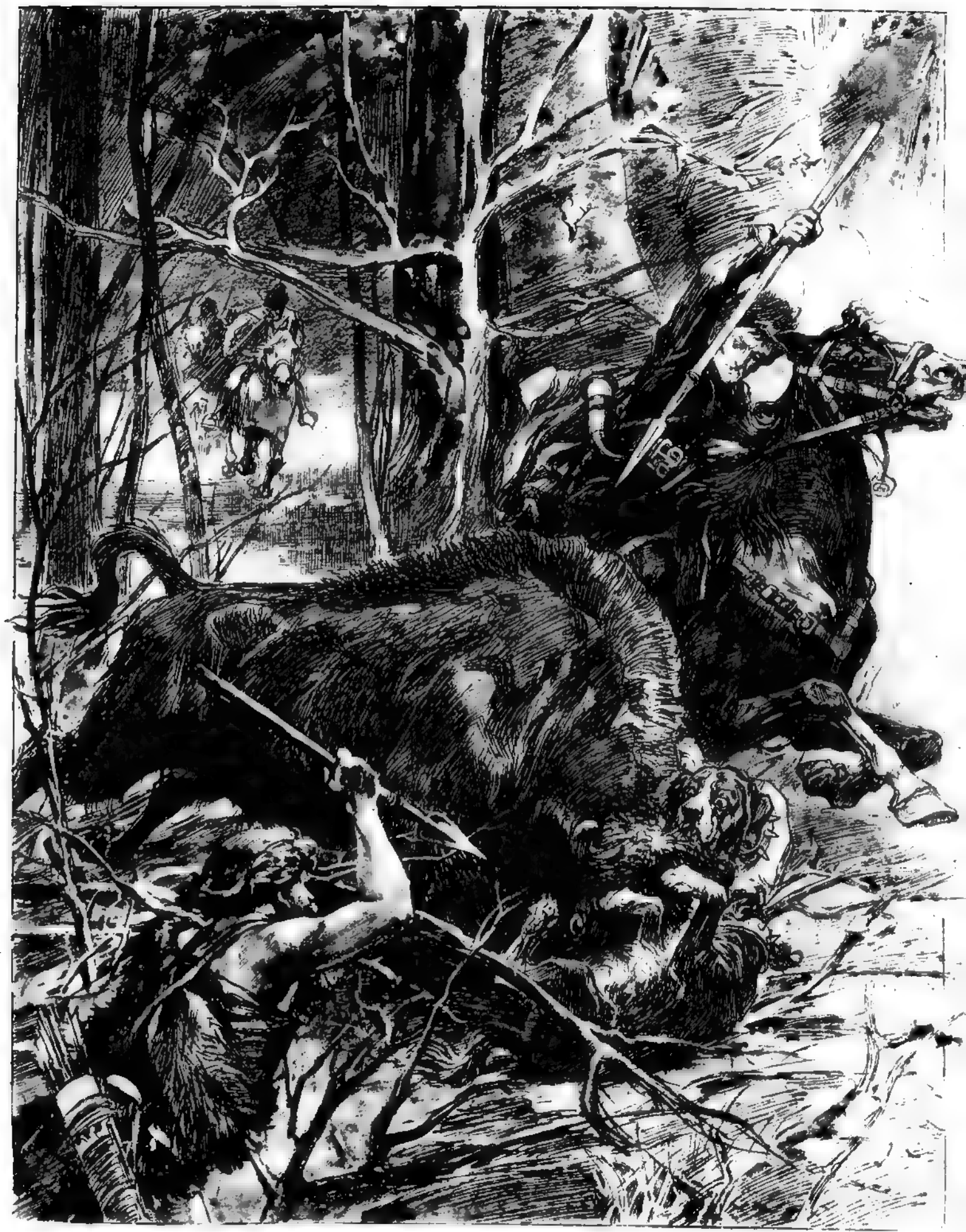
Съ этого года, историки, описывая походъ, впервые стали называть Пуцу—Бѣловѣжскою.

Всю осень и зиму Ягелло, сопровождаемый многочисленнымъ охотничьимъ отрядомъ, убивалъ звѣрей, солилъ мясо, коптилъ его и складывалъ въ бочки. Весною заготовленный провіантъ сплавляли Наревомъ, Зап. Бугомъ и Вислою въ Плоцкъ, гдѣ были устроены склады для предстоящаго похода ²²). Подробности, какъ шла охота, изъ какой пуши въ какую переходилъ по замерзшимъ болотамъ Ягелло, — не дошли до насъ, но если здѣсь заготовлялось продовольствіе для стотысячной арміи, то можно судить, какая это была бойня. Конечно, въ интендантскихъ цѣляхъ охотились не на хищниковъ и не за зайцами и бѣлками, а на крупнаго звѣря: тура ²³), зубра, оленя, лося, кабана. Въ то же время выловили не мало дикихъ ло-

шадей. Древняя, славившаяся литовская конница пополнялась дикими лошадьми, которых арканами вылавливали приблизительно въ 4-хъ-лѣтнемъ возрастѣ и смѣлыми приѣмами подѣзживали подѣ всадника. Мелкорослая, сѣровато-гнѣдая пущинская лошадь, походя отчасти на нынѣшнюю вятку, не привлекала красотою, зато была неутомима, легка, рѣзва и не чувствительна къ лишеніямъ. Самыми цѣнными качествами были чуткость и смѣлость, присущія дикимъ животнымъ. Лошадь пользовалась большимъ почетомъ въ языческой Литвѣ и, въ противоположность древнимъ Славянамъ, Литовцы тщательно ухаживали за нею. Дикій конь, водившійся во всей средней полосѣ Россіи и на западѣ до Одера, до XV столѣтія былъ не рѣдкою въ Бѣловѣжскихъ лѣсахъ ²⁴).

Въ исторіи знаменитыхъ охотниковъ, выдающееся мѣсто сохраняется навсегда за князьями Владиміромъ Мономахомъ и Ягелло. Весьма различные въ своей домашней жизни, одинъ мудрый, разсудительный, трудолюбивый и добрый христіанинъ, другой лѣнивый и необузданный, а подѣ старость ханжа, — оба одинаково, до забвенія, отдавались своей страсти къ охотѣ. И тотъ, и другой большую часть своей продолжительной жизни провели въ лѣсахъ въ погоняхъ и борьбѣ со звѣремъ. Владиміръ видѣлъ въ охотѣ не только забаву и утѣху, но и трудъ, необходимый воину, что и выразилъ въ своемъ знаменитомъ поученіи; Ягелло же былъ воинъ самъ и цѣнилъ охотничьи подвиги паравнѣ съ военными. Видъ преслѣдуемаго тура приводилъ его въ восхищеніе. Онъ мчался за звѣремъ, не разбирая опасности, увлекаемый примѣромъ и обѣщаніями сотоварищей, а когда настигнутый звѣрь падалъ подѣ мѣткимъ ударомъ дротика, Ягелло приходилъ въ блаженный восторгъ. Ловко поразившій звѣря становился для него самымъ любезнымъ человѣкомъ, достойнымъ всякой награды. Цѣлые мѣсяцы проводилъ Ягелло въ лѣсахъ, подвергаясь всякимъ охотничьимъ лишеніямъ. Вступивъ въ 1392 году на Польскій престолъ и ставъ однимъ изъ самыхъ могущественныхъ повелителей въ Европѣ, Ягелло не оставилъ своей прежней страсти и особенно любилъ охотиться въ литовскихъ лѣсахъ, куда ему было удобно заглядывать, такъ какъ Литва стояла въ зависимости отъ Польскаго Королевства. Среди его огромныхъ охотъ, продолжавшихся обыкновенно съ осени до января, наиболѣе выдающеюся была упомянутая историческая охота 1409—1410 гг. передѣ походомъ на Тевтонскихъ рыцарей ²⁵).

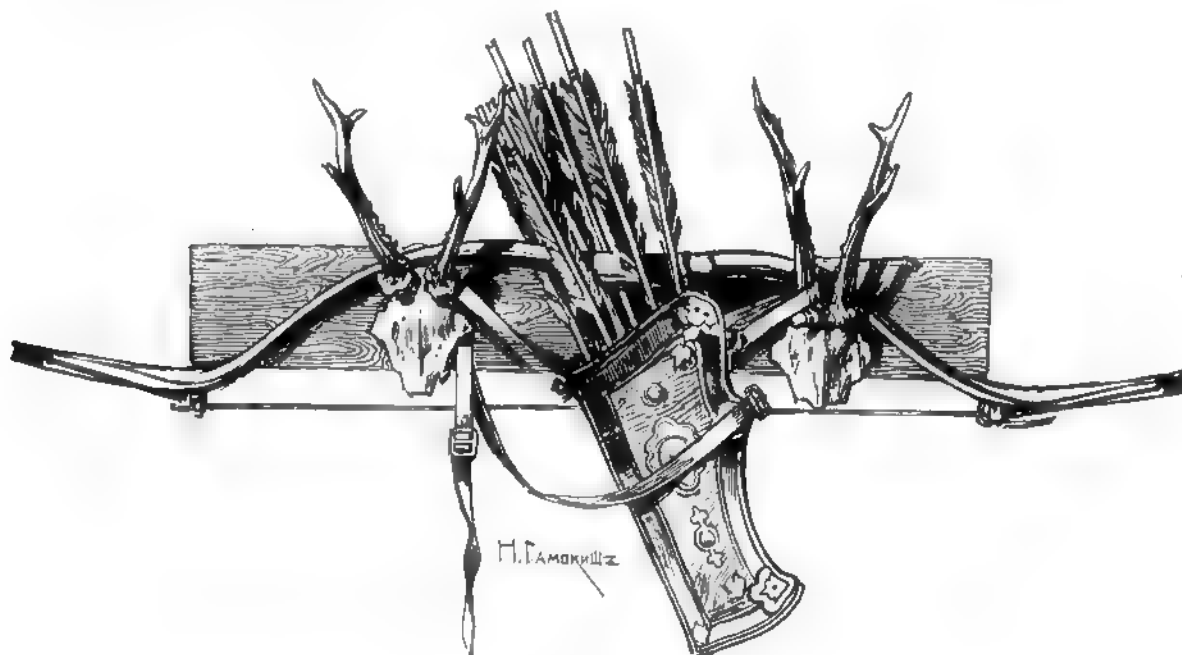
Въ 1426 году, когда Ягелло было уже подѣ 75 лѣтъ, въ разгаръ чумы, распространившейся въ Польшѣ и Литвѣ, происходила его другая знаменитая охота въ Бѣловѣжской Пущѣ ²⁶). Ягелло будто созна-

ЯГЕЛЛО, ПОРАЖАЮЩИЙ ЗУБРА.—Оригинальный рисунок Н. С. Самокиша.

вать, что физическія упражненія и чистый воздухъ лѣсовъ лучше тогдашнихъ знахарей предохранять его отъ заразы. Забывая свой возрастъ, онъ по прежнему гонялся за звѣремъ и въ одинъ изъ неудачныхъ дней, упавъ съ лошади, сломать себѣ ногу. Сколько подобныхъ приключеній съ нимъ было въ молодости, историки не рассказываютъ, но и послѣ описываемаго случая онъ не пересталъ охотиться ²⁷⁾.

Былъ ли охотникомъ современникъ Ягелло, князь Витольдъ, объ этомъ существуютъ два противорѣчивыхъ свидѣтельства. Посолъ Тевтонскихъ рыцарей графъ Конрадъ Кибуртъ утверждаетъ, что князь не любилъ охоты ²⁸⁾, почему послѣ переговоровъ въ Брестѣ уѣхалъ къ себѣ въ Троки, тогда какъ Ягелло отправился въ Бѣловѣжъ. Другой современникъ Жильбертъ де-Лануа, описывая свое путешествіе по Литвѣ, говоритъ объ огороженномъ мѣстѣ возлѣ Трокъ, наполненномъ всякими охотничьими звѣрями ²⁹⁾. Подобные звѣринцы, въ которыхъ охранялись болѣе цѣнныя породы, были въ обычаѣ при княжескихъ и королевскихъ замкахъ. Наши князья держали въ огороженныхъ мѣстахъ медвѣдей, которыхъ выпускали отъ времени до времени для потѣхи. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный травилъ медвѣдями крамольниковъ. Далѣе, Лануа описываетъ охотничій замокъ на Нѣманѣ, въ которомъ Витольдъ проводилъ ежегодно нѣсколько недѣль или мѣсяцъ, охотясь въ окрестностяхъ. Въ 1421 г. Лануа встрѣтилъ Витольда на охотѣ подъ Каменецъ-Литовскомъ, т. е. въ Бѣловѣжѣ. Въ чумной 1426 годъ, Витольдъ былъ тамъ вмѣстѣ съ Ягелло. Такимъ образомъ, отъѣздъ въ Троки послѣ брестскаго свиданія слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что Витольдъ тѣмъ временемъ, какъ Ягелло трудился надъ заготовленіемъ провіанта для войска въ Бѣловѣжскихъ лѣсахъ, занялся другими приготовленіями къ походу.

режде, нежели перейти къ опи-

санію охотъ
преемниковъ
Ягелло и Ви-
тольда, бросимъ
взглядъ на со-
стояніе Пуши и
охоты въ то время.

Уже въ XIII вѣкѣ, во вре-
мя войнъ, происходившихъ на территоріи и
вблизи Пуши, топоръ и пожары значитель-
но прорѣдили литовскіе лѣса. Болота стали
пересыхать, на удобныхъ мѣстахъ осѣли
люди и заходила соха. Велѣдъ за лѣсомъ
вліяніе надвигающейся культуры почув-
ствовалъ на себѣ и звѣрь. Боязливо вы-
глядывалъ онъ изъ опушекъ на то, что
творилось вокругъ, и уходилъ все
дальше въ глубь, въ самыя не-
проницаемыя дебри. Бойни, ко-
торыя предпринималъ Ягелло
для прокормленія арміи, не
могли не отражаться даже на
такихъ богатыхъ дичью лѣ-
сахъ, какъ древніе литовскіе.
Тамъ, гдѣ велась подобная
охота, весь звѣрь, попадав-
шійся на глаза, выбивался

начисто. Въ промышленныхъ цѣляхъ также истреблялось не мало. Уже Итвяги вымѣнивали мѣха и кожи на хлѣбъ и соль. Важнѣйшимъ предметомъ внѣшней торговли Литвы и Руси была тогда добыча лѣсовъ. Русскіе князья болѣе культурные, но не менѣе страстные охотники, нежели литовскіе, съ самыхъ давнихъ поръ стремились охранить дичь и звѣря отъ поголовнаго истребленія. Хотя для изданія законовъ, которые упорядочивали бы охоту вообще, культура еще и не дозрѣла, но цѣль достигалась инымъ путемъ. Лучшія охотничьи угодья становились собственностью князей. Подъ Новгородомъ, Кіевомъ и Москвою, всюду были такія княжескія заповѣдныя рощи, доступныя для прочихъ лишь съ ограниченіями, или съ особаго разрѣшенія. Что касается Пущи, то возможно, что еще при Владимірѣ, въ 983 г., она стала собственностью князя въ охотничьемъ отношеніи и вполнѣ вѣроятно, что Владиміръ Васильковичъ, основавшій свою столицу Каменецъ въ центрѣ Пущи, охранялъ ее для себя. Достоверныя данныя о томъ, съ какихъ поръ Пуща стала заповѣдною, относятся ко времени, съ котораго она стала Бѣловѣжскою, т. е. съ самаго начала XV столѣтія. Только князьямъ Ягелло и Витольду принадлежало право охоты на крупнаго звѣря, остальные могли охотиться по мелочи ³⁰⁾. Отъ литовскихъ князей право охоты въ Бѣловѣжскихъ лѣсахъ послѣдовательно перешло къ Польскимъ Королямъ и къ Русскимъ Императорамъ. Тѣмъ образомъ, Бѣловѣжская пуща является древнѣйшимъ охотничьимъ угодіемъ главы государства. Ограничивая права своихъ подданныхъ, князья вмѣстѣ съ тѣмъ вводили и порядокъ въ свои охоты. При русскихъ князьяхъ возникъ цѣлый служебный персоналъ ловчихъ, такъ-называемый ловчій нарядъ ³¹⁾. Должность ловчаго вошла позднѣе въ число земскихъ должностей. Чѣмъ страстнѣе князь относился къ охотѣ, тѣмъ многочисленнѣе былъ нарядъ. Появились начальники и подчиненные, люди всѣхъ положеній стремились въ почетную и увлекательную охотничью службу, которая cadaго могла приблизить къ князю. Среди охотниковъ выработался даже свой особый языкъ, который передавался стариками лишь достойной того молодежи. На охотахъ воспитывались, закалялись и нерѣдко выдвигались будущіе ратные люди. Съ развитіемъ охотничьяго дѣла естественно пришлось установить и соотвѣтствующія повинности, главнымъ образомъ для ближайшаго населенія. Одни становились мясниками и должны были доставлять мясо для собакъ, печенку для соколовъ, другіе обязывались помогать при облавахъ ³²⁾, вообще же, каждый обязанъ былъ оказывать всякую помощь княжескимъ охотникамъ. Такая натуральная повинность до 1457 г. была извѣстна подъ названіемъ „декальной“ подати, заключающейся въ обязанности „мѣстичанъ“, т. е. людей, осѣвшихъ на землѣ

и получившихъ право на нее, кормить князя и его свиту во время проѣзда въ походъ, или на охоту ⁸³). Впослѣдствіе декальная подать была ограничена и замѣнена службою „звѣриною“, состоявшей, между прочимъ, и въ обязанности охранять лѣса и дичь.

Польскіе короли, получивъ отъ Ягелло Бѣловѣжскіе лѣса, какъ бы унаслѣдовали и его любовь къ охотѣ. Сынъ Ягелло, Казиміръ, забывалъ даже для охоты свои обязанности короля и при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ покидалъ свою столицу Краковъ, чтобы поохотиться въ Пушчѣ ⁸⁴). Послѣднія 7 лѣтъ царствованія онъ почти безвыѣздно провелъ въ Литвѣ. Сезонъ 1454 г. былъ особенно удачный, и отъ руки самого короля, рассказываютъ, пало множество туровъ, зубровъ и лося ⁸⁵).

Говоря объ охотахъ польскихъ королей въ Пушчѣ, необходимо отмѣтить ту черту, что со смертью Ягелло охоты постепенно приняли иной характеръ и перестали быть серьезнымъ дѣломъ заготовки мясного довольствія для арміи. Вѣроятно, тогда и звѣря стало меньше, и домашняго скота соотвѣтственно больше. Кромѣ того, охотились уже не только по страсти къ борьбѣ, нерѣдко опасной, увлекаясь жизнью среди природы, сколько для забавы. Простоту въ одеждѣ и отношеніяхъ смѣнили костюмы и этикетъ. вмѣсто сотоварищей появилась свита и публика. При такомъ новомъ характерѣ охотъ понадобились и соотвѣтственныя помѣщенія. Палатка, а то и просто подстилка изъ мха подъ тѣнью дерева были уже недостаточны, охотничья жизнь перестала быть походною, и охоты чередовались пирами, попойками и всякимъ разгуломъ.

О преемникахъ Витольда до насъ дошло не много свѣдѣній. Про сына его Сигизмунда сохранилось сказаніе, что онъ однажды обратилъ зубровъ въ орудіе казни. Нарядивъ одного изъ своихъ придворныхъ въ пышный красный костюмъ и помѣстивъ его въ загородкѣ, онъ приказалъ спустить на него разъяренныхъ зубровъ. Звѣри тотчасъ же растоптали жертву ⁸⁶). Гдѣ происходила казнь — преданіе не упоминаетъ, но зубровъ тогда было достаточно во всей Литвѣ.

Внукъ Ягелло — Александръ, женатый на Еленѣ, дочери царя Ивана III, пошелъ еще далѣе въ устройствѣ пышныхъ охотъ, и съ нимъ на охоту пріѣзжала королева. Присутствіе и даже участіе женщинъ въ охотахъ не было рѣдкостью въ самыя древнія времена, въ особенности, если охотились съ промышленными цѣлями, но присутствіе королевы не могло не вносить новаго характера въ придворную потѣху.

Въ одну изъ охотъ для королевы былъ устроенъ возвышенный помостъ, съ котораго она могла безопасно поражать выгоняемыхъ на нее звѣрей. Зубры, гласитъ преданіе, не стерпѣли такой обиды отъ руки

44749
женщины и съ яростью бросились на королевскую ложу, выворотили столбы и едва не растоптали королеву ³⁷⁾. На этотъ случай намекаетъ, между прочимъ, поэтъ XVI столѣтія Hussowian, посвятившій зубру цѣлую поэму. Объ этой поэмѣ подробно скажемъ далѣе.

Слѣдующій потомокъ Ягелло—Сигизмундъ I Старый, выѣзжалъ на охоту не иначе, какъ въ сопровожденіи многочисленной пышной свиты, для содержанія которой натуральныя повинности оказались недостаточными, и пришлось ввести новую поголовную подать по 4 гроша съ души ³⁸⁾. На пути изъ Кракова въ Вильну, въ мѣстечкѣ Наревкѣ на возвышенномъ берегу одноименной рѣки поставили обширный охотничій домъ съ флигелями для короля и его спутниковъ, и эти постройки, по всей вѣроятности, также были украшены бѣлыми башнями, которыя и дали поводъ историкамъ Балинскому и Лапинскому производить отъ нихъ наименованіе Пуши. Безъ сомнѣнія, они забыли про бѣлую вѣжу, поставленную въ Каменцѣ Владиміромъ Васильковичемъ, и про то, что въ гораздо болѣе древнихъ актахъ, относившихся еще къ литовскимъ временамъ, Пуща называлась Бѣловѣжско-Каменецкою. Одновременно съ постройкою дома въ урочищѣ, называемомъ теперь „Старый Бѣловѣжъ“, за охотничьимъ угодіемъ установили надзоръ.

Здѣсь необходимо сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ Бѣловѣжъ и нѣкоторыя другія охотничьи угоды въ Литвѣ перестали быть общественнымъ достояніемъ, приблизительно со времени Ягелло, а быть можетъ и раньше, возникъ суровый обычай, имѣвшій силу закона, по которому за убитаго въ заповѣдной рошѣ звѣря карали смертью, и все же, несмотря на этотъ обычай, за лучшимъ изъ заповѣдныхъ угодій—Бѣловѣжской Пущею, какъ оказывается, понадобилось имѣть глазъ. Въ Пушѣ поселили стражу стрѣлковъ изъ 277 семействъ. Стрѣлки являлись по первому требованію на охоты и, кромѣ того, должны были съ каждыхъ 8 уволокъ, приблизительно со 160 дес., составлявшихъ надѣлъ стрѣлецкаго поселенія, выставять по двѣ пароконныхъ подводы для охотничьяго снаряженія. Окрестныя селенія, сверхъ общей поголовной подати, были обложены особою натуральною повинностью: Они должны были изготовлять бочки, солить въ нихъ мясо убитой дичи и развозить по королевскимъ дворцамъ, палатамъ вельможъ, прелатовъ и краковскихъ академиковъ. Независимо отъ учрежденія охотничьей стражи, Сигизмунду принадлежитъ первый законъ объ охраненіи лѣсовъ и охоты (27 февр. 1538 г.); имъ же была учреждена комиссія для разграниченія коронныхъ имуществъ отъ частныхъ, а также для разбора правъ на вѣзды въ пущи ³⁹⁾, т. е. на право пользованія лѣсомъ и сѣнокосами.

Лѣсной уставъ 1538 года обнималъ самыя разнообразныя стороны

экономической жизни, связанной съ лѣсомъ, и былъ изданъ на славянскомъ языкѣ, ставшемъ тогда официальнымъ.

Первая статья закона касалась учрежденія должности лѣсничихъ и ихъ обязанностей при объѣздахъ пущъ. Статья вторая воспрещала рубку въ казенныхъ лѣсахъ безъ разрѣшительнаго билета за подписью самого короля. Послѣдующія статьи касались различныхъ подробностей о сбереженіи лѣса, такъ, напримѣръ, приказывалось уничтожать излишнія дороги и тропинки; лѣсничимъ и стрѣлкамъ, наравнѣ съ прочими, воспрещалось употреблять лѣсъ въ свою пользу и пр. За борти, т. е. за устройство пчелиныхъ ульевъ, посредствомъ искусственнаго дупленія, опредѣлялись взысканія. Рыбныя ловли также подлежали ограниченіямъ. Въ отношеніи охраненія дичи и звѣря законъ стремился быть особенно предусмотрительнымъ. Не только внутри, но и въ окружности казенныхъ лѣсовъ воспрещалось держать охотничьихъ собакъ и „ховать рушницы (ружья)“. А подданнымъ „всѣ косьбу и рыбныя ловли въ „лѣсахъ сколько ихъ наймутся, однимъ разомъ мають ходити, оповѣдати лѣсничему, а рушницы же, пса, рогатины и ничего, чѣмъ бы звѣря забить, не брать имъ съ собою. Ловы и уступы въ пущахъ „ревизорова съ лѣсничими, а также съ сочниками, почавши отъ Бѣловѣжа до Ковна (240 в.), порядкомъ слухнымъ расправити и растесать казаны нарожные часы вольнѣйшаго пребыванія и вѣдомости о звѣрѣ, и яко много до котораго оступа людей потреба“... То есть—крестьянамъ запрещалось ходить въ Пущу на покосы и рыбныя ловли иначе, какъ цѣлымъ обществомъ, предупреждая лѣсничаго, при чемъ никто не могъ имѣть при себѣ оружія и собакъ. Браконьерство, по отношенію къ которому до тѣхъ поръ дѣйствовалъ только обычай, было теперь опредѣленно предусмотрено писаннымъ закономъ. За убійство всякаго крупнаго звѣря, къ которымъ причислялась и коза, назначалась смертная казнь; крестьяне не должны были охотиться на нихъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они забѣгали на ихъ земли. Хищниковъ же: волка, лисицу, рысь, росомаху, куницу, а также зайцевъ и птицъ, на собственныхъ уволокахъ крестьяне могли убивать и продавать, не объявляя о томъ лѣсничему. Всѣ охотничьи угоды приказано было, начиная отъ Бѣловѣжа до Ковна, разбить на участки съ опредѣленіемъ, какъ находящагося въ каждомъ участкѣ звѣря, такъ и потребнаго количества людей при веденіи охоты ⁴⁰⁾.

Трудъ лѣсничихъ, этихъ высшихъ должностныхъ лицъ, вознаграждался также землею. Каждому лѣсничему отводился обширный участокъ съ правомъ на двухъ третяхъ участка селить крестьянъ, которые отдавались ему какъ бы въ крѣпостную зависимость. Кромѣ того, лѣсничему была предоставлена судебная власть разбирать тяжбы стрѣлковъ съ

крестьянами, за что въ его пользу была установлена особая пошлина. Заселеніе Пуши стрѣлками, какъ показали послѣдствія, оказалось очень неудачною мѣрою. Новые поселенцы были ближайшими истребителями той дичи, которую должны были охранять. Семейства ихъ увеличивались, подѣ стрѣлецкіе поселки приходилось расчищать лѣса, а въ концѣ XVII вѣка образовались уже цѣлыя деревни преемственныхъ браконьеровъ.

Начало ограниченію Пуши было положено тѣмъ же Сигизмундомъ, отрѣзавшимъ въ 1501 г. городу Бѣльску 582 дес., и съ его легкой руки дѣло пошло быстро, въ особенности благодаря возникновенію въ концѣ XV стол. польской и литовской шляхты, которую вошло въ обычай награждать землями ⁴¹⁾.

Подробности этой раздачи Бѣловѣжскихъ лѣсовъ не дошли до насъ, но, какъ примѣръ, приведемъ, что жмудинскому старостѣ графу Іерониму Ходкевичу былъ отмежеванъ такой огромный участокъ по правому берегу Наревки, что только небольшая часть его, перешедшая къ графамъ Тышкевичамъ, нынѣшняя Свислочская дача, составляла 25.000 дес. Всего болѣе земель было роздано въ сѣверной и восточной частяхъ Пуши ⁴²⁾. Бѣльскъ, ради котораго впервые начали сокращать Пущу, отстоитъ теперь на цѣлыхъ 35 вер. отъ крайней точки ея западной границы.

Въ административномъ отношеніи до конца XV столѣтія Пуща входила въ составъ Брестскаго воеводства, но при Сигизмундѣ I она, вмѣстѣ со всею юго-западною частью нынѣшней Гродненской губ., образовывала Наревское воеводство. Воеводства дѣлились на повѣты, и Пуща составляла три повѣта: Волковыскій, Кобринскій и Бѣльскій ⁴³⁾.

Со времени сліянія Литвы съ Польшею Пуща обратилась въ собственность польской короны. Въ народѣ нынѣшній Волковыскій и часть Пружанскаго уѣзда, т. е. сѣверная часть Пуши, называлась Черною Русью ⁴⁴⁾; Кобринскій, Брестскій и южная часть Пружанскаго по лѣвый берегъ Лѣсны—именовались Полѣсьемъ, а Бѣльскій, Бѣлостокскій и Сокольскій, т. е. западная часть Пуши—Подлясьемъ.

Дальновидные люди, уже при преемникѣ Сигизмунда I-го—Сигизмундѣ-Августѣ поняли ошибочность системы заселенія Пуши семействами стрѣлковъ, и всячески старались исправить ее новыми узаконеніями. Въ 1557 году былъ изданъ „Уставъ на волоки господаря, короля его милости во всемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ“—иначе говоря, положеніе объ удѣлахъ,—по которому лѣсные ревизоры должны были выселять изъ Бѣловѣжской Пуши по возможности далѣе всѣ слишкомъ многочисленные поселки стрѣлковъ и прочихъ крестьянъ. Проще и разумнѣе было бы выселить всѣхъ и безусловно

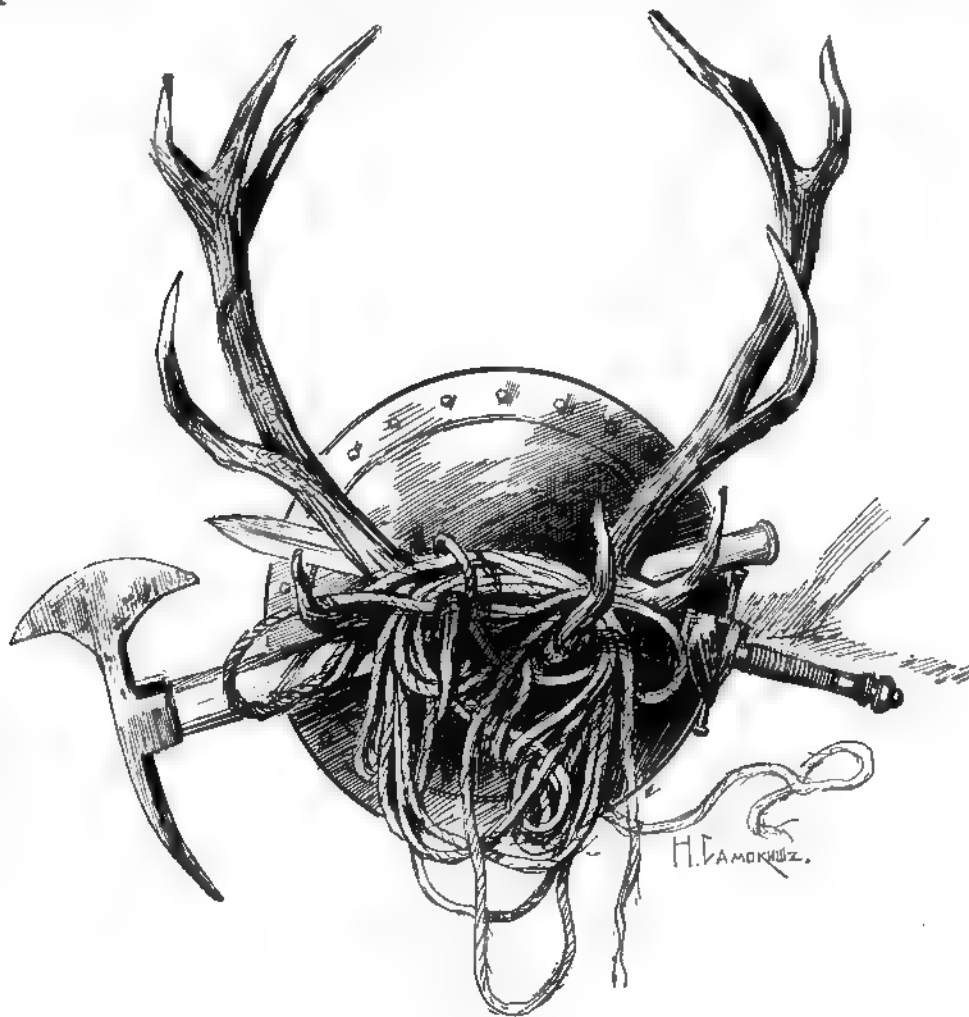
запретить входъ въ Пушу, что въ то время было далеко не трудно ⁴⁶⁾, и тѣмъ сразу разрѣшились бы большія осложненія, съ которыми приходится считаться и теперь. Въ слѣдующемъ году Сигизмундъ-Августъ издалъ повелѣніе на имя Мстибоговскаго старосты Григорія Воловича, по которому ему поручалось обозрѣть все казенные лѣса Вел. Кн. Литовскаго, въ томъ числѣ и Бѣловѣжско-Каменецкую пушу, а также звѣринные переходы изъ-за диѣпровскихъ полей къ пушамъ княжества. Далѣе поручалось расселить крестьянъ, построить охотничьи дворы для пріѣзда короля и показать обо всемъ въ описаніи и на картѣ. Воловичъ оправдалъ довѣріе. Отчетъ его, озаглавленный „Реестръ „описанія и вывѣданія пущъ и переходовъ звѣринныхъ у панствъ его „королевское милости Великомъ Княжествѣ Литовскомъ“, живо рисуетъ состояніе лѣсовъ и охоты въ то время. Воловичъ описываетъ 38 пущъ, въ томъ числѣ Бѣловѣжскую, которую называетъ Бѣльско-Бѣловѣжскою. Пуши дѣлились въ охотничьемъ отношеніи на оступы, т. е. на участки, въ которыхъ удобно было вести облаву на звѣря. Сколько было такихъ оступовъ въ Бѣловѣжской Пущѣ, Воловичъ не упоминаетъ, но въ сравнительно небольшой Перетунской пущѣ насчитывали 37 оступовъ, притомъ все зубрины ⁴⁷⁾. Ближайшее и непосредственное наблюденіе за дичью и звѣриными переходами лежало на такъ-называемыхъ „осочникахъ“ ⁴⁸⁾. „Осочникъ“ происходитъ отъ стариннаго, встрѣчающагося еще въ Русской Правдѣ, слова „сокъ“—выслѣживание, хожденіе по слѣдамъ. Со времени Воловича терминъ „осочникъ“ встрѣчается весьма часто, какъ въ описаніяхъ, такъ и въ различныхъ законодательныхъ актахъ объ охотѣ и лѣсоустройствѣ; но позднѣе, съ воцареніемъ саксонской династіи, осочниковъ смѣнили егеря различныхъ степеней, хотя должности осочника не упразднили окончательно. Поселки осочниковъ, съ теченіемъ времени, обратились въ обыкновенныя крестьянскія деревни. Несмотря на страсть къ охотѣ польскихъ королей, которая побуждала ихъ всеми мѣрами охранять лѣса и дичь, начавшаяся быстро развиваться культурная жизнь дѣлала свое.

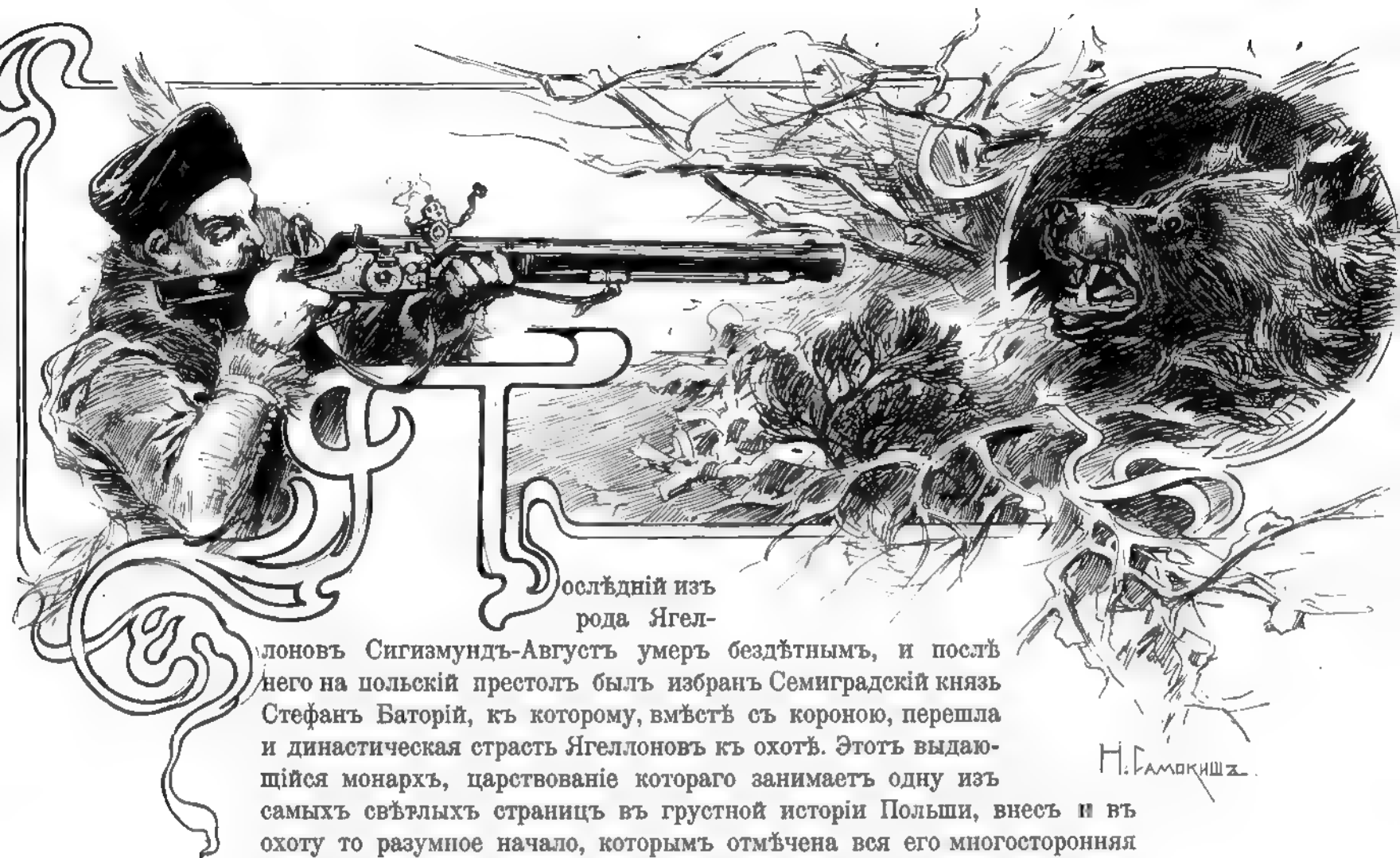
Почти одновременно съ тѣмъ, какъ Воловичу было приказано обозрѣть все лѣсистыя мѣстности для того, чтобы охранять лучшія изъ нихъ, черезъ какой-нибудь десятокъ лѣтъ, по инициативѣ Петра Фальчевскаго, Бѣловѣжской Пущѣ наносится жесточайшій вредъ, слѣды котораго сохраняются и до нашихъ дней.

Забываясь объ экономическомъ благосостояніи народа, этотъ выдающійся государственный мужъ насаждалъ культуру вездѣ, гдѣ только позволяли условія ⁴⁹⁾; красоты природы и наслажденія охоты для него не имѣли значенія. Въ Бѣловѣжскихъ лѣсахъ поставили четыре желѣзодѣлательныхъ завода, огромный поташный и рядъ смоло-

куренныхъ заводовъ ⁵⁰). Лѣсъ изводили на топливо и на производство. Слѣды поташнаго завода видны были еще въ 40-хъ годахъ за урочищемъ Старый Бѣловѣжъ. На заводахъ работали выписанные изъ Моравіи и изъ Жмуди мастера. Народъ этотъ селился гдѣ и какъ попало въ землянкахъ, шалашахъ и наскоро сколоченныхъ домикахъ, смотря по тому, гдѣ была нужна работа. Жилища эти называли будами, а обитателей—будняками. Много народовъ прошло черезъ Пушу, много было пролито здѣсь крови людской и звѣриной, кто только ни опустошалъ этихъ лѣсовъ; но большихъ опустошителей, нежели будняки, Пуща еще не видала. Стрѣлки браконьерствовали и вырубали лѣса лишь постольку, поскольку имъ было нужно для домашняго обихода. Будняки же изводили лѣсъ для заводскихъ цѣлей и съ топоромъ и рушницей шныряли во всѣхъ направленіяхъ, гдѣ подсѣкая сосну для смолы, гдѣ истребляя звѣря.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе 300 лѣтъ, на костяхъ этихъ лѣсныхъ хищниковъ вновь выросли вѣковые дубы и сосны, а слѣды ихъ хозяйства сохраняются и понынѣ въ видѣ бороздъ и ямъ на мѣстахъ выкорчевокъ. Еще 50 лѣтъ тому назадъ въ Пущѣ кое-гдѣ виднѣлись сохранившіеся остатки будъ. —

Послѣдній изъ
рода Ягел-

лоновъ Сигизмундъ-Августъ умеръ бездѣтнымъ, и послѣ него на польскій престолъ былъ избранъ Семиградскій князь Стефанъ Баторій, къ которому, вмѣстѣ съ короною, перешла и династическая страсть Ягеллоновъ къ охотѣ. Этотъ выдающійся монархъ, царствованіе котораго занимаетъ одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ въ грустной исторіи Польши, внесъ и въ охоту то разумное начало, которымъ отмѣчена вся его многосторонняя дѣятельность. Онъ не устраивалъ боенъ, подобно Ягелло, и не дѣлалъ изъ охоты пустого увеселенія, ставшаго традиціоннымъ при его потомкахъ. Баторій отдыхалъ на охотѣ отъ напряженнаго умственнаго труда, черпая въ общеніи съ природою новыя силы для своей государственной дѣятельности⁵¹⁾. Онъ не столько любилъ убивать, сколько охотиться, поэтому его одинаково привлекали, какъ крупный звѣрь, такъ и мелкая дичь или птица; при этомъ онъ не искалъ исключительно заповѣдныхъ рощъ, полныхъ дичью, а охотился вездѣ, гдѣ къ тому представлялись случай и время. Баторій настолько серьезно интересовался охотою, что по его инициативѣ возникла даже польская охотничья литература. При немъ Матвѣй Цыганскій издалъ свою книгу — „Охота по перу“, — въ которой говоритъ про себя, что прежде онъ былъ охотникъ, а теперь Баторій уговорилъ его стать литераторомъ⁵²⁾. Замѣтимъ, что Цыганскій началъ свой трудъ не съ охоты на зубра или медвѣдя, которая могла бы интересовать многихъ, а съ описанія охоты, привлекавшей только истинныхъ любителей. Баторій былъ, между прочимъ, страстный любитель и соколиной охоты, которая приходила въ упадокъ при Сигизмундахъ, но теперь пышно возродилась.

Н. Самокишъ.

СТЕФАНЪ ВАТОРІЙ ВЪ ВЪЛОВѢЖСКОЙ ПУЩѢ СЛАДИТЬ ЗА ОТПРАВЛЕНІЕМЪ ЗАГОНЩИКОВЪ.
Оригинальный рисунокъ В. И. Навозова.

Бѣловѣжская Пуша, въ которой сосредоточивались всѣ роды охоты, неоднократно привлекала къ себѣ Баторія. Въ 5-ти верстахъ отъ села Бѣловѣжъ по дорогѣ въ Гайновку есть мѣсто, называемое Баторіевой горой, гдѣ происходилъ однажды охотничій пиръ. Зубровъ Баторій билъ изъ мушкета, впервые введя этотъ способъ, взамѣнъ прежняго, когда звѣря загоняли собаками и, истомивъ, пронзали дротиками, рогатинами и стрѣлами. Въ 1579 г. король, возвращаясь изъ-подъ стѣнъ завоеваннаго Полоцка, въ Варшаву, дважды охотится въ Бѣловѣжской Пушѣ. Секретарь Баторія историкъ Гейденштейнъ рассказываетъ, какъ охотился король въ Пушѣ передъ своимъ походомъ на Псковъ въ 1581 году. Баторію нужно было изъ Гродно прибыть въ Варшаву на сеймъ, созванный въ виду предстоящаго похода, и съ 7-го по 10-ое января онъ три дня подрядъ посвящать охотѣ въ Пушѣ.³³⁾ Между прочимъ король полеваль и на медвѣдей, причемъ въ описаніи этой охоты упоминается несчастный случай съ мальчикомъ, котораго помялъ поднятый изъ берлоги звѣрь. Баторій щедро одарилъ пострадавшаго мальчика.

Для пріѣзда Баторія въ Пушѣ былъ построенъ новый замокъ невдалекѣ отъ Стараго Бѣловѣжа, гдѣ стоялъ домъ Сигизмунда I, и, вѣроятно, по этому замку вся ближайшая мѣстность съ тѣхъ поръ стала называться „Замчиско“.—Баторіевъ замокъ, по обычаю времени, имѣлъ бѣлыя башни—*Biała Wiaga*, отъ нихъ такъ же, какъ отъ дворца Сигизмунда, нѣкоторые стали производить названіе Пуши. Въ теперешнемъ 281 кварталѣ сохранились еще слѣды какой-то каменной постройки. — При Баторіи же возникъ и первый королевскій звѣринецъ въ Пушѣ — *Wielka Kletna*, возлѣ истоковъ рѣки Елянки. Охотясь, Баторій не забывалъ и объ огражденіи лѣсныхъ богатствъ и побуждалъ всѣми мѣрами охотничью стражу охранять звѣря, въ особенности же зубра.

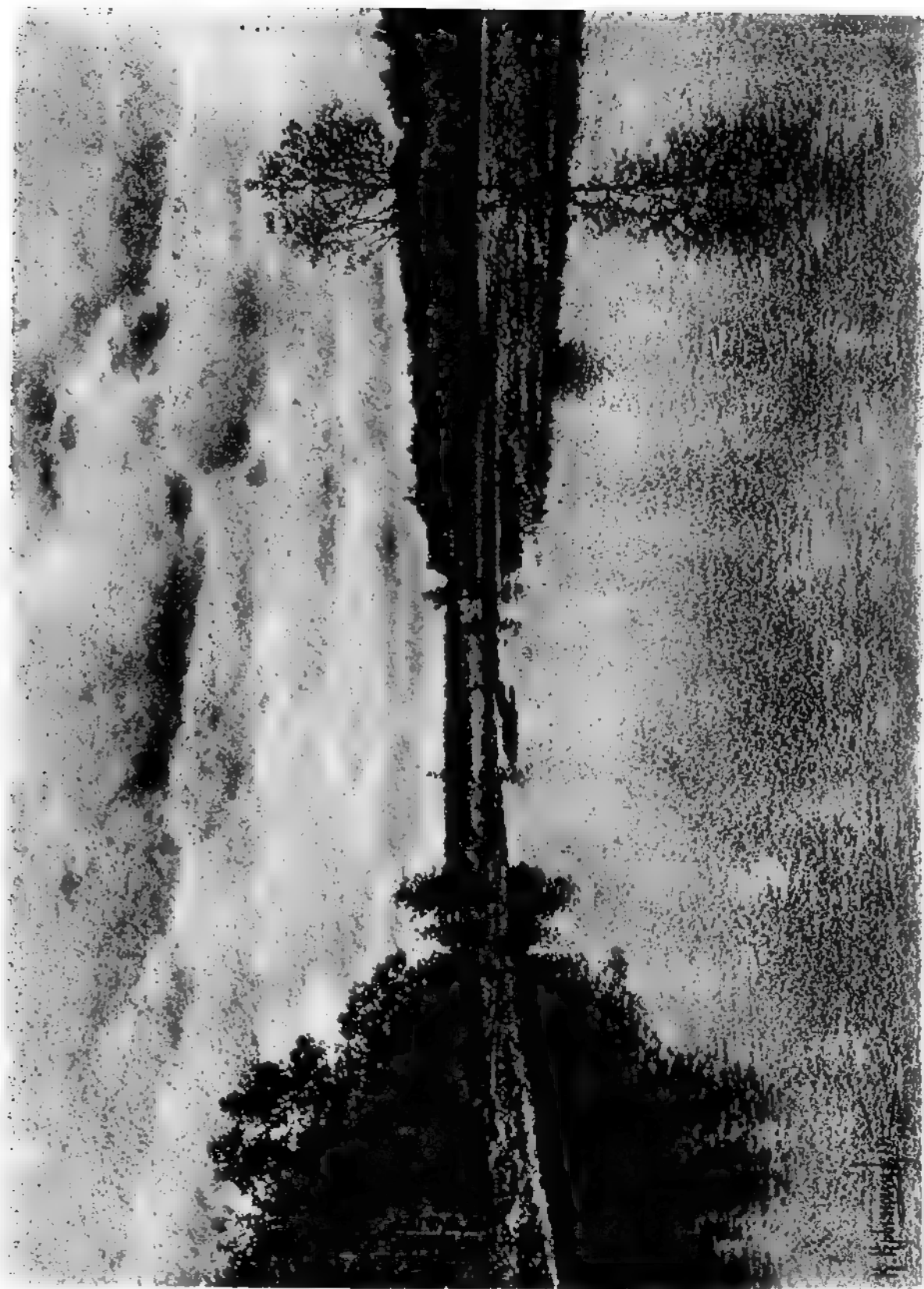
Въ 1583 году, по распоряженію Баторія, въ Бѣловѣжской Пушѣ выловили двухъ зубровъ, изъ которыхъ одного отправили въ Краковъ, а другого—въ Варшаву, чтобы познакомить населеніе со звѣремъ, становившимся уже и тогда рѣдкостью. Это былъ первый случай вылавливанія зубра для переселенія.

По смерти Баторія (1586 г.) въ Пушѣ наступилъ періодъ полного затишья, продолжавшійся съ небольшимъ перерывомъ 110 лѣтъ. Царствовавшій послѣ Баторія Сигизмундъ III шведскій и его сынъ Владиславъ IV были равнодушны къ охотѣ и, несмотря на то, что охота была традиціоннымъ спортомъ того времени, они ни разу не посѣтили своего богатѣйшаго Бѣловѣжскаго уголья.

Равнодушіе къ охотѣ Сигизмунда простиралось такъ далеко, что даже въ Яктуровской пушѣ, подъ самою столицею, не соблюли туровъ; послѣдняя турица пала въ 1627 г.³⁴⁾—и на земномъ шарѣ не осталось

болѣе этой породы. Лѣса, а съ ними вмѣстѣ и все крупныя звѣри—зубръ, лось, олень и пр., быстро исчезали тогда во всей Польшѣ и Литвѣ. Въ половинѣ XVII столѣтія зубровъ не оставалось уже нигдѣ, кромѣ Бѣловѣжской Пуши, если не считать нѣсколько головъ, содержащихся въ плѣну въ королевскихъ звѣринцахъ подѣ Варшавою, Остроленкою и Замосціемъ.

Владиславъ, хотя и не интересовался охотою, въ томъ смыслѣ, что самъ не полевалъ, тѣмъ не менѣе, онъ проявилъ дѣятельную заботливость объ охраненіи королевскихъ пушъ и въ частности Бѣловѣжской. По приказанію Владислава, въ 1640 г. ловчимъ Вел. Княжества Литовскаго Исаковскимъ была составлена „ординація“—порядокъ управленія всеми коронными лѣсами⁵⁵). Ординація, за королевскими печатями, была утверждена собственноручною подписью Владислава, со скрѣпою великаго канцлера Сапѣги ■ многихъ другихъ должностныхъ лицъ. Подлинный документъ еще въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія хранился въ архивахъ Гродненской палаты государственныхъ имуществъ. Изъ описанія тогдашнихъ границъ Пуши видно, что въ главныхъ чертахъ онѣ совпадали съ нынѣшними, и общая площадь составляла приблизительно 150.000 дес. Пуша дѣлилась на три части, изъ которыхъ двѣ большія были почти равны, а меньшая, примыкавшая къ восточной границѣ, заключала около 8 кв. миль. Высшій надзоръ за Пушею былъ ввѣренъ Бѣловѣжско-Каменецкому лѣсническому, резиденціей которому былъ назначенъ фольваркъ Ямны, по дорогѣ между селеніемъ Королевъ-Мостъ и мѣстечкомъ Каменецъ-Литовскъ. Лѣсничій сносился съ самимъ королемъ. Непосредственное охраненіе лѣса и звѣрей было поручено осочникамъ, надъ которыми стояли четыре старшихъ осочника, и, кромѣ того, была установлена небольшая конная стража. Права ■ обязанности всехъ этихъ лицъ строго опредѣлялись ординаціею. Осочники стерегли Пушу, чинили мосты и дороги, выставляли подводы, возили лѣсъ, доносили о павшихъ звѣряхъ и являлись на охоты. Конная стража и старшіе осочники, неся также сторожевую и охотничью службу, кромѣ того, наблюдали за младшими осочниками. Служба всехъ, не исключая лѣсничаго, вознаграждалась землею, жалованья деньгами никто не получалъ. Бортники (пчеловоды) за право водить пчелъ отдавали половину меда въ королевскую казну, что въ общей сложности составляло въ годъ до 12 бочекъ. По ординаціи, въѣздъ въ Пушу постороннимъ, для полученія лѣса и для сѣнокошенія, разрѣшался только по королевскимъ листамъ, и такіе листы были выданы 23-мъ владѣльцамъ сосѣднихъ имѣній. Въ числѣ ихъ были: канцлеръ, подканцлеръ, подкоморій, писарь, старосты, чины духовенства и пр. Лѣсничій долженъ былъ строго на-

РЪКА НАРЕВКА ВЪ УРОЧИЩЪ „СТАРЫЙ ВЪЛКОВЪЖЪ“.—Оригинальный рисунокъ К. Я. Крыжичкаго.

блюдать за тѣмъ, чтобы въ Пушѣ не прокладывали новыхъ дорогъ, даже излишнія приказывали запускать подъ лѣсъ, равно луга и поля, не входившіе въ составъ надѣловъ. Никакихъ рубокъ безъ особаго разрѣшенія короля не могло производиться, а на сухостой, валежникъ и сучья ловчій выдавалъ билеты самъ. Словомъ, Пуша вся въ цѣломъ должна была строго охраняться отъ порубокъ и браконьерства. Еще интересно указаніе въ ординаціи на существованіе охотничьяго дома для короля въ срединѣ Пуши, при мельницѣ на рѣкѣ Наревкѣ, т. е. въ теперешнемъ Бѣловѣжѣ. Королевскій охотничій домъ, несмотря на то, что Владиславъ въ него не заглядывалъ, долженъ былъ сохраняться въ полномъ порядкѣ; при домѣ находился постоянный королевскій слуга, на рукахъ котораго лежалъ весь инвентарь. Впрочемъ, новые лѣсоохранительные законы не могли имѣть серьезныхъ практическихъ послѣдствій потому, что все вниманіе правительства было поглощено болѣе серьезными дѣлами: для Польши уже съ тѣхъ поръ наступила тревожная эпоха политическихъ переворотовъ. Цѣнный лѣсъ сбывался за границу, старосты щедрою рукою раздавали цѣлые лѣсные участки подъ расчислку, и Пуша оскудѣвала.

Не долго царствовавшій Янъ Казиміръ вспомнилъ про Пушу. Мы знаемъ, что онъ охотился тамъ въ 1650 г. ⁵⁶⁾ и даже во время осады Кракова, въ 1657 году, онъ не переставалъ охотиться ⁵⁷⁾, переѣзжая изъ Неполомицкихъ лѣсовъ въ Бѣловѣжскіе. Послѣдующіе же короли, Михаилъ Вишневецкій и Янъ Собѣскій—въ Пушу не заглядывали.

Съ избраніемъ въ 1698 году на польскій престолъ Курфюрста Саксонскаго Августа II Пуша снова ожила. Въ ней появились егеря саксонцы, организовавшіе тамъ даже охотничье хозяйство. Подробности объ этомъ хозяйствѣ не дошли до насъ; быть можетъ, уже тогда начали прикармливать зубровъ; но главная обязанность егерей заключалась конечно въ сторожевой службѣ. Фабрики и заводы, воздвигнутые еще Петромъ Фальчевскій, замолкли, посторонняго, опаснаго для охоты народа стало меньше, и только пчеловодство продолжало процвѣтать, принося крестьянамъ хорошіе доходы. Охотничью стражу довели до 150-ти человекъ и вообще королевское угодье привели въ такое состояніе, что Августъ съ сыномъ, впоследствии Августомъ III, наѣзжая изъ своей резиденціи—Дрездена—въ Варшаву на сеймы, не пропускали случая посѣтить его ⁵⁸⁾. Августъ II настолько увлекался охотою, что, забывая свой санъ, выходитъ одинъ на медвѣдя съ рогатиною или корделясомъ. Такое единоборство (3-го декабря 1705 года) едва не стоило королю жизни, звѣрь подмялъ его подъ себя, и только, благодаря своей огромной силѣ и ловкости, Августъ II вырвался изъ медвѣжьихъ лапъ ⁵⁹⁾. Онъ также любилъ прикалывать собственно-

ручно кабановъ, попадавшихся въ тенѣта, и одинаково смѣло, какъ и на медвѣдя съ рогатиною, бросался съ обыкновеннымъ охотничьимъ ножомъ на одинцовъ-кабановъ, а мелкихъ, 5-6 пудовыхъ, укладывалъ по 40 штукъ въ одну послѣбобѣденную охоту. По инициативѣ Августа была сдѣлана попытка переселенія зубровъ въ Саксонію⁶⁰). Ихъ помѣстили въ особомъ паркѣ между Дрезденомъ и Гроссенгеймомъ и окружили самымъ тщательнымъ уходомъ; но старанія нѣмцевъ не имѣли успѣха, зубры колѣли, а безпорядки, царившіе во время семилѣтней войны, ихъ окончательно уничтожили. Такими же неискусными оказались саксонцы и въ охраненіи благороднаго оленя въ Пушѣ. Нѣсколько холодныхъ зимъ и сопутствующіе имъ волки и рыси уничтожили его окончательно. Это небреженіе со стороны саксонцевъ и въ особенности то, что они не догадались переселить въ Пушу новыхъ оленей, тѣмъ болѣе удивительны, что у себя, на родинѣ, они могли хорошо изучить природу оленей: ихъ тамъ вездѣ было множество, какъ въ охотничьихъ паркахъ, такъ и на полной свободѣ. Въ память объ Августѣ II наиболѣе посѣщаемая имъ часть Бѣловѣжскаго лѣса цѣлое столѣтіе сохраняла названіе Августовской стражи.

Августъ III еще при отцѣ хорошо познакомился съ Пущею и, ставъ самостоятельнымъ, посвящалъ ей особенное вниманіе. При немъ усилили охотничью стражу, на границахъ дачи поставили дома для егерей и стрѣлковъ, а въ серединѣ дачи обнесли заборомъ значительный лѣсной участокъ по рѣкѣ Елянкѣ, образовавъ нѣчто въ родѣ охотничьяго звѣринца. Собственно говоря, Августъ только возобновилъ и расширилъ тотъ звѣринецъ, который созданъ былъ еще при Баторіи. Всѣ знаменитыя охоты Августа происходили здѣсь или возлѣ, поэтому это мѣсто стали называть Августовымъ садомъ; официально же его названіе оставалось прежнее — Большой загонъ, Wielka Kletna⁶¹). — Тамъ были устроены штанды (altanki) для короля и вельможъ, и слѣды этихъ штандовъ, а также забора оставались до конца прошлаго столѣтія. — Другимъ большимъ сооруженіемъ Августа III былъ новый охотничій замокъ. — Старинный деревянный охотничій домъ, поставленный при Сигизмундѣ I, обратился съ теченіемъ времени въ квартиру главнаго егермейстера, завѣдовавшаго всею охотою и арсеналомъ. Для Августа понадобилось воздвигнуть болѣе обширное помѣщеніе, и мѣстомъ для него выбрали возвышенный берегъ Наревки, почти въ центрѣ Пуши, верстахъ въ 7 отъ охотничьяго дома Сигизмунда. Здѣсь также раньше былъ домъ для пріѣзда короля, о которомъ упоминается въ ординаціи Владислава IV, и Августъ или расширилъ его, или выстроилъ себѣ на его мѣстѣ новый дворецъ. Съ возникновеніемъ королев-

скаго дворца, по всей вѣроятности, возникъ и Новый Бѣловѣжъ, а прежній сталъ называться „Старымъ“. По описанію Бринкена ⁶²⁾, замокъ, окруженный паркомъ, выходилъ однимъ фасадомъ на рѣку Наревку, другимъ—на обширный лугъ, обсаженный дубами. Сбоку къ замку примыкалъ просторный дворъ, вокругъ котораго располагались хозяйственныя и охотничьи постройки. Въ нихъ размѣщался огромный штатъ егерей, псарей и прочихъ служащихъ, а въ отдѣльномъ зданіи хранились охотничьи снасти. Псарный дворъ стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Главное зданіе было рассчитано на пріемъ многочисленныхъ гостей. Въ серединѣ была большая зала съ каминами, по бокамъ — уютныя, комфортабельныя комнаты для отдыха и бесѣды.

Въ 1812 году, хозяйничавшія въ Пущѣ союзныя Наполеону австрійскія войска, разграбили весь замокъ; разореніе же докончилось въ польскій мятежъ 1830 года. На мѣстѣ замка насыпали батарею; отъ остальныхъ построекъ остались только слѣды. Дворецъ Александра III-го возвышается на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стояли Августовскій замокъ и охотничій домъ Владислава.

Охоты Августа III-го превосходили по своей пышности все то, что когда-либо видала Пуща до тѣхъ поръ. Въ этомъ отношеніи Августъ III явился самымъ типичнымъ представителемъ польскихъ королей, которые, послѣ Ягелло, за исключеніемъ Баторія, постепенно обращали охоту въ пышное зрѣлище. Августъ III былъ кавалеромъ ордена Св. Губерта, считавшагося покровителемъ охоты. Орденъ установили въ 1738 г. и его могли получать за охотничьи подвиги только принадлежавшіе къ королевской крови или самые знатные вельможи. Празднуя полученіе ордена, Августъ, гласитъ преданіе, посвятилъ шесть недѣль сряду на истребленіе звѣрей ⁶³⁾.

Задолго до пріѣзда короля изъ Дрездена и изъ Варшавы въ Пущу наѣзжали сановники, придворные и слуги. Мѣстная администрація устраивала ежедневныя грандіозныя облавы, вылавливая тенетами всякую дичь для пересадки въ „Августовъ садъ“. Не довольствуясь такимъ заполненіемъ сада, ко времени охоты собранную дичь сосредоточивали на еще мѣньшемъ пространствѣ, въ какихъ-нибудь сто десятинъ, огороженномъ щитами, за которыми ставился высокій прочный заборъ, на случай, если бы такой сильный звѣрь, какъ зубръ, прорвалъ линію щитовъ. Изъ этого небольшого отгороженного участка устраивали, на подобіе коридора, узкій выходъ, а сбоку воздвигалась бесѣдка, чтобы выгоняемые звѣри попадали прямо подъ выстрѣлы.

Бринкенъ, со словъ очевидца, такъ описываетъ одну изъ грандіознѣйшихъ охотъ Августа III-го, происходившую 27-го сентября 1752 года: —

За нѣсколько дней до прїѣзда короля—въ Пушу явились нѣмцы-охотники съ прекрасными собаками и различными охотничьими приспособленіями. Мѣстомъ охоты избрали участокъ возлѣ сада, къ сѣверо-западу отъ села Бѣловѣжъ, верстахъ въ семи отъ замка. Пользуясь указаніями мѣстныхъ егерей относительно зубровыхъ стоянокъ, нѣмцы пополнили звѣровой составъ сада зубрами, для загона которыхъ потребовалось не менѣе тысячи крестьянъ.—Ко дню прїѣзда короля все было готово, и даже число зубровъ было на счету. Король прїѣхалъ съ женою и семействомъ, въ сопровожденіи такой многочисленной свиты, что ее едва размѣстили по деревнѣ.—Рано утромъ, въ роскошныхъ экипажахъ, окруженные гарцующими на коняхъ офицерами и пажамъ, дворъ и дамы двинулись къ мѣсту охоты. Звуки трубъ возвѣстили о прибытіи Августа и о началѣ охоты. Бесѣдку заняли королевская семья съ важнѣйшими сановниками, но послѣднимъ предоставлялось только право любоваться кровавымъ зрѣлищемъ. Королева, увлекавшаяся стрѣльбою не менѣе короля и вмѣстѣ съ тѣмъ большая любительница чтенія, не теряла времени даромъ. Читая, въ промежутки между выпусками звѣря, она одна уложила 20 зубровъ. Король также стрѣлялъ мастерски, принимая заряженное ружье отъ стоявшихъ возлѣ пажей и егерей. Послѣ cadaго удачнаго выстрѣла по зубру раздавались трубные фанфары. По окончаніи охоты король и королева осматривали штреку, дичь была взвѣшена и распределена между крестьянами⁶³). Въ память объ охотѣ воздвиглиobeliskъ, на которомъ еще и теперь не трудно прочесть слѣдующія высѣченныя надписи на польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ:

„27-го Сентября 1752 года здѣсь охотились на зубровъ Ихъ Величества Августъ III, Король Польскій и Курфюрстъ Саксонскій съ Августѣйшей супругой Королевой и Ихъ Высочествами Принцами Ксаверіемъ и Карломъ, при чемъ были убиты: 42 зубра, а именно—11 крупныхъ, изъ коихъ бѣльшій вѣсилъ 14 центнеровъ и 50 фунтовъ (43 пуда и 20 фунтовъ), 7 меньшихъ, 18 молодыхъ зубровъ и 6 телятъ. Далѣе—13 лосей, а именно: 6 быковъ, изъ которыхъ наибольшій вѣсилъ 9 центнеровъ и 75 фунтовъ (29 пудовъ и 10 фунтовъ), 5 коровъ и 2 теленка; кромѣ того 2 козла. Всего 57 штукъ.

При этомъ присутствовали: Его Превосходительство великій коронный гетманъ Браницкій, Его Превосходительство первый министръ Графъ Брюль, Его Превосходительство коронный начальникъ столовыхъ имѣній (Удѣловъ) Графъ Велепольскій, Его Превосходительство обершталмейстеръ Графъ Брюль, Его Превосходительство коронный почтмейстеръ и маршалъ фонъ Биберштейнъ, Его Превосходительство гофмаршалъ фонъ Шенбергъ, Господа полковники Полятовскій, Вильчевскій, Венгерскій и

Старжевскій, подполковникъ Сапѣга. Охотою руководилъ Его Превосходительство оберегермейстеръ Графъ Волферсдорфъ; при охотѣ были дежурными: камеръ-юнкеръ и оберфорстмейстеръ фонъ Габленцъ, камеръ-юнкеръ и яхтъ-юнкеръ фонъ Арнимъ, охотничьи пажи фонъ Генцау и Лейпцигеръ, охотничій волонтеръ Флугъ, ловчій Штокманъ, придворный егеръ Шрейеръ, тѣлохранитель Пецольдъ, старшіе лѣсничіе Брейтеръ, Берманъ, Экгардъ; лѣсничіе Шубертъ, Аугерманъ, Штокмаръ, Рихтеръ, Эйхлеръ, Хомбургъ, трое Козловскихъ, Вапъ, Роде, Прокоповичъ, Урепкевичъ^{*)}.

Обелискъ является единственнымъ хорошо сохранившимся памятникомъ историческаго прошлаго Пуши время польскаго господства. Онъ изъ бѣлаго песчаника 12 фут. вышиною и стоитъ на незначительной земляной насыпи.—Туристъ, осматривающій Пушу, увидить его слѣва отъ дороги, при проѣздѣ изъ деревни Сточекъ къ Императорскому двору.

Въ настоящее время обелискъ тщательно оберегается, его накрываютъ на зиму чехломъ, по угламъ посажены деревья, а кругомъ, у подножья, взамѣнъ прежней деревянной ограды, разбитъ цвѣтникъ.

Послѣдній Польскій король, Станиславъ Августъ, не любилъ охоты и хотя, для поддержанія традиціоннаго строя придворной жизни, отъ време-

*) «Dnia 27 Septembra, 1752 Najłasniesze Państwo August III, Król Polski, Elektor Saski, z Królową Jęymoscią i Królewiczem Ichmośc Xawerym i Karolem tu mieli polowania zubrów, i zabili: 42 zubrów; to jest: 11 wielkich, z których najwazniejszy ważył 14 centnarów 50 funtów, 7 mniejszych; 18 zubrzyców; 6 mlodych; 13 łosiów; to jest: 6 z których najwazniejszy ważył 9 centnarów 75 funtów; 5 samicy; 2 mlodych; 2 sarny. Summa 57 sztuk. Byli przytomni: I. W. I. Pan Branicki, Hetman Wielki Koronny. I. W. Hrabia de Brühl pierwszy Minister I. K. M., I. W. I. Pan Wielopolski, Czėsnik Koronny. I. W. Hrabia de Brühl Koniuszy najwyższy I. K. M., I. W. Marszałek de Biberstein, General poczty Koronnej. I. W. de Szönberg Marszałek Nadworny I. K. M., I. W. i Wiel. I. Panowie Poniatowski, Wilczewski, Węgierski, Starzewski, Pułkownicy: i Sapieha Oberster Lieutenant. Polowaniem dyrygowal I. W. I. Pan de Wolfersdorff Łowczy najwyższy I. K. M. Assystowali przy polowaniu: W. I. Pan de Gablenz Podłowczy I. K. M., W. I. Pan de Arnim Szambelan. W. I. Panowie de Gauson i de Leipziger Paziowie od polowania. Strzelcy nadworni I. Pan Pflug, Stokmann, Schreyer i Pezold. Nadlesniczowie: Breyter, Bormann, Eckhard. Lesniczowie: Szubert, Angermann, Stockmar, Richter, Eichler, Homburg, 3 Kozłowsky, Vap, Rode, Prokopowicz, Urepkiewicz».

«Den 27 September 1752 haben Ihro Majestaet August III Koenig in Pohlen und Churfürst zu Sach-

sen nebst Dero Koeniglichen Gemahlin Majestaet ingeleichen Ihrer Koeniglichen Hoheiten Prinz Xaver und Prinz Karl alhier ein Auerjagen auf dem Lauf gehalten, und geschossen: 42 Auer, naemlich: 11 Hauptauer, wovon der schwerste gewogen 14 Centner 50 Pfund, 7 Mittelauer, 18 Auerthiere; ■ Auerkälber. Ferner 13 Elend, naemlich: 6 Elendhirsche, wovon der schwerste gewogen 9 Centner 75 Pfund; 5 Elendthiere; 2 Elendkälber. Ferner 2 Rebe. Summa 57 Stück.

Hierbei waren zugegen: Ihro Excellenz Herr Kron Grossfeld herr Branicki. I. E. Herr Premier Minister Graf Brühl, I. E. Herr Kron-Mundschenk Graf Wielopolski, I. E. Herr Oberstallmeister Graf Brühl, I. E. Herr General Kron-Postmeister Marschall von Biberstein. I. E. Herr Hofmarschal von Schöenberg. Die Herren Obristen Poniatowski, Wilczewski, Węgierski und Starzewski. Der Herr Obrist Lieutenant Sapieha. Das Jagen haben dirigirt: Ihro Exc. Herr Oberhofjägermeister Graf Wolfersdorff. Beginn-Jagen haben Dienste geleistet: Herr Kammerjunker-und Obersforstmeister von Gablenz; Herr Kammer und Jagdjunker von Arnime, Herr Jagdpag v. Gensan und v. Leipzyger. Jagd Volontair Pflug, Wildmeister Stockmann, Hofjäger Schreier, Leibschütz Pezold. Die Qberförster: Breyther, Bermann, Eckhard. Die Förster: Schubert, Augermann, Stockmar, Richter, Eichler, Homburg, 3 Kozłowski, Vap, Rode, Prokopowicz, Urepkiewicz».

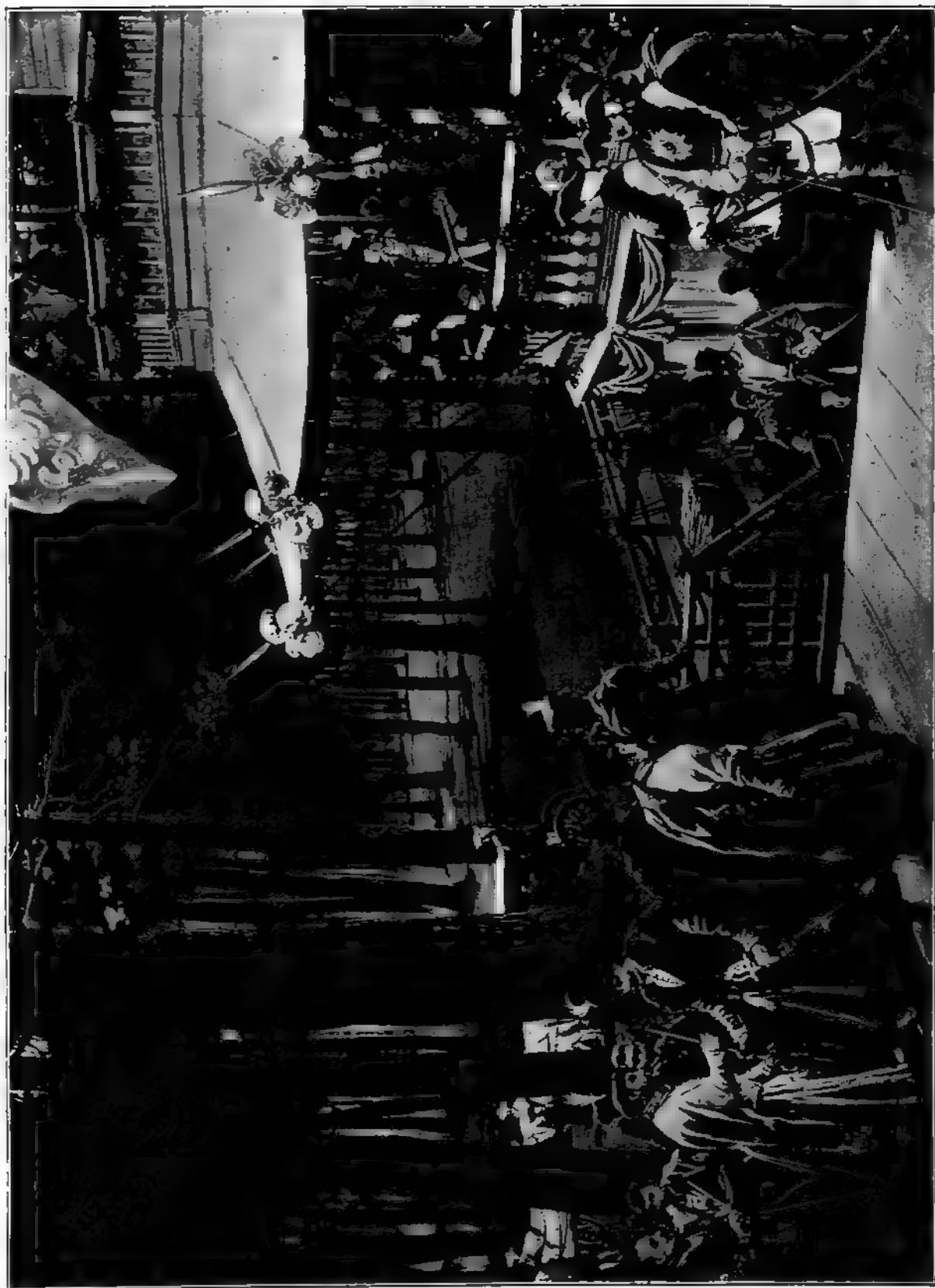
Обелискъ Августа III-го.
Оригинальный рисунокъ
К. Я. Крыжичаго.

ни до времени въ Пуцѣ устраивались охотничьи парады, на подобіе бывшихъ при Августѣ III-емъ, но самъ король относился къ нимъ безучастно.

Изъ охотъ Станислава Августа наиболѣе извѣстна происходившая 30-го и 31-го августа 1784 года⁶⁵).—Къ пріѣзду короля въ большомъ загонѣ (Августовъ Садъ) поставили трехъ-этажный павильонъ. Въ нижнемъ этажѣ размѣщалась прислуга, въ среднемъ былъ обширный залъ для короля, убранный коврами и рыцарскими доспѣхами, а верхній этажъ представлялъ открытый балконъ, съ котораго приближенные глядѣли на охоту. Въ первый день король подѣхалъ къ павильону

верхомъ, сопровождаемый конною литовскою гвардіею, уланами и казаками. Лошадей короля и сановниковъ торжественно вели подъ уздцы. На слѣдующій день король прибылъ въ каретѣ шестеркою бѣлыхъ лошадей цугомъ. Результаты охоты этихъ дней никто не записалъ, но есть упоминаніе, что Станиславъ Августъ не истреблялъ звѣрей такъ беспощадно, какъ его предшественникъ, и ограничивалъ охоту только нѣсколькими зубрами. Въ одну изъ охотъ произошелъ случай съ верховымъ, стоявшимъ вблизи королевскаго павильона. Разсвирѣпѣвшій зубръ бросился на верхового, поднялъ лошадь его на рога, а сѣдокъ спасся тѣмъ, что схватился за вѣтку и повисъ на ней.

При Станиславѣ Августѣ золотые дни егерей саксонцевъ приходятъ къ концу; многіе изъ нихъ вернулись даже на родину. Пуца въ охотничьемъ отношеніи стала приходить въ упадокъ, но взамѣнъ того выдвинулась ея хозяйственная сторона. Король хорошо велъ дѣла въ своихъ такъ-называемыхъ столовыхъ имѣніяхъ, и Пуца, перешедшая въ составъ Литвы, подъ управленіе одного изъ выдающихся экономистовъ той эпохи Антонія Тизенгауза, обратилась въ доходное угодье. Ти-

ОХОТА СТАНИСЛАВА АВГУСТА ВЪ ЛУЩЕ 31-ГО АВГУСТА 1784 Г.—Оригинальный рисунокъ В. И. Назарова.

зенгаузь былъ сначала гродненскимъ старостою, а затѣмъ литовскимъ подскарбіемъ. Съ послѣдней должностію совмѣщалось все хозяйственное управленіе страной, и Тизенгаузь обратилъ особенное вниманіе на лѣсныя богатства Литвы. Онъ привелъ въ извѣстность всѣ казенные лѣса, открылъ тамъ смоляные, дегтярные, поташные заводы, пильныя мельницы, а въ Пущѣ, сверхъ того, очистивъ и спрямивъ рѣки, приспособилъ ихъ для сплава. По нимъ цѣнные дубы и сосны успѣшно доставлялись въ Данцигскій портъ ⁹⁹). Этими плодами заботъ Тизенгауза пользуются и сейчасъ.

Не интересуясь охотою самъ и зная отношеніе къ ней короля, Тизенгаузь, озабоченный собираніемъ доходовъ, тѣмъ не менѣе не только не стремился разрушить Бѣловѣжское охотничье угодье, уцѣлѣвшее въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, но наоборотъ всячески старался сохранить охоту. Если мы сказали раньше, что Пуща въ охотничьемъ отношеніи приходила въ упадокъ, то это зависѣло не отъ недостатка заботъ, а отъ того, что вообще нельзя было вести параллельно двухъ хозяйствъ, взаимно исключаящихъ другъ друга—фабрично-заводскаго и охотничьяго. Ближайшій надзоръ за Пущею Тизенгаузь ввѣрилъ оберъ-форстмейстеру. За нимъ стоялъ ловчій, который завѣдовалъ собственно всею охотничьею частью, далѣе—13 унтеръ-форстмейстеровъ и 123 стрѣлка. Всѣ служащіе были щедро надѣлены землями, и для полевыхъ работъ даже стрѣлкамъ давались чернорабочіе; топливо же и лѣсъ для домашнихъ надобностей выдавались безъ ограниченія всѣмъ пушинскимъ и соседнимъ крестьянамъ, за что съ каждаго взималось по серебряному польскому грошу въ годъ. Эта щедрая раздача казеннаго лѣса была установлена еще до Тизенгауза, но при немъ она не прекратилась, и нужно сказать, что мѣстное населеніе до сихъ поръ смотритъ на удѣльный лѣсъ, какъ на общую собственность. Псарный дворъ, всевозможные охотничьи снаряды: тетета, сѣти и пр.—все это хранилось и поддерживалось. Пущу раздѣлили на такъ-называемыя стражи, и послѣднія распланировали такъ, что каждая стража выходила одною стороною на окраину дачи. Свободный въѣздъ въ Пущу былъ воспрещенъ, а для большей охраны отъ порубокъ и браконьерства, стрѣлковъ расселили кольцомъ вокругъ всей дачи. Всѣ сервитуты крестьянъ и помѣщиковъ были выкуплены въ казну.

Здѣсь не мѣсто перечислять все то, что сдѣлалъ Тизенгаузь вообще для края; дѣятельность этого государственнаго челоуѣка оцѣнили историки Литвы и Польши*); для насъ же интересенъ только еще

*) Оклеветанный придворными, Тизенгаузь былъ отстраненъ отъ должности подскарбіа и умеръ въ полной нищетѣ въ 1785 году, оплакиваемый немногими сотрудниками.

одинъ актъ заботливости Тизенгауза. По его иниціативѣ основалась ветеринарная школа въ Гродно, для которой изъ Монпелье пригласили извѣстнаго естествоиспытателя, Жильберта ⁶⁷⁾. Послѣдній внимательно изслѣдовалъ фауну Литвы и, между прочимъ, оставилъ подробное описаніе зубра и его жизни.—Изъ трудовъ Жильберта наиболѣе извѣстны: „Observationes de bisone Lithuano“ и „Indagatores naturae in Lithuania“. Въ концѣ XVIII вѣка о Пущѣ и о зубрахъ отрывочно писали нѣкоторые польскіе натуралисты: Бѣльскій, Стрыйковскій и Рончинскій.

Съ именемъ Тизенгауза связанъ одинъ эпизодъ, который могъ бы доставить Пущѣ еще большую извѣстность. Знаменитый мыслитель Жанъ-Жакъ-Руссо, по просьбѣ Велогорскаго, написалъ проектъ государственнаго устройства Польши. Знакомясь для своего проекта съ исторіею и бытомъ польскаго народа, Руссо составилъ себѣ настолько благопріятное мнѣніе о полякахъ, что выразилъ даже желаніе пожить среди нихъ. Узнавъ объ этомъ, Тизенгаузъ рѣшилъ уговорить женеваго философа переселиться въ Польшу и, зная наклонность Руссо къ уединенію, предложилъ ему поселиться въ Бѣловѣжскомъ лѣсу, обѣщая предоставить всѣ удобства и не требуя ничего взаменъ. Уговорить Руссо долженъ былъ состоявшій при Тизенгаузѣ извѣстный въ польской литературѣ Ксаверій Богушъ. Планъ переселенія въ Бѣловѣжъ показался очень заманчивымъ Руссо, и вѣроятно онъ не замедлилъ бы осуществить его, если бы не одно случайное обстоятельство.—Въ то время въ Парижѣ появился польскій авантюристъ Вяжевичъ, который какимъ-то способомъ вкрался въ довѣріе философа и, выманивъ изрядную сумму денегъ, скрылся.—Такъ закончился этотъ эпизодъ, послѣ котораго Руссо, вмѣсто Бѣловѣжа, выбралъ себѣ для уединенія предмѣстье Парижа Егмёнонвилл⁶⁸⁾. —

Н. Самокуличъ

ъ 1794 году свершилось то, что уже давно готовилось, Польша пала, какъ самостоятельное государство. По первому раздѣлу часть Литвы вмѣстѣ съ Пущею отошла къ Россіи.

Взглянувъ безпристрастно на четырехсотлѣтнее польское господство въ Пушѣ (1413—1794 г.), охотникъ долженъ, все-таки, сказать полякамъ искреннее „спасибо“. Разоренная, оскудѣвшая лѣсомъ и звѣрями Пуща, какъ ни какъ—уцѣлѣла, и въ ней не перевелся самый цѣнный ея обитатель—зубръ, котораго нигдѣ въ Европѣ не сумѣли уберечь. Уцѣлѣла же она благодаря своимъ королямъ, среди которыхъ мы видѣли не мало выдающихся охотниковъ. Правда, многіе изъ нихъ охотились безпощадно-хищнически, но все же они дорожили Пущею, и подданные уберегли то, что было дорого ихъ монархамъ. Первымъ владѣтелямъ Пуши, конечно, не могло даже приходить на

М. Самокишъ

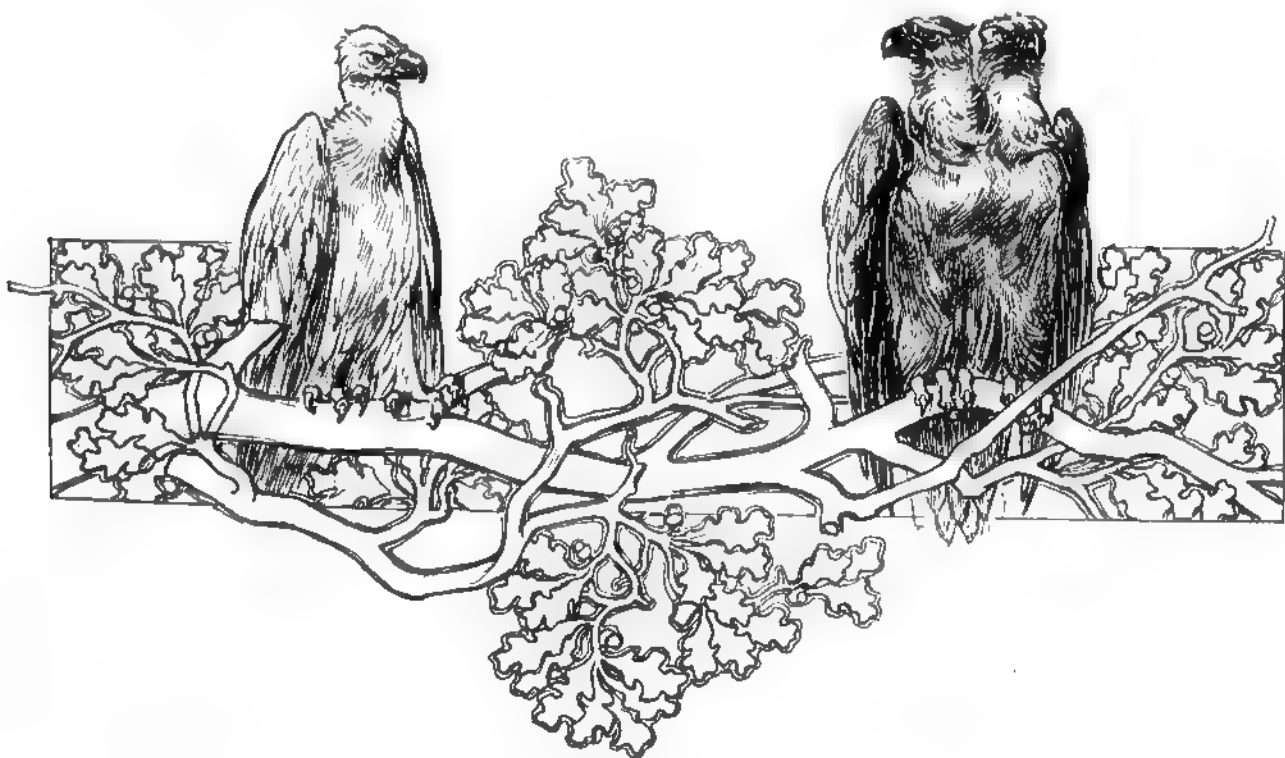
мысль, что литовскіе лѣса могутъ когда-нибудь исчезнуть и, что зубровъ, какъ диловинку, будутъ показывать въ музеяхъ и звѣринцахъ, а о турахъ станутъ даже спорить, существовали ли они. Позднѣе, когда было ясно, что земледѣльческая культура и фабричная промышленность поглотятъ всѣ лѣсныя богатства Литвы, появились лѣсоохранительные законы; но сила этихъ писаныхъ законовъ была очень относительна въ тѣ времена, къ тому же законы нерѣдко отмѣнялись. Петръ Фальчевскій, еще въ серединѣ XVI столѣтія, преслѣдуя

Выѣздъ на охоту въ Пуцу
въ концѣ XVIII вѣка.
Съ гравюры изъ изданія 1828 г.
Бринкена.

интересы государственной казны, могъ бы вырубить Пуцу до тла; то же могъ бы сдѣлать даже такой человѣкъ, какъ Тизенгаузъ, если бы за Пуцею не сохранялось всегда престижа лучшаго королевскаго угодыя. Уничтожить Пуцу было легко, а для человѣка жаднаго—даже соблазнительно, потому что нигдѣ не было столько цѣннаго лѣса, какъ тамъ; условія сбыта были также довольно благопріятны. Пуца изрѣзана рѣками, среди которыхъ главная артерія Наревка, при нѣкоторыхъ затратахъ, могла бы стать вполне судоходною; но всѣ знали, что ни прежде, ни теперь, въ цѣлой Литвѣ не было лучшаго уголка, чѣмъ Бѣловѣжская

Пуца.—Сюда навѣдывались всѣ, въ комъ билась охотничья жилка. Немногіе бы рѣшились свести, ради единовременныхъ выгодъ, тотъ лѣсъ, въ которомъ охотились Ягелло, его потомки, Баторій и многіе другіе, о которыхъ съ гордостью вспоминаютъ поляки. Бѣловѣжъ, Баторіева гора, Августовская стража, Замчиско, Августовъ Садъ и многія другія названія, не дошедшія до насъ, напоминали всегда о прошломъ Пуци. Ее изводили, урѣзывали со всѣхъ сторонъ, какъ растрачиваются по частямъ самыя цѣнныя родовыя имѣнія; но и въ послѣднихъ домъ и старый садъ сохраняютъ до конца. Въ русское владѣніе отъ поляковъ перешло все-таки до 120.000 десятинъ (кромѣ Свислочской дачи). Тотъ же духъ бережливости не угасалъ никогда и въ ближайшихъ охранителяхъ, т. е. стражѣ. Конечно, порубки, браконьерство, — все это было обычнымъ явленіемъ, то усиливавшимся, то ослабѣвавшимъ, въ зависимости отъ большей, или меньшей строгости надзора; а все же, сознаніе, что лѣсъ и звѣри, въ особенности зубръ, составляли королевское добро, которымъ дорожатъ, удерживало многихъ отъ злоупотребленій, независимо отъ страха наказанія. Окружавшіе Пуцу помѣщики добровольно давали зарокъ не стрѣлять зубровъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они забѣгали въ ихъ лѣса, хотя за неисполненіе обѣщанія помѣщикамъ, сколько извѣстно, не угрожали никакимъ специальнымъ наказаніемъ. Пуца стала заповѣдной уже при Ягелло и, несомнѣнно, что при Августавъ Саксонской династіи стража была обязана одинаково охранять какъ зубровъ и кабановъ, такъ и всю остальную дичь. Законъ въ этомъ отношеніи былъ категориченъ; но что же было въ дѣйствительности? Вспомнимъ знаменитую охоту, въ память которой былъ поставленъ даже обелискъ съ надписью: при 42-хъ зубрахъ лосей оказалось—13, козъ—двѣ, оленей и кабановъ ни одного. Но зубръ былъ королевскій звѣрь, и это-то охраняло его отъ пули браконьера надежнѣе, нежели всѣ карательные законы, вмѣстѣ взятые.

Н. С. Мокишъ.

ишь только состоялся раздѣлъ Польши, Императрица Екатерина пожаловала изъ бывшаго королевскаго Бѣловѣжскаго имѣнія значительные лѣсные участки своимъ сподвижникамъ, участвовавшимъ и не участвовавшимъ въ покореніи края. Съ восточной стороны, захвативъ глубоко середину, изъ Бѣловѣжской дачи вырѣзали 20.000 десятинъ графу Румянцеву и тѣмъ навсегда испортили ея очертанія, крайне затруднивъ веденіе охотничьяго хозяйства. Наслѣдники Румянцева скоро распродали свои участки, почему въ Пуцу и врѣзывается теперь группа частныхъ владѣній. Съ сѣверо-запада—Императрица пожаловала графамъ Ферзену и Сиверсу 10.000 десятинъ вмѣстѣ съ фольварками—Дубины и Срыпляево. Михаилу Илларионовичу Кутузову отдали на срокъ земли селеній Бѣловѣжа, Наревки и Скупова и на тѣхъ же условіяхъ—полковнику Дерякину земли Масева и Немержи^(*). Остальная часть Пуцы перешла въ государственную собственность. Съ западной стороны, составляющей нынѣшній Бѣлостокскій уѣздъ, Пуца примыкала къ Прусской границѣ.

Въ теченіе семи лѣтъ, до 1802 года, литовскій край въ отношеніи административнаго устройства находился въ переходномъ состояніи. Первоначально Пуца вошла въ составъ Слонимской губерніи, переименованной позднѣе въ намѣстничество. Затѣмъ, присоединивъ къ намѣстничеству Виленскую губернію, образовали одну Литовскую губернію. Изъ этой губерніи, по указу 11-го іюля 1802 года, выдѣлили Гродненскую, утвердивъ для нея гербъ съ изображеніемъ въ нижней его части

зубра. Эту губернію называли также Литовско-Гродненскою⁷⁰). Въ томъ же году, при учрежденіи министерствъ, высшее управленіе Пущею перешло въ министерство финансовъ, по департаменту государственныхъ имуществъ; мѣстное же сохраняло попрежнему польское устройство, установленное при Тизенгаузѣ. До 1802 года со стороны Русскаго Правительства забота о поддержаніи охоты проявилась одинъ только разъ:

Въ 1798 году, для сохраненія корма зубрамъ, предписано было воспретить пастьбу домашняго скота во всей казенной дачѣ, но эта мѣра, къ сожалѣнію, не могла быть приведена въ исполненіе, потому что все многочисленное крестьянское населеніе и всѣ служащіе, замкнутые въ Пушчѣ, лишались, такимъ образомъ, возможности содержать скотъ. Распоряженіе пришлось отмѣнить. Понятно, что съ перемѣною хозяевъ въ Пушчѣ воцарилось на долгое время безначаліе; ее наводняли браконьеры, въ особенности со стороны прусской границы, почему и пришлось устроить новыя заставы и вообще вмѣнить въ обязанность стрѣлкамъ строго слѣдить за границами. Нѣмецкіе лѣсничіе, завѣдывавшіе сосѣдними съ Пущею лѣсами, старались даже всячески загонять и приманкою переселить къ себѣ зубровъ, но послѣдніе, привычныя къ мѣсту, всегда возвращались къ прежнимъ стоянкамъ. Борьба съ браконьерствомъ затруднялась еще тѣми порядками, которые были установлены для истребленія хищниковъ. Систему премій за убитаго хищника, практиковавшуюся на Западѣ, въ Пушчѣ видоизмѣнили крайне своеобразно. Вмѣсто того, чтобы платить отъ шкуры или головы, сдѣлали діаметрально противоположное, и истребленіе хищниковъ обратили въ статью дохода. Каждый низшій служащій, за право стрѣлять медвѣдей, волковъ, рысей, лисицъ, хорьковъ, куницъ и пр., платилъ самъ 11 р. 25 к.; высшіе платили по 5 р. 76 к. За право охоты на благородныхъ звѣрей и прочую дичь, кромѣ зубра, какъ съ низшихъ, такъ и съ высшихъ взимали по 4 р. 80 к. Въ общемъ, казна получала отъ этой оброчной статьи нѣсколько болѣе тысячи рублей въ годъ⁷¹), и въ результатѣ, конечно, шло повальное истребленіе всего, кромѣ зубровъ. Волковъ и рысей, хотя и самыхъ опасныхъ для благородной дичи, истребляли всего меньше, потому что шкура ихъ была малоцѣнна, но зато за медвѣдями охотились усердно. Въ особенности печально то, что разрѣшивъ такую охоту, не обратили вниманіе на сохраненіе бобра. Его въ Литвѣ водилось очень много, въ Пушчѣ также его было достаточно. У одного польскаго писателя, Чацкаго, приводится даже описъ бобрамъ, составленная въ 1229 г. инспекторомъ надъ бобрами, состоявшимъ на службѣ у князя Мазовецкаго Конрада⁷²). Но уже въ русскія времена о бобрѣ въ описаніяхъ Пущи почти не упоминается.

Вмѣстѣ съ передачею Пуши въ вѣдомство департамента государственныхъ имуществъ состоялся Высочайшій Указъ на имя Литовскаго военнаго губернатора, барона Бенигсена, о заповѣданіи Пуши и сохраненіи зубровъ. Приводимъ полностью этотъ важный въ исторіи Пуши актъ:

Господинъ Генералъ отъ Кавалеріи и Литовской военный Губернаторъ Баронъ Бенигсенъ!

По рѣдкости породы находящихся Литовской губерніи въ Бѣловѣжскомъ лѣсѣ зверей такъ называемыхъ Зубровъ, признавъ я за благо, для охраненія ихъ отъ битья и пуганья и для прокормленія, приписать по прежнему деревни оставшіеся отъ Брестской Економіи: Цвирки, Панасюки, Каменики и Мызнари Пауцкіе. Въ следствіе чего повелѣваю вамъ, сообразя лѣсные обстоятельства, положить на мѣрѣ и представить на утвержденіе Правительствующему Сенату, какое облегченіе вмѣсто сей повинности должно сдѣлать Крестьянамъ. Пребываю Вамъ Благоклонный.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

АЛЕКСАНДРЪ.

Въ С.-Петербургѣ Сентября 10 дня 1802 года.

Послѣдніе годы польскаго господства не только охотничье, но и общее хозяйство въ дачѣ было сильно запущено, и такъ какъ при переходѣ ея въ наши владѣнія на это также не скоро обратили вниманіе, то къ 1805 году постройки такъ обветшали, что для ремонта ихъ, по представленію оберъ-форстмейстера, потребовалось отпустить 16.500 деревъ ⁷³⁾. Далѣе обнаружилось, что земля, которою были надѣлены крестьяне и всѣ служащіе, была распредѣлена между тѣми и другими въ высшей степени неравномѣрно: служащіе, понятно, обдѣлили крестьянъ, и пришлось установить новый передѣлъ.

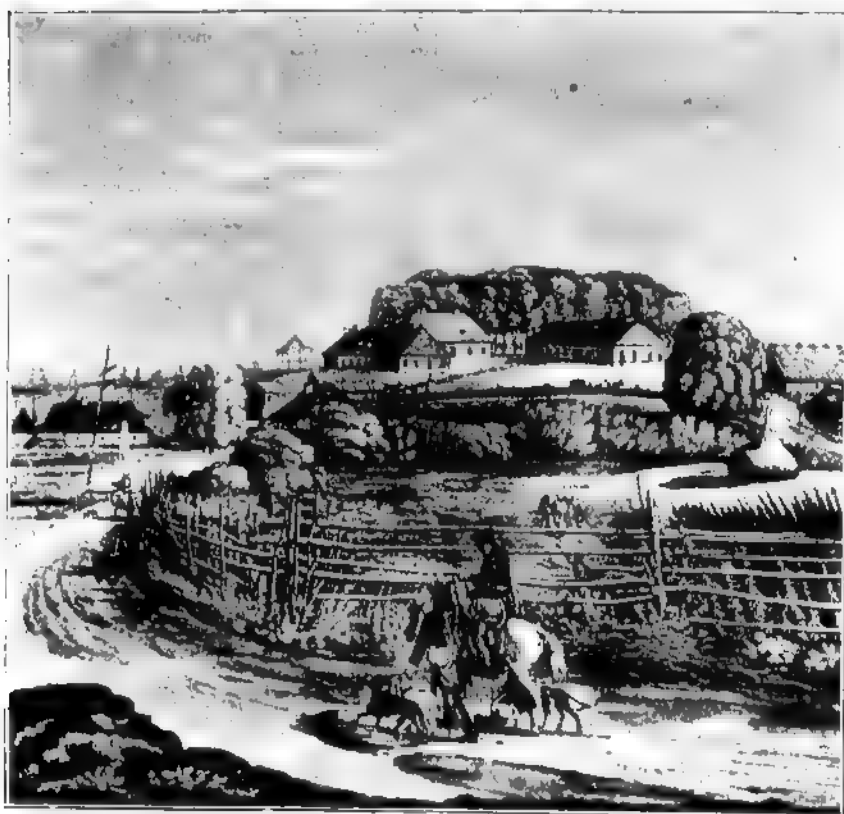
За отсутствіемъ живого интереса къ охотѣ со стороны новаго Августѣйшаго владѣльца, Александра I-го, которому, въ тѣ тревожные года было не до развлеченій,—въ Пушчѣ наступила будничная жизнь, сводившаяся къ писанію отъ времени до времени донесеній въ департаментъ. Оттуда также посылались напоминанія для того, чтобы поддерживать бдительность въ подчиненныхъ. Такъ, между прочимъ, приказано было подробно доносить объ убыли и размноженіи зубровъ. Съ 1809 г. возникла цѣлая статистика, долженствовавшая показывать ежегодный приплодъ а также, убыль зубровъ, отъ разныхъ причинъ: отъ естественной смерти, браконьерства, хищниковъ и пр. Изъ Пуши писали напр.: что такого-то числа „найдено было два не живыхъ зубра“, а слѣдующаго числа найденъ былъ зубръ, „умершій отъ старости“,

или заѣденный волками, или „убитый пулею“, и тому подобное. Всего къ 1809 г. въ Пушѣ насчитывалось 350 зубровъ. Параллельно съ такою точностью въ донесеніяхъ, было извѣстно, что зубровыя кожи продавались крестьянамъ и евреямъ ремесленникамъ съ публичнаго торга. Цѣна за зубровую кожу на торгахъ колебалась отъ 1 р. 35 к. до 1 р. 50 к. Въ 1809 году 5 кожъ и 2 головы приобрѣлъ профессоръ физики, монахъ Доминикъ Войшневичъ ⁷⁴⁾. Когда же департаментъ, въ виду просьбъ отъ музеевъ и университетовъ, сталъ требовать присылки кожъ и скелетовъ палыхъ зубровъ, то изъ Пуши доносили, что кожа сгнила, а кости растащили волки.

Передъ 1812 годомъ спокойная жизнь въ Пушѣ была нарушена огромнымъ лѣснымъ пожаромъ, начавшимся въ концѣ мая 1811 года ⁷⁵⁾. Горючаго матеріала, заключавшагося въ залежахъ сухостойныхъ деревьевъ, сучьевъ и валежника накопилось такое множество, что, при отсутствіи просьбъ, борьба съ огнемъ была не по человѣческимъ силамъ. Въ Пушѣ работали тысячи людей, но пожаръ не утихалъ четыре мѣсяца, находивсюду готовый матеріалъ.

Только въ октябрѣ, начавшіеся дожди и въ особенности одинъ ливень—успокоили разъяренную стихію. Въ памяти жителей Пуши это бѣдствіе представлялось ужаснѣе событій двѣнадцатаго года. Отчего и какъ начался пожаръ—осталось неизвѣстнымъ, но можно только удивляться, что онъ не случился раньше, такъ какъ все благопріятствовало развитію бѣдствія. Несмотря на скопившійся сухой матеріалъ, въ Пушѣ было въ обычаѣ пускать весной „палы“, для выжиганія прошлогодней сухой травы ⁷⁶⁾. Пчеловоды выкуривали пчелъ, и кромѣ того—въ Пушѣ укрывалось не мало праздношатающагося люда.

Благодаря предусмотрительности тогдашняго оберъ-форстмейстера

Бѣловѣжская усадьба въ концѣ XVIII вѣка, гравюры изъ изданія 1828 г. Вринкена.

Гондеевича, зубровое поселеніе не вымерло съ голоду въ послѣдовавшую зиму. Гондеевичъ воспользовался всѣмъ сѣномъ, заготовленнымъ служащими для домашняго скота, и предоставилъ его зубрамъ. Этотъ годъ положилъ начало дальнѣйшему прокорму зубровъ зимою.

1812 годъ засталъ Пуцу разоренную пожаромъ. Въ началѣ отечественной войны жизнь въ Пуцѣ продолжала течь обычнымъ порядкомъ, и только съ того времени, когда наша 3-я армія, подъ начальствомъ Тормасова, стала оперировать противъ австрійскаго корпуса кн. Шварценберга, прикрывавшаго тылъ главной арміи Наполеона, Пуца вошла въ раіонъ военныхъ дѣйствій. Шварценбергъ, двигаясь изъ-за Буга на Пружаны, появился въ послѣднихъ числахъ іюня у южныхъ границъ Пуши. Мѣстная администрація отнеслась къ этимъ событіямъ такъ же, какъ и прочіе поляки въ Вильнѣ и въ Гродно. Полу-польскій персоналъ служащихъ считъ себя свободнымъ отъ всякихъ обязанностей: высшіе чины покинули мѣста, лѣсники, сторожа и прочіе стали браконьерствовать вмѣстѣ съ крестьянами, кто предложилъ свои услуги врагамъ, кто оставался пассивнымъ зрителемъ. Наполеонъ, не особенно довѣрявшій австрійцамъ, вскорѣ послѣ того какъ Шварценбергъ приблизился къ Пуцѣ, послалъ на смѣну ему саксонскій корпусъ Рейнье; послѣдній же выслалъ впередъ бригаду къ Кобрину. На эту бригаду обрушился Тормасовъ, и въ 50 верстахъ отъ юго-восточной границы Пуши, 15-го іюля, разыгрался серьезный бой, окончившійся полнымъ пораженіемъ саксонцевъ. Послѣ Кобринскаго дѣла, Тормасовъ расположился со своею арміею вблизи Пружанъ, при чемъ его лѣвое крыло упиралось въ Бѣловѣжскіе лѣса. Оставаясь въ тылу главной Наполеоновской арміи, Тормасовъ направлялъ отсюда мелкіе отряды, чтобы тревожить непріятеля, и эти войска проходили черезъ Бѣловѣжскую Пуцу и Свишчовскую дачу безъ боя, такъ какъ непріятель не рѣшался углубляться въ невѣдомыя дебри. Итакъ, въ концѣ іюля, Бѣловѣжская Пуца вошла въ сферу военныхъ дѣйствій, но на ея территории враги появились лишь въ августѣ, послѣ того, какъ соединенныя силы Рейнье, вмѣстѣ съ корпусомъ Шварценберга, принудили Тормасова отступить на Волынь, за Бугъ. Главныя силы австро-саксонскихъ войскъ прошли мимо Пуши, обогнувъ ее съ юга, мелкіе же отряды, транспорты и фуражиры проникли далеко вглубь, во всѣ селенія.

Въ составѣ корпуса Шварценберга находился польскій отрядъ Энгельгардта и, вѣроятно потому, что для поляковъ все это были родныя мѣста, Энгельгардтъ расположился въ Пуцѣ и даже охотился на зубровъ. Изъ-за убитаго Энгельгардтомъ одного зубра, по окончаніи кампаніи, противъ него было возбуждено дѣло, впрочемъ ничѣмъ не

окончившиеся. Позже, уже въ 1815 и 16 годахъ, стали обнаруживаться факты бывшихъ самовольныхъ охотъ крестьянъ.

Въ срединѣ сентября, когда уже началось отступление французовъ, армія Тормасова была усилена пришедшей съ Дуная арміей Чичагова, и соединенными силами они двинулись въ тылъ отступавшей изъ Москвы арміи Наполеона. 29-го сентября наши войска заняли Брестъ, гдѣ оставались до 13-го октября. Затѣмъ, оставивъ у Бреста корпусъ генерала Сакена для обезпеченія своего тыла отъ австро-саксонскихъ войскъ, Чичаговъ двинулся къ Березинѣ. Чтобы предотвратить это движеніе, Шварценбергъ обогнулъ Пушу вдоль сѣверныхъ окраинъ отъ Бѣльска на Волковыскъ, поспѣвая за Чичаговымъ и демонстрируя вмѣстѣ съ тѣмъ противъ Сакена, дабы отвлечь вниманіе послѣдняго отъ главной цѣли; но Сакенъ, не взирая на бездорожье, для сокращенія пути, бросился черезъ Бѣловѣжскую Пушу, перерѣзавъ ее съ юга на сѣверъ. 29-го октября наши войска проходили черезъ Бѣловѣжъ, а 30-го были въ Руднѣ. При выходѣ изъ Пуши, возлѣ деревни Вел. Гринки, русскій авангардъ, подъ командою Милиссино, встрѣтился съ Рейнѣ и, не получивъ поддержки, съ боемъ отступилъ по лѣсной дорогѣ къ Руднѣ. Саксонцы не рѣшались преслѣдовать въ Пушѣ небольшой отрядъ Милиссино, чѣмъ дали ему возможность соединиться съ силами Сакена. 31-го октября авангардъ Милиссино вновь направился на деревню Вел. Гринки, главные же силы вышли изъ Пуши правѣе, у деревень Берники и Студеники. Рейнѣ не вступилъ въ бой, а отошелъ на Волковыскъ. Тогда Сакенъ, полагая, что предъ нимъ только корпусъ Рейнѣ, рѣшился самъ атаковать непріятеля, но въ началѣ боя появился Шварценбергъ, въ виду чего Сакенъ долженъ былъ вновь вернуться въ Бѣловѣжскую Пушу чрезъ Свислочскую дачу, гдѣ Шварценбергъ, какъ и раньше Рейнѣ, побоялся настойчиво преслѣдовать его. До Рудни австрійцы шли по пятамъ Сакена, но дальше, встрѣтивъ серьезный отпоръ, приостановились и дали ему отступить на Бѣловѣжъ. Шварценбергъ, оставивъ преслѣдованіе Сакена, повернулъ изъ Рудни на деревню Новый Дворъ съ тѣмъ, чтобы быстрымъ движеніемъ на Шерешево и Пружаны отрѣзать Сакена отъ Бреста и путей на Волынь. Сакенъ, предвидя это, еще утромъ 7-го ноября выслалъ отъ Бѣловѣжа два кавалерійскихъ полка къ Шерешеву на рекогносцировку и, выяснивъ такимъ образомъ намѣренія противника, 7-го же вечеромъ поспѣшилъ съ передовыми войсками на югъ для занятія выхода изъ Пуши. Форсированнымъ маршемъ Сакенъ успѣлъ предупредить противника и 9-го сосредоточилъ у Шерешева всѣ свои силы. Здѣсь долженъ былъ произойти бой; но видя, что непріятель вдвое многочисленнѣе, Сакенъ, довольный тѣмъ, что ему удалось благополучно выбраться изъ Пуши,

отступилъ въ полномъ порядкѣ на Брестъ, а отсюда на Полтвѣе. Только 16-го ноября Шварценбергъ получилъ возможность повернуть назадъ въ тылъ Чичагову, но было уже поздно. Березинская катастрофа уже совершилась. — Такъ, маневрируя въ районѣ Пушчи, Сакенъ отвлекъ австрійцевъ отъ возможности подать помощь Наполеону.

Съ уходомъ корпуса Шварценберга къ Слониму, непріятельскія войска болѣе не появлялись въ Пушѣ до конца кампаніи.

Въ числѣ печальныхъ воспоминаній о двѣнадцатомъ годѣ въ народной молвѣ сохраняется преданіе о разграбленіи дворца польскихъ королей въ Бѣловѣжѣ. Дѣяніе это почему-то приписывается кавалеріи Латуръ-Мабура, хотя ни онъ самъ, ни его кавалерія не входили въ составъ армій Шварценберга и Рейнье. Гораздо вѣроятнѣе предположить, что дворецъ пострадалъ отъ поляковъ, сначала отъ тѣхъ, которые служили въ Пушѣ, а затѣмъ отъ отряда Энгельгардта; быть-можетъ, австрійскія, саксонскія, да и наши войска также

попользовались чѣмъ-нибудь, но Латуръ-Мабуръ тутъ совершенно повиненъ.

Такимъ образомъ, въ теченіе четырехъ съ половиною мѣсяцевъ, Пуца и вся мѣстность вокругъ были охвачены военной тревогой. Все время, пока русская территорія не очистилась отъ непріятеля, звѣровое населеніе Пуцы испытывало также всѣ ужасы войны, къ тому же зима двѣнадцатаго года отличалась необычайною суровостью. Звѣри забивались въ самыя глухія дебри, или же бѣжали куда попало въ поискахъ за кормомъ.

Не мало зубровъ погибло въ сосѣднихъ помѣщичьихъ лѣсахъ и въ особенности много изъ нихъ перебѣжало въ сосѣднюю Свислочскую дачу графа Тышкевича. Изъ-за этихъ зубровъ возникла даже обширная переписка, продолжавшаяся съ 1813 года цѣлыхъ 11 лѣтъ. Тышкевичъ, какъ будто, возвращалъ зубровъ, но всегда выходило такъ, что или нельзя было перегнать ихъ лѣтомъ изъ опасенія потопить въ болотистыхъ берегахъ Наревки, или же зимою являлась другая опасность, какъ бы стельныя зубрицы не оступились на льду. Въ концѣ-концовъ все-таки 8 головъ были возвращены въ Пуцу⁷⁾. Министерство, черезъ губернатора, добивалось вмѣстѣ съ тѣмъ письменнаго обѣщанія отъ всѣхъ окружныхъ помѣщиковъ и, главнымъ образомъ, отъ скупившихъ земли у наслѣдниковъ графа Румянцева, владѣнія которыхъ врѣзывались въ середину Пуцы, не стрѣлять никакой дичи, выходящей изъ Пуцы, и въ особенности—зубровъ. О практическихъ послѣдствіяхъ этой мѣры извѣстій не сохранилось.

Когда впечатлѣнія войны стали изглаживаться, то вспомнили и про пожаръ 1811 года.—Засоренность дачи грозила новою бѣдою. Департаментъ предписалъ очистить валежникъ и одновременно нашелъ возможнымъ предпринять сплошныя рубки участками въ тѣхъ раіонахъ, куда зубры обыкновенно не заходили. Сплошныя рубки продолжались до 1821 года, пока не спохватились, что, вырубая лѣсъ хотя и во внѣзубровыхъ стоянкахъ, но безъ системы, дачу могутъ вырубить до тла, и тогда сразу пріостановили всякую рубку и кстати воспретили охоту на все, не исключая хищниковъ, не обративъ вниманія на то, что послѣ двѣнадцатаго года волковъ развелось особенно много. Плохо зарытыя человѣческія тѣла, палыя лошади—все это привлекало волковъ, и они, находя кормъ, прижились въ Пуцѣ. Борьба съ ними впослѣдствіи стоила большихъ хлопотъ.

Запрещеніе охотиться на хищниковъ продержалось не долго, потому что изъ Пуцы и отъ гродненскаго губернатора стали поступать настоятельныя представленія о необходимости бороться съ волками. Волчій вопросъ рѣшался не одинаково губернаторомъ и мѣстнымъ управленіемъ. Первый предлагалъ примѣнить ловлю тенетами, которыя не могли быть опасными для крупнаго звѣря, такъ какъ онъ легко прорывался сквозь

ВОЛКИ, НАПАДАЮЩИЕ НА СТАДО ЗУБРОВЪ.—ОРИГИНАЛЬНЫЙ РИСУНОКЪ А. С. ХРЪНОВА.

нихъ; мѣстное же управленіе доказывало полную непримѣнимость этой мѣры. Въ Пущѣ, отписывалось управленіе, можно было добыть пеньки не болѣе 27 пудовъ въ годъ, а для 1500 сажень необходимыхъ тенетъ нужно 525 пудовъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію управленія, тенета можно было изготовить только въ 20 лѣтъ. Затѣмъ, по недостатку про- сѣкъ и дорогъ, этотъ способъ вообще признавался не примѣнимымъ. Мѣстное управленіе поэтому настаивало на необходимости отстрѣла, ограничивъ его промежуткомъ между 1-мъ и 20-мъ сентября, „когда прибылые ходятъ вмѣстѣ съ матерями и когда, слѣдовательно, волковъ

можно истребить больше всего“; кромѣ того, предпо- лагалось охотиться недѣли двѣ въ теченіе января. От- стрѣлъ волковъ, по мнѣнію управленія, не могъ быть опаснымъ для остальной ди- чи, какъ полагалъ губерна- торъ, такъ какъ въ томъ раіо- нѣ, въ которомъ волки бро- дятъ стаями, остальные звѣри не держатся.

Особенно много вол- ковъ расплодилось въ 1827 году, о чемъ можно судить по тому, что изъ Пуши рѣши- лись донести сразу о 4-хъ зарѣзанныхъ зубрахъ, при томъ не зимою, когда, какъ

Волкъ надъ зарѣзаннымъ
теленкомъ.
Моментальная фотографія
съ натуры
А. Далиатова.

извѣстно, волки особенно дерзки, а весною, въ апрѣлѣ. Въ донесеніяхъ описывалось даже, что удавалось видѣть, какъ стаи волковъ преслѣ- дуютъ цѣлыя зубровыя стада ⁷⁸).

Весьма интересно донесеніе 1829 года о томъ, что у мѣстныхъ жителей волками зарѣзано: 18 лошадей, 30 воловъ, 101 корова, 70 телятъ, 128 свиней, 344 овцы и 121 гусь; вообще волки стали бѣдствіемъ всего округа. Губернаторъ въ это время измѣнилъ свой взглядъ на ловлю волковъ тенетами; онъ также настаивалъ на разрѣшеніи стрѣлять волковъ, при томъ круглый годъ, совѣтуя выдавать преміи за каждого убитого волка и въ особенности за уничтоженіе волчьяго гнѣзда, какъ это дѣлалось по сосѣдству, въ Пруссіи. Въ средѣ министерства эта мѣра встрѣтила въ комъ-то сочувствіе, и на докладѣ губернатора была даже сдѣлана помѣтка—„это хорошо“;—тѣмъ не менѣе се не привели въ

исполненіе. Возникъ вопросъ о томъ, что нельзя ограничить выдачу премій раіономъ Пуши, потому что тогда всѣхъ волковъ, убитыхъ въ губерніи, свезутъ туда, если же распространить систему премій на всю губернію, то необходимо идти еще далѣе и распространить ее на всю Россію. Волки причиняли не мало вреда вездѣ, и борьба съ ними, по мнѣнію администраціи, была дѣломъ тѣхъ, кто отъ нихъ непосредственно терпѣлъ, а не правительства. Въ концѣ-концовъ, департаментъ разрѣшилъ отстрѣль волковъ два раза въ годъ, въ теченіе двухъ недѣль осенью и зимою, да и то только лѣсной стражѣ подъ наблюденіемъ окружнаго лѣсничаго.

Въ двадцатыхъ годахъ баронъ де-Бринкенъ, занимавшій въ концѣ польскаго управленія постъ завѣдующаго королевскими лѣсами, пріѣзжалъ два раза въ Пушу для того, чтобы ознакомиться на мѣстѣ съ жизнью зубра и оставилъ намъ очень интересное описаніе этого животнаго, которымъ всѣ пишущіе о зубрѣ пользуются до сихъ поръ.— Въ заключеніе, говоря о двадцатыхъ годахъ, нельзя не упомянуть еще о двухъ, хотя не очень важныхъ, фактахъ. Принцъ Виртембергскій, возвращаясь изъ Петербурга черезъ Гродно, заглянулъ въ Пушу въ 1825 г. специально для того, чтобы увидать зубровъ. Къ пріѣзду принца собрали до 1000 крестьянъ и устроили грандіозную облаву въ урочищѣ „Дѣдовъ уголь“; въ этомъ углу принцу показали цѣлое зубровое стадо, головъ около 12. Стрѣлялъ ли принцъ, или же только любовался дикими звѣрями, мы не знаемъ ⁷⁹).

Другимъ событіемъ было разыскиваніе клада въ урочищѣ „Замчи-ско“. Наименованіе этого урочища навело на мысль одного помѣщика о существованіи когда-то здѣсь замка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и клада. Сначала помѣщикъ копалъ одинъ, безъ посторонней помощи, но, остерегаясь быть замѣченнымъ, обратился къ тогдашнему губернатору Бобатынскому и убѣдилъ его предпринять поиски. Въ результатѣ поисковъ вмѣсто клада нашли гроба, напавъ на старое языческое кладбище. Въ каждомъ гробу, подъ черепомъ, находился глиняный сосудъ-слезникъ, въ который друзья и родственники лили свои слезы по покойнику ⁸⁰).

Н. Самокишъ

лѣдующее десятилѣтіе,
30-ые года, были для Пу-
щи особенно тяжелыми.

Пуца опять, какъ и въ двѣнадцатомъ году, была потревожена вой-
ной. Польское возстаніе 1830 и 1831 года, хотя и задѣло Пуцу
только косвенно, такъ какъ Гродненская губернія была не вполнѣ
польская и стояла нѣсколько поодаль отъ главныхъ дѣйствій по-
встанцевъ; но хуже всего было то, что весь служебный персоналъ
Пущи и крестьяне присоединились къ возстанію. Оберъ-форстмейстеръ
Ронко, родомъ швейцарецъ, но другъ поляковъ, вступилъ въ заго-
воръ и увлекъ за собою всѣхъ лѣсниковъ, стрѣлковъ, осочниковъ и
прочихъ служащихъ. Пуца обратилась въ пристанище, въ которомъ
укрывались шайки, и эта нерегулярная армія, не знавшая дисциплины,
истребляла дичь и зубровъ самымъ беспощаднымъ образомъ. Для

мѣстныхъ крестьянъ охота сдѣлалась обычнымъ занятіемъ, и зубрятина еще долго послѣ возстанія не переводилась въ крестьянскомъ обиходѣ.

Главное начальство надъ русскими войсками въ томъ округѣ принадлежало генералу Розену, находившемуся въ Брестѣ. Когда до Розена дошли свѣдѣнія о томъ, что творилось въ Пуцѣ, и что главные польскіе отряды сосредоточились въ восточной части ея, въ урочищѣ Криница, онъ послалъ туда подполковника Горскаго съ 2-мя эскадронами Волынскихъ уланъ, а вслѣдъ за нимъ подполковника Сарабію съ 3-мя ротами, однимъ орудіемъ и 14-тью казаками. Сарабія прибылъ 4-го мая въ Бѣловѣжъ, который нашелъ покинутымъ жителями, и, узнавъ здѣсь, что инсургенты назначили сборнымъ пунктомъ Королѣву Альтану, двинулся туда, выгнать ихъ изъ этого убѣжища и овладѣть лагеремъ, въ которомъ были сосредоточены большіе запасы водки, пороха и оружія. Тѣмъ временемъ поляки подстерегли на берегахъ рѣчки Гвозны нашъ транспортъ въ 418 телѣгъ, подъ прикрытіемъ 53 человекъ. Изъ конвоя спаслось всего 28 людей, и весь транспортъ былъ захваченъ. Послѣ этого случая Сарабія призналъ небезопаснымъ для своего маленькаго отряда дальнѣйшее пребываніе въ лѣсу и вышелъ на югъ къ Дмитровичамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Розенъ, получивъ болѣе правильныя донесенія о силахъ повстанцевъ, послалъ на подкрѣпленіе Сарабія и Горскаго Житомирскій полкъ, полуэскадронъ Волынскихъ уланъ и два орудія подъ командою генерала Линдена, приказавъ послѣднему очистить лѣсъ и возстановитъ безопасное сообщеніе между Брестомъ и Гродно.—Линденъ проникъ въ глубь Пуци и затѣмъ, неожиданно для себя, столкнулся съ регулярною кавалеріею Хлоповскаго, шедшей изъ Бѣльска. Столкновение произошло 11-го мая, около 5-ти часовъ пополудни, въ селеніи Гайновкѣ; наблюдательный же постъ Линдена изъ 100 человекъ былъ расположенъ на дорогѣ изъ Гайновки въ Наревку, и потому Линденъ не могъ быть предувѣдомленъ о надвигавшихся уланахъ Хлоповскаго. Карьеромъ пронеслись уланы по деревнѣ, поражая совершенно неподготовленныхъ житомирцевъ; началось бѣгство, и Линденъ, собравъ остатки своего полка позади деревни, отступилъ къ лѣсу, потерявъ при этомъ одно орудіе. Придя въ Бѣловѣжъ, Линденъ соединился съ отрядами Горскаго и Сарабія.

Наблюдательный постъ, оставшійся отрѣзаннымъ отъ главныхъ силъ, послѣ упорнаго сопротивленія вынужденъ былъ положить оружіе. Къ отряду Хлоповскаго въ Пуцѣ присоединились егеря, осочники и между прочимъ, съ нѣсколькими сотнями повстанцевъ польскій сенаторъ отставной генералъ Тадеушъ Тышкевичъ, владѣтель Сви-слочской дачи. — За участіе въ возстаніи Тышкевичъ лишился своей

дачи, которая и была конфискована и присоединена къ Бѣловѣжской Пушчѣ.—Послѣ неудачи Линдена, Розень повелъ дѣло энергичнѣе и поручилъ генералъ-лейтенанту Головину проникнуть въ Пущу съ различныхъ сторонъ, чтобы произвести одновременную общую облаву.

Съ запада въ Пущу вошелъ Головинъ съ 5-тью баталіонами, 3-мя эскадронами и 4-мя орудіями, двигаясь изъ Шестакова чрезъ Опоку, Дубины и Наревку на Рудню, гдѣ, какъ было извѣстно, мятежники сосредоточили свои главныя силы. Съ юга шелъ генералъ Фези съ 2-мя баталіонами и 2-мя орудіями, имѣя приказаніе наступать изъ Каменца чрезъ Королѣвъ Мостъ къ Бѣловѣжу. Съ востока двинулся генералъ Линденъ съ однимъ баталіономъ, 2½ эскадронами и 2-мя орудіями, направляясь изъ Шерешева также къ Руднѣ и въ то же время наблюдая за дорогою изъ Бакунь въ Новый Дворъ, по которой мятежники, тѣснимые Головинымъ, могли броситься въ лѣса между Рушаню и Сѣдлецомъ. 6-го іюня одновременно выступили всѣ 3 колонны, и въ тотъ же день генералъ Фези разсѣялъ отрядъ мятежниковъ близъ южнаго входа въ лѣсъ у селенія Соломянки, захвативъ весь лагерь и обозъ. На слѣдующій день Головинъ атаковалъ въ сѣверной части лѣса близъ Свѣтлиши еще большій отрядъ, который, послѣ сильнаго сопротивленія, отступивъ, наткнулся на авангардъ колонны Линдена и тутъ былъ окончательно разбитъ. Болотистая почва и густота лѣса весьма затрудняли преслѣдованіе и отыскиваніе непріятеля, но, тѣмъ не менѣе, движеніе русскихъ войскъ продолжалось неуклонно; 8-го, 9-го и 10-го іюня соединенныя колонны Головина и Линдена прошли лѣсъ въ направленіи между Наревомъ и Пружанскою дорогою и окончательно разсѣяли мятежниковъ, которымъ пришлось укрываться по одиночкѣ или небольшими группами въ самой глухой чащѣ. Лагери, запасы оружія и съѣстныхъ припасовъ, все это было захвачено нашими войсками. Большія дороги были, наконецъ, очищены, и для спокойствія на нѣкоторое время въ центрѣ Пущи, въ Бѣловѣжѣ, оставили сильный отрядъ, который укрѣпился здѣсь, насыпавъ батарею для 6 орудій на томъ холмѣ, гдѣ въ настоящее время возвышается Императорскій дворецъ Александра III.

Въ теченіе мѣсяца все оставалось спокойнымъ въ Пушчѣ. Только въ іюлѣ летучій польскій отрядъ подъ предводительствомъ Рожицкаго, переправившись у Дрогичина чрезъ Бугъ, вошелъ не на долго въ Пущу, откуда перебрался далѣе къ Пинскимъ болотамъ. Въ Пушчѣ нашъ сторожевой отрядъ прозѣвалъ Рожицкаго; впрочемъ, въ это время возстаніе уже совершенно затихало ⁸¹⁾.

По усмиреніи возстанія, прежніе служащіе, принимавшіе участіе въ безпорядкахъ, конечно, не вернулись на мѣста.

Начались слѣдствіе, судъ, спѣшно набирались новые служащіе, и въ число ихъ въ такое время, понятно, попадали люди совершенно не подготовленные. Общій безпорядокъ въ краѣ прекратился, но безпорядокъ въ Пущѣ продолжался еще очень долго. Не успѣли опомниться отъ возстанія, какъ вспыхнулъ новый лѣсной пожаръ, угрожавшій принять размѣры пожара одиннадцатаго года, но, по счастію, бѣдствіе ограничилось истребленіемъ лишь двухъ урочищъ.

Только въ самомъ концѣ 30-хъ годовъ жизнь въ Пущѣ вошла въ колею. Туда стали наѣзжать командированные изъ Петербурга ревизоры и чины департамента корабельныхъ лѣсовъ для ближайшаго ознакомленія съ общимъ состояніемъ лѣса. Въ Пущѣ оказался богатѣйшій запасъ мачтовыхъ деревьевъ, поражавшихъ своими размѣрами корабельныхъ техниковъ. Дубы встрѣчались 44-хъ дюймовъ въ комлѣ и до 10 сажень вышиною до сучьевъ. Окончательно пріостановленная въ 20-хъ годахъ рубка лѣса, возобновилась теперь съ новою энергіею; рубили сплошь участками и на выборъ. Въ Пушу собрали 3.000 рабочихъ и, пока хозяйничали въ одной части лѣса, въ другой предоставляли жить зубрамъ, при этомъ морское вѣдомство оказывалось очень требовательнымъ въ пріемѣ срубленныхъ для него деревьевъ. Случалось, что изъ 1.000 деревъ принимали только нѣсколько десятковъ, а остальные дѣвались неизвѣстно куда. Въ 1838 г. вырубилъ для морского вѣдомства около 3.000 особенно крупныхъ дубовъ и сосенъ, но и изъ нихъ забраковали болѣе 800 штукъ. Вмѣшательство въ хозяйство Пуши посторонняго вѣдомства не особенно нравилось департаменту госуд. имуществъ, и ставшій во главѣ образованнаго вскорѣ министерства госуд. имуществъ графъ Киселевъ исходатайствовалъ даже Высочайшее повелѣніе, по которому для нуждъ флота отдѣлили часть Пуши—Гайновскую рощу, заклеивъ въ ней полезныя для флота деревья⁸²). Столкновеніе различныхъ вѣдомствъ породило даже слухъ, что весь прусскій деревянный флотъ построенъ изъ Бѣловѣжскаго лѣса. Безъ сомнѣнія, всякихъ злоупотребленій было не мало.

Послѣ всѣхъ этихъ столкновеній, въ сороковыхъ годахъ Пущѣ дали, наконецъ, правильное лѣсоустройство.

По промѣркѣ въ 1842 году въ Пущѣ оказалось: 87.969 десятинъ подъ лѣсомъ, 16.138 десятинъ подъ разными угодьями: пашней, сѣнокосомъ, поселками, и 7.972 десятины неудобной земли. Сверхъ того, исключенныхъ изъ завѣдыванія пушинскаго начальства 5.512 десятинъ, составлявшихъ казенныя арендныя статьи.

Лѣсные офицеры, прибывшіе въ Пушу, нашли общее состояніе лѣса весьма неудовлетворительнымъ. При массѣ сухостойныхъ, пере-

стойныхъ и попорченныхъ добычею смолы и ульями, старыхъ большихъ деревь, всего до 300.000 шт., молодой лѣсъ заглушался сучьями и валежникомъ отъ прежнихъ рубокъ. Уборка всего этого матеріала, хотя и предписывалась начальствомъ, но, за недостаткомъ сплавныхъ рѣкъ и при отсутствіи просѣкъ,—исполнена быть не могла.

Пушинскій лѣсъ состоялъ тогда, главнымъ образомъ, изъ сосны; она занимала $\frac{2}{3}$ общаго лѣсного пространства, подъ елью находилось— $\frac{1}{3}$, подъ дубомъ— $\frac{1}{30}$, все остальное было покрыто различными лиственными и отчасти хвойными породами. Для того, чтобы установить порядокъ въ будущемъ лѣсномъ хозяйствѣ, Пушу разбили на 541 двухъ-верстныхъ кварталовъ, а Свислочскую дачу на 125. Кварталы раздѣлялись просѣками.

Рубка просѣкъ продолжалась 5 лѣтъ, по прошествіи которыхъ предполагалось установить общій 180-ти-лѣтній оборотъ для сосны и 90-лѣтній для остальныхъ породъ. Въ отношеніи надзора за лѣснымъ хозяйствомъ, Пушу раздѣлили на 5 лѣсничествъ: Бѣловѣжское, Бровское, Гайновское, Столповисское и Околицкое, подчиненныя офицерамъ лѣсного вѣдомства. Каждое лѣсничество, въ свою очередь, дѣлилось на два объѣзда и 12 обходовъ. Коннымъ объѣздчикамъ подчинялось 77 стрѣлковъ, поселенныхъ съ семействами на границахъ дачи; число осочниковъ уменьшили съ 114 до 73 и нѣкоторыхъ изъ нихъ обратили въ государственныхъ крестьянъ⁸⁸). Съ новымъ устройствомъ жизнь для всѣхъ потекла самая привольная. Избытокъ земли и досуга позволялъ обзаводиться садами, огородами, домашнимъ скотомъ, пчельниками, и потому для каждаго служащаго выселеніе изъ Пуши было высшимъ наказаніемъ. Стрѣлокъ имѣлъ форму, хорошую верховую лошадь, сѣдло и казенное ружье, а сверхъ того и собственныя ружья водились у каждаго. Всѣ они были отличныя стрѣлки и втихомолку занимались безцеремоннымъ браконьерствомъ.

Въ сороковыхъ годахъ, въ Пушу часто навѣдывались туристы, интересовавшіеся зубрами, но каждое такое посѣщеніе было сопряжено съ очень большими хлопотами и расходами. Приходилось устраивать облавы, привлекая сотни людей; въ 40-мъ году зубровъ показывали четырнадцать разъ и можно судить, чего это стоило. Еще большіе расходы вызывали облавы для отстрѣла старыхъ зубровъ, не годныхъ быть производителями; для этихъ облавъ собирали до 2-хъ тысячъ крестьянъ.

Находя такіе порядки неправильными, одинъ изъ завѣдывавшихъ лѣсничествами, поручикъ Чередѣевъ, выступилъ съ проектомъ устройства въ Пушѣ постоянного звѣринца, намѣтивъ для него урочище „Теремисскій огородъ“. Чередѣевъ предполагалъ оградить 30 десятинъ вы-

сокимъ заборомъ и поселить тамъ 3 пары зубровъ, 4 пары козъ и нѣсколько оленей. Загражденіе было исчислено всего въ суммѣ 950 рублей и должно было служить, какъ для любознательныхъ туристовъ, прїѣзжавшихъ глядѣть зубровъ, такъ и для того, чтобы вблизи изучить жизнь звѣря. Сначала проектъ былъ встрѣченъ общимъ сочувствіемъ и исполненіе его замедлилось только устройствомъ егерскаго училища; но учебное заведеніе открыли, хотя и не въ предѣлахъ Пуши, а проектъ Чередѣева остался на бумагѣ, потому что высшее мѣстное управленіе высказалось противъ полезности звѣринца, остерегая министерство отъ излишнихъ расходовъ⁸⁴).

Слѣдующее десятилѣтіе ознаменовалось различными мѣропріятіями по лѣсному хозяйству. Давнишнія наблюденія надъ зубровыми стадами показывали, что они предпочтительно держатся одного района, площадью до 70.000 дес., въ которомъ сосредоточивались ихъ любимыя стоянки—„жиры“. Въ другомъ, меньшемъ районѣ, зубры попадались рѣдко. Въ виду этого, рѣшили разгородить Пушу на двѣ части, и во внѣзубровой вести болѣе интенсивное хозяйство, въ зубровой же, чтобы не тревожить звѣрей, придерживаться выборочной системы. Зубровый районъ занималъ внутреннюю часть Пуши и, кромѣ того, въ серединѣ его находились село Бѣловѣжъ и нѣсколько другихъ деревень; поэтому районы пришлось отгородить двумя заборами, внутреннимъ, со стороны селеній, для прегражденія доступа крестьянскимъ стадамъ, и внѣшнимъ, отдѣлявшимъ зубровый поясъ, охватывавшій Бѣловѣжъ, отъ пограничныхъ частей Пуши. — Заборъ состоялъ изъ высокихъ жердей, вбитыхъ попарно на разстояніи нѣсколькихъ сажень, съ попережинами, прикрученными лыкомъ, и, конечно, служилъ только демаркаціонной линіею, а не защитой или препятствіемъ звѣрямъ. Мелкій звѣрь свободно проскакивалъ всюду, а зубры и кабаны безъ усилій разрушали заборъ, гдѣ хотѣли. Оба района, съ теченіемъ времени, представляли совершенно различную картину. Въ зубровомъ рубокъ производилось мало, сучья и валежники не убирались вовсе, поэтому онъ былъ очень засоренъ и мѣстами даже непроходимъ. Во внѣзубровомъ—было значительно чище, такъ какъ отсюда производился усиленный отпускъ лѣса, въ особенности всякихъ остатковъ отъ рубокъ. Самымъ расчищеннымъ былъ лѣсъ, прилегавшій къ крестьянскимъ поселкамъ. Заборы оказались бесполезными, ихъ не возобновляли и не снимали; а предоставляли времени разрушать ихъ. Теперь только кой-гдѣ виднѣются сгнившіе остатки жердей. Вскорѣ послѣ установки забора министерство, вѣроятно, не находя способовъ вести съ выгодною лѣсное хозяйство, прибѣгло къ посторонней помощи. Благодѣтелемъ явилась берлинская фирма Бутенгагенъ въ лицѣ купца Зигмунда. По контракту

съ казною, Зигмунду предоставлялось выбрать по своему усмотрѣнію изъ цѣлой Пуши 60.000 крупныхъ сосновыхъ деревьевъ, попорченныхъ у основанія чѣмъ-либо. Операціями Зигмунда не всѣ въ Пушѣ остались довольны, и въ министерство посыпались доносы, для разслѣдованія которыхъ присылались цѣлыя комиссіи. Дѣло приняло настоль острый характеръ, что у Зигмунда секвестровали даже цѣлую партію лѣса, заготовленнаго для сплава, но все окончилось тѣмъ, что нѣмецкой фирмѣ, для пополненія расходовъ, понесенныхъ ею на улучшеніе сплавныхъ путей, сверхъ контрактнаго количества, должны были отпустить еще 10.000 деревъ. Въ концѣ концовъ вся Пуша сильно порѣдѣла крупнымъ лѣсомъ. —

ъ общемъ, какъ мы видѣли, со времени перехода Пушчи въ русское владѣніе, ее весьма рѣдко посѣщали съ охотничьими цѣлями; изъ Высочайшихъ же особъ 70 лѣтъ подъ рядъ, до Александра II (1860), здѣсь не охотился никто. Это охлажденіе къ Пушчѣ со стороны ея Августѣйшихъ хозяевъ естественно отразилось на состояніи охоты. Въ то время, какъ на Западѣ, въ заповѣдныхъ угодьяхъ уже давно велось раціональное хозяйство, съ точнымъ подсчетомъ звѣрей по породамъ, съ соблюденіемъ необходимой пропорціи половъ и особымъ надзоромъ за количествомъ корма, въ Пушчѣ не дѣлалось ничего. Даже зубру, на которомъ, еще по распоряженію Александра I-го, должно было быть сосредоточено особое вниманіе, жилось настолько плохо, что уже предполагали близость его исчезновенія. Последнимъ обстоятельствомъ, вѣроятно, и объясняются тѣ частыя просьбы о присылкѣ шкуры или

Н. Самокишъ

скелета, которыя сыпались со всѣхъ сторонъ. Особенно сочувственно относился къ такимъ просьбамъ Государь Николай Павловичъ. Онъ не только никогда не отказывалъ музеямъ, ученымъ обществамъ и университетамъ въ присылкѣ шкуръ и скелетовъ, но даже разрѣшалъ охоту нѣкоторымъ частнымъ лицамъ.

Въ 1823 году фюрстмейстеръ Коссъ выловилъ зубра для купетка-

Гр. Киселевъ на охотѣ
въ Пушѣ въ 1847 г.
Фотографія съ картины,
принадлежавшей
Д. Далматову.

меры Академіи Наукъ. Въ 1829 г. въ Пушѣ охотился профессоръ Варшавскаго университета Яроцкій, оставившій весьма интересное и подробное описаніе своей охоты. Въ 1838 г. охотился генералъ Оффенбергъ. Въ 1847 г.—министръ государственныхъ имуществъ графъ Киселевъ, въ 1853 г.—графъ Михаилъ Тышкевичъ, въ 1858 г. дозволено было убить четырехъ старыхъ зубровъ повѣренному въ дѣлахъ прусскаго посоль-

ства барону Вертернъ. Въ 1859 г. повѣренный въ дѣлахъ французскаго посольства маркизъ Шоторенаръ убилъ одного зубра. Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ охоты производились съ цѣлью обогатить тотъ или иной музей. Кромѣ того и лѣсничимъ нерѣдко поручалось для той же цѣли отстрѣливать зубровъ.

Приготовленія къ знаменитой охотѣ Императора Александра II-го, какъ увидимъ далѣе, наглядно обнаружили, въ какое состояніе пришло богатѣйшее царское угодье. Впрочемъ, по справедливости, нельзя умолчать о нѣкоторыхъ, къ сожалѣнію неудавшихся, попыткахъ мѣстныхъ служащихъ обратить вниманіе высшей администраціи на печальное состояніе охоты въ Пушѣ. Къ числу такихъ попытокъ слѣдуетъ отнести мемуары Бринкена, относящіеся къ 1828 году, въ которыхъ онъ подробно излагаетъ, какъ слѣдовало бы охранять зубра и дичь.

Черезъ десять лѣтъ послѣ Бринкена, въ 1838 году, бывшій форстмейстеръ Коссъ, съ откровенностью человѣка состоящаго въ отставкѣ, высказалъ министерству свои соображенія о причинахъ вымирания зубра и, между прочимъ, давалъ глубоко разумный совѣтъ: раздѣлить административный персоналъ Пуши на лѣсной и специально охотничій. Въ 40-хъ годахъ ученый лѣсничій Далматовъ, хорошо изучившій Пушу за время своей службы въ ней, представилъ въ министерство подробное и всестороннее описаніе ея вмѣстѣ съ проектомъ доходнаго лѣсного хозяйства. Но всѣ эти голоса, равно какъ и голосъ ранѣе упомянутаго Чередѣева, не нашли отклика. Для полноты очерка упомянемъ о сохранившихся въ старыхъ дѣлахъ указанія на то, что и со стороны чиновъ министерства проявлялась инициатива въ дѣлѣ охраненія зубровой колоніи. Въ 1843 г. директоръ департамента Клоковъ, послѣ объѣзда казенныхъ лѣсовъ Гродненской губ., возбудилъ вопросъ о разведеніи травъ, которыми предпочтительно питается зубръ. Въ Петербургъ доставили изъ Пуши 4 сорта такихъ травъ, но какихъ, въ дѣлѣ не упомянуто, и ученый комитетъ при министерствѣ предложилъ засѣвать этими травами пустопорожнія поляны. По прошествіи двухъ лѣтъ поступило донесеніе, что посѣвы не удались, но что бѣды въ этомъ нѣтъ, такъ какъ зубръ питается всякими травами.

Любопытно бы знать, находилась ли въ числѣ привезенныхъ травъ общезвѣстная зубровка, произрастаніемъ которой въ Пушѣ ошибочно объясняли сохраненіе зубровъ только въ этой мѣстности.

Прежде, чѣмъ говорить объ охотѣ Императора Александра II-го, остановимся еще разъ на обзорѣ Бѣловѣжскаго лѣса съ точки зрѣнія жилища и источника корма звѣрей и дичи. Общая площадь Пуши, вмѣстѣ съ отошедшею къ ней въ 30-хъ годахъ Свислочскою дачею, опредѣлялась, одинаково какъ ■ теперь, въ 114.992 десятины. На этомъ

пространствѣ имѣлись налицо все лѣсныя породы, какія только можно было встрѣтить въ западной Россіи, отъ вѣкового дуба и сосны до мелкихъ кустарниковъ бузины и малины включительно.

Преобладающее мѣсто занимала сосна. На значительныхъ пространствахъ она встрѣчалась въ чистомъ видѣ, мѣстами же въ смѣси съ лиственными породами и елью. Сплошныхъ раіоновъ спѣлыхъ сосенъ не имѣлось, хотя спѣлыя и переспѣлыя, т. е. перестойныя деревья, попадались вездѣ, то группами, то по-одиночкѣ между средне-возрастнымъ и молодымъ лѣсомъ. Слѣдующее мѣсто за сосною занимала ель, которая встрѣчалась преимущественно въ смѣси съ лиственнымъ лѣсомъ и сосною. Изъ лиственныхъ породъ имѣлись: дубъ, береза, липа, грабъ, ясень, ольха, кленъ, осина, вязъ и пр. Все они занимали около 35% общей площади, въ томъ числѣ наиболѣе цѣнный для охотничьяго угодыя дубъ—занималъ 4%. Преобладающій возрастъ дуба былъ спѣлый и переспѣлый, дававшій въ то время массу жолудей.

Охотникъ знаетъ, какое важное условіе представляетъ разнохарактерный лѣсъ, въ которомъ звѣрь, смотря по времени года, находитъ необходимое ему разнообразіе пищи. Къ сожалѣнію, при обиліи породъ, Бѣловѣжскій лѣсъ уже и тогда былъ бѣденъ молодою порослью. Съ точки зрѣнія жилища, разнообразіе породъ лѣса одинаково необходимо.

Итакъ, повидимому, въ Пущѣ имѣлись все необходимыя условія для жизни звѣря, а между тѣмъ, его съ каждымъ годомъ становилось все меньше и меньше. Мѣстная администрація знала въ чемъ дѣло. Отъ нея не укрывалось, что большинству породъ звѣрей и дичи, въ особенности зубру, было недостаточно лѣса, а нужны были еще луга съ ихъ сочными, жирными травами; между тѣмъ, все лучшія прирѣчныя земли и лѣсныя поляны отошли на кормъ домашняго скота. Захватъ этихъ земель начался съ очень давнихъ поръ. Сначала въ Пущѣ самовольно селились крестьяне, привлекаемые сюда обиліемъ лѣса, рыбы, дичи и корма для скота. Позднѣе, въ постоянное сельское населеніе обратились стрѣлки, осочники, будняки и прочіе, которымъ за службу отдавали въ пользованіе пущинскія земли.

Уступка прирѣчныхъ земель, несмотря на то, что на нихъ не позволялось устраивать поселковъ, тѣмъ не менѣе, лишала звѣря свободного доступа къ водопою, въ особенности въ періодъ уборки сѣна. По манифесту 19-го февраля свыше 12.000 десятинъ такой земли перешло въ собственность крестьянъ на правѣ выкупа.

Въ прежнія времена звѣрь только зимою поддерживался молодыми побѣгами, а теперь онъ оставался на сухоядѣннѣ круглый годъ. На бѣду, въ теченіе сказанныхъ 70-ти лѣтъ системы лѣснаго хозяйства безпрерывно мѣнялись. Отъ сплошныхъ рубокъ участками переходили

ЗУБРЫ, ОКРУЖЕННЫЕ ВОЛКАМИ. — Оригинальный рисунок А. С. Хрянова.

къ выборочнымъ и къ полному запрещенію всякихъ рубокъ. Въ періодъ сплошныхъ рубокъ недостатокъ лугового корма возмѣщался до нѣкоторой степени обиліемъ молодой поросли и вѣтвей, остававшихся на мѣстахъ рубокъ, но при выборочныхъ рубкахъ и полномъ запрещеніи наступала такая безкормица, отъ которой звѣрю приходилось только бѣжать. Оставался одинъ зубръ, привычный къ мѣсту и прикармливаемый, отчасти, зимою, но и ему приходилось систематически голодать.

Параллельно съ сокращеніемъ кормовъ давнишнее зло—браконьерство достигло такихъ размѣровъ, что на него уже перестали обращать вниманіе. Лось и коза выбивались начисто, не взирая на полть, возрастъ и время года. На лося еще со временъ польскихъ королей сохранилась промышленная охота на вабку какъ быковъ, такъ и коровъ, и среди бѣловѣжскихъ лѣсничихъ до 50-хъ годовъ встрѣчались еще отличные вабелщики, хорошо знавшіе привычки звѣря. Охотясь этимъ способомъ и не жалѣя самокъ, лося выбили совершенно. Вообще главными браконьерами являлись сами охранители лѣса. Нарушая законъ, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могли не смотрѣть сквозь пальцы и на браконьерство мѣстныхъ жителей. Битую дичь на глазахъ у всѣхъ вывозили на продажу въ Вильну и даже въ Варшаву. Обо всемъ этомъ, когда времена перемѣнились, откровенно рассказывали пущинскіе служащіе, здравствующие и понынѣ. Здѣсь умѣстно будетъ сказать, что браконьерство и по закону было слабо наказуемо. За зубра налагался штрафъ отъ 50 до 150 рублей, а позднѣе, со введеніемъ мировыхъ учрежденій, наказаніе свелось къ штрафу въ 25 рублей, но, по счастью, про слабость закона знали немногіе, и это незнаніе закона спасало зубра. Большинству казалось, что за зубра, которымъ интересовался самъ Государь и ради котораго охранялась цѣлая огромная Пуща, налагается какое-нибудь особенно суровое наказаніе; даже Брамъ былъ увѣренъ, что за зубра взыскиваютъ страшную пеню и ссылаютъ на поселеніе. Одинъ иностранецъ, поинтересовавшійся узнать, чѣмъ отвѣчаютъ за убитаго самовольно зубра, не безъ ироніи замѣтилъ, что при такихъ условіяхъ не безвыгодно было бы вносить штрафъ впередъ, отправляясь на охоту въ Пущу. За голову зубра давали въ то время за границей до 500 рублей; мясо и шкура имѣли свою цѣну.

Не малое зло Пущѣ приносили также хищники и въ особенности волки. Борьбѣ съ ними не умѣли и не старались, поэтому волковъ развелось такое множество, что они нерѣдко нападали и на зубровыя стада. Охотясь за зубрами, волки держались своей обычной тактики нападенія цѣлою стаею на одного. Подкрадываясь къ стаду, волки стараются произвести нападеніе, прежде нежели зубры успѣютъ стянуться въ кучу, и, намѣтивъ жертву, бросаются массою, чтобы отрѣзать ее отъ остальныхъ. Оставшись одинъ, окруженный волками, зубръ бѣжитъ

до тѣхъ поръ, пока не изнеможетъ и, конечно, погибаетъ въ неравной борьбѣ. Умные хищники старались, при преслѣдованіи, загнать зубра на ледъ, гдѣ звѣрь скоро падалъ, не будучи въ состояніи защищаться. Съ телятами расправа была еще короче. Случалось не рѣдко, что волки нападали даже на старыхъ одиноцовъ, окружали ихъ и безчисленными хватками доводили до полного изнеможенія. Пока зубръ отбивался отъ тѣхъ, которые лѣзли подъ морду, другіе дѣйствовали сзади. Кромѣ волковъ, изъ породы хищниковъ водились: рысь, барсукъ, лисица, выдра,

Оригинальный рисунокъ
Зичи.

хорекъ, куница и ласка. Медвѣдя, котораго когда-то было очень много, дѣятельно истребляла лѣсная стража, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ опасенъ для всей дичи и въ особенности зубрамъ. Въ истребленіи медвѣдя лѣсной стражѣ усердно помогали браконьеры, пришлые со стороны, потому что шкура его всегда имѣла цѣну. Случаи нападенія медвѣдей на зубровъ, дѣйствительно, бывали, хотя зубры умѣли постоять за себя, въ особенности стадомъ. Способъ нападенія медвѣдя на зубра, вѣроятно, былъ тотъ же, какъ на всякое другое крупное животное.

Онъ старается примоститься на загривкѣ, откуда его нельзя достать, и, перегрызая шею, ломаетъ жертву своими сильными лапами. Если бы, въ свою очередь, зубръ, защищаясь, могъ ударить медвѣдя остриемъ рога, то, конечно, сразу бы его прикончилъ; но зубрамъ это почти не удается, удары обыкновенно наносятся закругленною поверхностью рога, иначе, при постоянныхъ нападеніяхъ старыхъ быковъ на молодыхъ, зубры давно перебили бы другъ друга. Въ 1844 г. огромный медвѣдь подкараулилъ одиноца, и тотъ, не видя спасенія, вступилъ въ поединокъ, происходившій у дороги изъ Бѣловѣжа въ Рудню. Случайные очевидцы рассказывали, что борцы на сто сажень кругомъ поломали деревья и вытоптали кустарникъ. Израненный зубръ не разъ подымалъ медвѣдя на рога, пока тотъ, въ концѣ-концовъ, не загрызъ его до смерти.

Къ 60-мъ годамъ медвѣдя почти уже не было въ Пущѣ и при охотахъ Императора Александра II о немъ не было рѣчи; но позднѣе, съ 1873 по 1878 гг. встрѣчались единичные случаи нападенія медвѣдей на зубровъ, и послѣдніе три медвѣдя убиты въ Пущѣ именно въ этотъ пятилѣтній періодъ.

Сравнительно хорошо жилось въ Пущѣ пернатымъ, такъ какъ все вниманіе браконьеровъ поглощалось болѣе прибыльною охотою на звѣря. Въ лѣсу водились: глухари, тетерева, рябчики, вальдшнепы, на пограничныхъ поляхъ встрѣчались сѣрые куропатки, по болотамъ—утки, дупеля, бекасы. Глухариные тока располагались тамъ же, гдѣ и теперь (см. кар. № 4), и въ концѣ іюля можно было отлично поохотиться изъ-подъ легавой на молодыхъ глухарей по окраинамъ большого болота Никоръ и на Переровѣ. По веснамъ тамъ былъ большой слетъ на тока, и лѣсничіе, любители этой охоты, сберегая тока, не допускали разбивать выводковъ въ этихъ мѣстахъ, а на тока слеталось столько, что на слуху всегда бывало до 10 штукъ. Тетерева водились преимущественно въ Королевскомъ лѣсничествѣ, по опушкамъ и въ мелколѣсьи, хотя и внутри Пуши—у Перерова, на Лѣснѣ и около Столповиска—ихъ всегда можно было встрѣтить. Рябчикъ не имѣлъ опредѣленныхъ мѣстъ и водился по всей Пущѣ въ большомъ количествѣ. Въ короткій сентябрьскій день изъ-подъ загонщиковъ на ружье брали до 15 штукъ. На манку рябчикъ шелъ также хорошо, въ особенности послѣ того, какъ самки сядутъ въ гнѣзда, но это продолжалось, обыкновенно, не долго, всего дня два. Вальдшнепа въ Пущѣ всегда было достаточно. Рассказывали намъ, напримѣръ, про одного лѣсничаго, приносившаго съ тяги въ хорошіе годы по 9 штукъ и никогда не возвращавшагося безъ двухъ паръ. Бывали случаи, когда вальдшнепъ гнѣздовалъ по два раза—въ маѣ и въ августѣ; въ концѣ 60-хъ годовъ

его стало убывать. Дупелиные тока всего чаще встрѣчались на границѣ Пуши, возлѣ селенія Хвойники, гдѣ дупель и гнѣздовалъ, а высылки преимущественно по Наревкѣ, до впаденія Гвоздни, и въ Подливковѣ.

Кромѣ перечисленныхъ полезныхъ птицъ, въ Пушѣ можно было встрѣтить бѣлаго аиста, изрѣдка даже и чернаго, журавлей, соекъ, дикихъ голубей, горлинокъ, сорокъ, орѣховокъ, совъ разныхъ породъ, ястребовъ и всевозможныхъ пѣвчихъ птицъ, знакомыхъ намъ по средней полосѣ Россіи.

Таково было въ общихъ чертахъ состояніе Пуши, въ которомъ ее засталъ Императоръ Александръ II, прибывшій въ 1860 году въ Бѣловѣжъ поохотиться на зубровъ; послѣднихъ числилось въ это время по вѣдомостямъ до 1.575 головъ. —

Охоту для Императора назначили сначала на сентябрь, но въ виду рожденія Великаго Князя Павла Александровича и тяжелаго болѣзненнаго состоянія Императрицы Александры Осодоровны, Государь не могъ покинуть Петербурга, и охоту пришлось отерочить до октября. Приготовленія къ охотѣ, которая обѣщала быть очень парадной, возложили на мѣстное управленіе государственными имуществами, непосредственное же наблюденіе за всѣмъ принялъ на себя товарищъ министра Зеленый, выѣхавшій заблаговременно въ Бѣловѣжъ въ сопровожденіи егермейстера графа Ферзена и художника Зичи.

Въ Пущѣ закипѣла работа. Чинили дороги, гати, наводили мосты, приводили въ порядокъ помѣщенія для приѣма гостей, но главною заботою было добыть звѣря. Въ селѣ Бѣловѣжѣ обратили въ охотничій павильонъ старинный домъ, поставленный еще въ 1845 году для начальника края. Казарменный типъ этой наиболѣе обширной постройки не позволялъ приспособить ее даже для временнаго помѣщенія Государя, почему для этой цѣли и былъ наскоро достроенъ небольшой домикъ, предназначавшійся сначала подъ квартиру мѣстному лѣсническому. Въ нѣсколько дней сложили печи, потолоки задрапировали матеріями, полы застлали коврами, и помѣщеніе приняло жилой, комфортабельный видъ. Для иностранныхъ принцевъ, приглашенныхъ на охоту, былъ выбранъ домъ нѣмецкаго купца Зигмунда, проживавшаго

въ Пушѣ для лѣсныхъ операцій по договору съ казною. Состоящимъ при принцахъ генераламъ и флигель-адъютантамъ отдѣлывали сельскія общественныя зданія.

Приготовленія къ самой охотѣ велись еще дѣятельнѣе. Три недѣли лѣсничій Штральборнъ и унтеръ-егермейстеръ Ивановъ съ 14-тью офицерами корпуса лѣсничихъ, 10-тью объѣздчиками, 90 стражниками изъ постоянной лѣсной стражи, 120-тью полѣсовщиками, со стрѣлками, осочниками и 2.000-ми крестьянъ, не выходя изъ Пуши, сгоняли зубровъ и все, что попадалось, не исключая зайцевъ, въ заранѣе огороженное тыномъ обширное лѣсное пространство, захватывавшее 550 десятинъ центральнаго урочища Грибовецъ. Одновременно съ загономъ, по всеѣмъ казеннымъ лѣсамъ Гродненской губерніи ловили звѣрей и въ клѣткахъ доставляли въ импровизованный для предстоящей охоты звѣринецъ. Внутри звѣринца отгородили заборомъ участокъ около двухъ квадратныхъ верстъ, въ которомъ должна была происходить самая охота; тамъ прорубили просѣку въ 300 сажень длиною и вдоль просѣки разставили штанды. Царскій штандъ помѣщался съ края. Другую большую часть огороженной площади раздѣлили заборомъ на нѣсколько отдѣльныхъ малыхъ звѣринцевъ, чтобы размѣстить въ нихъ звѣрей по породамъ, и отсюда, черезъ особые выходы, въ день охоты гнали плѣнниковъ на просѣку къ штандамъ.

Ко дню охоты удалось собрать: 117 зубровъ, 3 лося, 14 даніэлей, 23 кабана, 36 козъ, 17 волковъ, 15 лисицъ, 14 барсуковъ,—всего 339 штукъ, въ томъ числѣ 100 зайцевъ.

Вспомнимъ, что въ этихъ лѣсахъ Ягелло когда-то добывалъ продовольствіе для сто-тысячной арміи; теперь же волковъ набрали больше, нежели лосей и даже даніэлей.

Конечно, полного раздѣленія звѣрей по породамъ не удалось достигнуть. Въ отдѣльный звѣринецъ попадали животныя, которыя на свободѣ не приближались даже другъ къ другу; но теперь общая участь собирала всѣхъ въ унылое, нестройное стадо, получавшее, какъ въ темницахъ, готовый кормъ отъ тѣхъ, которые ихъ туда заключили.

Еще болѣе печальную картину, нежели звѣринецъ, представлялъ самый способъ собиранія животныхъ.

Въ началѣ облавъ на зубровъ, при неопытности и спѣшности, съ которыми производился загонъ, тяжелыя, непривычныя къ продолжительному и быстрому бѣгу животныя изнемогали отъ усталости, и на пути къ звѣринцу ихъ пало 100 штукъ на 57 пойманныхъ. Не менѣе того, конечно, погибло всякихъ звѣрей при ловлѣ и перевозкѣ на мѣсто.

Наканунѣ пріѣзда Государя прибыли принцы: Карлъ и Альбертъ

Пруссіе и Фридрихъ Гессенъ-Кассельскій въ сопровожденіи собственной свиты и откомандированныхъ къ нимъ русскихъ офицеровъ *). Гости развлекались прогулкою по Пущѣ и селу Бѣловѣжъ, осматривали памятникъ, воздвигнутый для увѣковѣченія охоты Августа III, происходившей въ 1752 году, заглянули въ домикъ, предназначенный Государю, и съ нетерпѣніемъ ожидали предстоящей охоты. Все, повидимому, было готово, какъ вдругъ кто-то вспомнилъ, что для царской резиденціи не заготовлено еще много матерію еще можно

Прибытіе Государя въ Пушу.
Оригинальный рисунокъ
Зичи.

было достать въ селѣ, но откуда было достать гербъ? Тутъ выручилъ Зичи, и черный двуглавый орелъ его художественной работы развѣвался надъ скромнымъ домикомъ лѣсничаго во все пребываніе въ немъ Императора Александра.

Въ тихую, теплую октябрьскую ночь, съ 5-го на 6-ое, Государь Александръ II, въ одномъ экипажѣ съ герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ, сопровождаемый многочисленною блестящею свитою **), въѣхалъ въ Пушу. Дорога шла густымъ лѣсомъ,

*) Его Королевское Высочество принцъ Карлъ Пруссійскій, въ сопровожденіи своихъ адъютантовъ майора Путкомора и капитана Мизичска, и состоявшаго при немъ, по Высочайшему повелѣнію, Свиты Его Величества генералъ-майора Веймарна, прибылъ въ село Бѣловѣжъ въ ночь съ 4-го на 5-ое октябрю. Вслѣдъ за принцемъ Карломъ пріѣхали принцы Альбертъ Пруссійскій, Августъ Виртембергскій и Фридрихъ Гессенъ-Кассельскій. Перваго сопровождали капитаны, бароны Буденброкъ и Мальцанъ, второго—капитанъ фонъ-Тиле и третьяго—капитанъ Керъ. При принцѣ Альбертѣ былъ назначенъ состоять флигель-адъютантъ ротмистръ Рейтернъ, а при принцѣ Гессенъ-Кассельскомъ—флигель-адъютантъ полковникъ Голыпскій.

**) Вместе съ Государемъ въ Бѣловѣжъ прибыли генералъ-адъютанты: князь Долгоруковъ 1-й, баронъ Ливенъ, начальникъ края Назимовъ 1-й, баронъ Притвинъ 2-ой, князь Радзивиллъ, Огаревъ 1-й и графъ Адлербергъ 2-ой, тайный совѣтникъ Енохинъ, Шталмейстеръ Великаго Герцога Саксенъ-Веймарскаго баронъ Еглофштейнъ, флигель-адъютанты Его Величества Рыльевъ и Эссель, флигель-адъютантъ Короля Прусскаго баронъ Леонъ, флигель-адъютантъ Великаго Герцога Тюрингскаго и Гродненскаго губ. дѣйствительный статскій совѣтникъ Шлееръ.

сквозь который и въ полдень не вездѣ проглядывало солнце. По обѣимъ сторонамъ дороги, пылающіе костры и смоляныя бочки освѣщали путь Государю; по селу Бѣловѣжъ горѣли плошки и бенгальскіе огни. Утромъ слѣдующаго дня Государь выѣхалъ на охоту.

Дальнѣйшее описаніе пребыванія Государя въ Бѣловѣжѣ заимствуемъ изъ изданія, напечатаннаго въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ распоряженіемъ министра государственныхъ имуществъ въ

Государь Александръ II на штандартѣ.
Оригинальный рисунокъ
Зичи.

1861 году и составляющемъ нынѣ библиографическую рѣдкость. Изданіе это, озаглавленное „Охота въ Бѣловѣжской Пущѣ“, украшено нѣсколькими виньетками художника Зичи, а текстъ краткаго историческаго очерка составленъ по Далматову. Нѣсколько экземпляровъ были напечатаны на французскомъ языкѣ для подношенія участвовавшимъ въ охотѣ иностранцамъ.

„Утромъ, 6-го октября,—говорится въ описаніи—Государь Императоръ, осмотрѣвъ село Бѣловѣжъ, посѣтилъ иностранныхъ принцевъ; въ одиннадцатомъ же часу, Ихъ Высочества и свита были приглашены къ Государю Императору на завтракъ. Затѣмъ Его Величество, въ сопровожденіи принцевъ и всей свиты, отправился на охоту въ „экипажахъ.“

„Охота была устроена согласно мѣстнымъ обычаямъ..... Въ звѣринцѣ, на простѣкѣ въ 300 сажень длиною, устроено было для охотниковъ 12 штандовъ (маленькихъ крытыхъ галлерей), убранныхъ древесными вѣтвями, такъ что издали они имѣли почти видъ деревь и сливались съ лѣсомъ.

„Первый штандъ съ лѣвой стороны, въ дальнемъ ружейномъ выстрѣлѣ отъ западной стѣны звѣринца, предназначенъ былъ для Государя Императора; за нимъ, по прямой линіи, слѣдовали пять штандовъ для Высокихъ гостей съ ихъ свитами и, наконецъ, 6 штандовъ для свиты Его Величества. Такимъ образомъ, со штандовъ можно было стрѣлять во все стороны, конечно, кромѣ линіи охоты. За стѣною звѣринца устроенъ былъ, съ Высочайшаго соизволенія, амфитеатръ для любопытствующей публики.

„Государь, Высокіе гости и свита, проѣхавъ часть звѣринца, вышли изъ экипажей на небольшой полянѣ и отправились пѣшкомъ на стрѣлковую линію. Его Величество сначала лично обозрѣлъ устроенныя для охотниковъ помѣщенія и затѣмъ вошелъ въ свой штандъ, гдѣ былъ встрѣченъ егермейстеромъ графомъ Ферзеномъ. По занятіи принцами и свитою предназначенныхъ имъ мѣстъ, Государь приказалъ подать сигналъ для начатія охоты.

„Облава, расположенная въ противоположномъ концѣ звѣринца, двинулась по данному сигналу и стала сгонять звѣрей къ штандамъ. По мѣрѣ приближенія звѣрей къ стрѣлковой линіи, на дальнемъ отъ нея ружейномъ выстрѣлѣ, облава останавливалась; въ это время лѣсная стража спускала своры гончихъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія, послышался вблизи штандовъ трескъ ломаемыхъ сучьевъ и, вслѣдъ за тѣмъ, выбѣжало нѣсколько огромныхъ зубровъ. Раздался первый выстрѣлъ, и одинъ изъ самыхъ величавыхъ обитателей Пушчпаль замертво, раненый въ грудь. Этотъ мѣткій выстрѣлъ сдѣланъ былъ Государемъ Императоромъ въ 275 шагахъ. Вслѣдъ за тѣмъ, убитъ былъ наповаль Его Величествомъ другой зубръ, на разстояніи 75 шаговъ, пулею въ лобъ. На ближайшемъ штандѣ, принцъ Карлъ Прусскій тоже положилъ зубра, искусно направленнымъ выстрѣломъ. Остальные зубры, испуганные, ошеломленные непривычнымъ для нихъ шумомъ, бросились бѣжать дальше, и огонь открылся по всей стрѣлковой линіи. За зубрами показались прочіе звѣри.

„Картина была чрезвычайно живописная и оживленная. То легкая члани пролетитъ стрѣлою мимо охотниковъ, то серна пронесется, какъ вихрь, среди деревьевъ. Боязливые зайцы сплываютъ между кустарниками и тщетно ищутъ безопаснаго убѣжища; неповоротливые кабаны бѣгутъ со всехъ ногъ въ чашу лѣса, устремляясь невпопадъ черезъ

„самую середину стрѣлковой линіи и становясь, такимъ образомъ, цѣлью
 „безчисленныхъ выстрѣловъ. По временамъ, снова появлялись зубры
 „и видимо овладѣвали вниманіемъ охотниковъ; каждый берегъ свой
 „выстрѣлъ, чтобы имѣть удовольствіе убить невиданнаго на другихъ
 „Европейскихъ охотахъ звѣря. Едва показывался зубръ на одномъ изъ
 „концовъ охотничьей линіи, выстрѣлы замолкали; преслѣдуемые соба-
 „ками разнаго рода, звѣри пробѣгали въ эту минуту безнаказанно по
 „стрѣлковой линіи; во всѣхъ штандахъ видѣлись прицѣленные ружья;
 „когда же зубръ, преслѣдуемый собаками, устремлялся по линіи, тогда
 „открывался бѣглый огонь. Однако, зубръ не легко дается охотнику;
 „его сильная натура не изнемогаетъ отъ десятка пуль, если ни одна
 „изъ нихъ не нанесетъ ему тяжелой раны; случалось, что небольшое
 „стадо изъ 5 или 6 зубровъ пробѣгало по два и по три раза чрезъ
 „всю линію охотниковъ, подъ самыми мѣткими выстрѣлами, изъ кото-
 „рыхъ лишь весьма рѣдкіе были промахами; только ударъ пули около
 „головы или въ грудь заставлялъ пасть замертво это сильное и кра-
 „сивое животное. Въ промежуткахъ времени, когда не было зубровъ,
 „охотники удостоивали выстрѣлами и другихъ звѣрей, не исключая
 „зайца и барсука, которые постоянно сновали около штандовъ; вообще
 „арена не была пуста ни на минуту. Облава постоянно слѣдила за
 „звѣрями и не позволяла имъ слишкомъ удаляться въ чащу лѣса; не
 „находя другого пехода, они невольно бѣжали противъ лицевой сто-
 „роны штандовъ или, обогнувъ ихъ, устремлялись по задней сторонѣ,
 „но выходили въ обоихъ случаяхъ изъ-подъ выстрѣловъ. Ружейный
 „огонь не прекращался въ теченіе двухъ часовъ. Убитая и раненая
 „въ это время дичь въ большомъ числѣ лежала на самомъ мѣстѣ
 „охоты. До 80 собакъ, спущенныхъ со своръ, терзали ее, не обращая
 „болѣе ни на что вниманія и не чуя вновь выгоняемыхъ звѣрей, ко-
 „торые, пугаясь убитыхъ и не будучи преслѣдуемы собаками, бѣжали
 „назадъ. Чтобы возстановить правильную охоту, необходимо было вновь
 „собрать собакъ и убрать убитую дичь. Это обстоятельство было пред-
 „видѣно, и потому заранѣе были приготовлены люди съ носилками и
 „скрыты за стѣною звѣринца, за толстымъ брустверомъ. Въ два часа
 „данъ былъ условный сигналъ прекратить охоту; тотчасъ явилась
 „лѣсная стража съ носилками, которая въ самое короткое время по-
 „добрала убитыхъ звѣрей и снесла ихъ къ соответствующимъ штандамъ;
 „такимъ образомъ каждый охотникъ увидѣлъ подлѣ себя трофей сво-
 „его искусства и счастья. Въ 2½ часа охота возобновилась. Снова за-
 „виждали и залаяли собаки, выбѣжали кабаны, дикія козы, серны,
 „нѣсколько зубровъ и между ними одна зубрица съ теленкомъ. По
 „предварительному условію, положено было не стрѣлять матокъ и мо-

„лодыхъ зубровъ, но чей-то нечаянный выстрѣлъ нарушилъ это усло-
„віе. Матка была убита наповаль и теленокъ, понуря голову и разма-
„хивая хвостомъ, бѣгалъ и оставался между штандами до самаго конца
„охоты. Маленькіе зубры, преимущественно одного и двухъ лѣтъ, очень
„красивы, особенно на бѣгу; да и вообще зубры, при своихъ колоссаль-
„ныхъ формахъ, очень граціозны и легки. Во время приготовленій къ
„охотѣ, одна зубрица, загнанная въ звѣринецъ, перескочила безъ раз-
„бѣга черезъ заборъ звѣринца, вышиною около 10 футовъ, а за нею
„вслѣдъ перепрыгнули такимъ же образомъ, одинъ за другимъ, до
„30 зубровъ.

„Въ 4 часа Государь приказалъ прекратить охоту. Въ этотъ день
„вообще было убито 44 звѣря, въ томъ числѣ 16 зубровъ и 4 кабана;
„изъ нихъ Государемъ убито всего 22 штуки, въ томъ числѣ 4 зубра
„1 кабанъ; Высокими гостями и свитою 22 звѣря, въ томъ числѣ 12
„зубровъ и 3 кабана.

„По возвращеніи изъ лѣса въ селеніе, у Его Величества былъ
„обѣденный столъ, къ которому были приглашены Высокіе гости, свита
„и нѣкоторые чины управленія государственныхъ имуществъ. Во время
„обѣда играла военная музыка Великолуцкаго пѣхотнаго полка, при-
„бывшая въ Бѣловѣжъ изъ Бѣлостока. За обѣдомъ принцъ Карлъ
„Прусскій поднесъ Государю, въ память охоты этого дня, костяной
„рѣзной кубокъ. Принявъ благосклонно сей подарокъ, Его Величество
„провозгласилъ тостъ за здоровье своихъ Высокихъ гостей, на кото-
„рый отвѣчалъ Великій Герцогъ Саксенъ-Веймарскій тостомъ въ честь
„Государя Императора.

„Поднесенный принцемъ Карломъ кубокъ, Государь приказалъ
„сохранять, вмѣстѣ съ прочими воспоминаніями своего пребыванія, въ
„Бѣловѣжскомъ царскомъ домикѣ.

„По окончаніи обѣденнаго стола, изъ оконъ Государева домика
„представилась самая живописная картина: толпы ликующаго народа,
„тысячами собравшагося въ Бѣловѣжъ, расположились густыми груп-
„пами на противоположномъ берегу рѣчки, протекающей подлѣ холма,
„на которомъ находилось занятое Его Величествомъ строеніе. Для на-
„рода приготовлено было угощеніе: водка, пиво и пироги. Пѣсни и
„пляски оживляли эту картину, которая внезапно освѣтилась разно-
„цвѣтными огнями. Этотъ народный пиръ продолжался до глубокой
„ночи.

„На другой день Государь осматривалъ Бѣловѣжскую сельскую
„церковь; мѣсто, на которомъ, по преданію, существовалъ дворецъ
„Польскаго Короля Августа III-го и такъ-называемую Головинскую ба-
„tareю, напоминавшую собою печальныя для края событія 1831 года.—

„Затѣмъ Его Величество съ иностранными принцами и свитою, послѣ завтрака, въ 10 часовъ утра, снова отправился на охоту, которая началась въ этотъ день въ 11 часовъ утра и продолжалась въ томъ же порядкѣ и на томъ же мѣстѣ, какъ и наканунѣ.

„Въ этотъ день зубровъ было убито меньше, чѣмъ наканунѣ, а „прочихъ звѣрей больше. Государь убилъ наповаль большого лося въ „70 шагахъ. Особенное вниманіе иностранныхъ принцевъ обратили на „себя въ этотъ разъ волки и кабаны, замѣчательные по своей велич- „чине; самые мѣткіе выстрѣлы Ихъ Высочествъ были направлены на „этнихъ звѣрей. Два большіе волка пали отъ выстрѣловъ Государя Им- „ператора и Великаго Герцога Саксенъ-Веймарскаго. Одинъ кабанъ былъ „преслѣдуемъ выстрѣлами около получаса; нѣсколько разъ перебѣгалъ „онъ по серединѣ стрѣлковой линіи; охотники сдѣлали по немъ 40 „выстрѣловъ; наконецъ, животное, изнемогая отъ ранъ, пало на землю, „но черезъ нѣсколько минутъ опять стало на ноги и помчалось дальше; „уже по окончаніи охоты оно было найдено мертвымъ въ отдаленномъ „углу звѣринца.

„Въ 12^{1/2} часовъ данъ былъ сигналъ къ отбою. По уборкѣ уби- „тыхъ звѣрей, стрѣльба возобновилась и продолжалась до двухъ часовъ.

„Въ заключеніе охоты произведена была общая одновременная „облава на всѣхъ собранныхъ въ загонъ звѣрей. По окончаніи охоты, „убитые звѣри были снесены къ Государеву штанду.

„Въ этотъ день было вообще убито 52 звѣря, изъ коихъ Госуда- „ремъ Императоромъ 21, и въ томъ числѣ 6 зубровъ, а Высокими „иностранными Гостями 17 штукъ, и въ томъ числѣ 4 зубра и 4 ка- „бана. Свитами Его Величества и Ихъ Высочествъ убито въ этотъ день „14 штукъ.

„Всего въ оба дня убито: 28 зубровъ (18 самцовъ и 10 коровъ), „2 лося, 10 лангустовъ, 11 кабановъ, 16 волковъ, 16 козъ, 7 лисицъ, „4 барсука, 2 зайца. Шкуры животныхъ, убитыхъ иностранными „принцами, переданы, по Высочайшему повелѣнію, въ собственность „Ихъ Высочествъ, а изъ числа убитыхъ на охотѣ зубровъ, нѣкоторые „экземпляры предназначены для университетскихъ музеевъ. пригото- „вленіе кожъ и чучелъ поручено препаратору Академіи Наукъ, нарочно „для сей цѣли вызванному въ Пушу изъ С.-Петербурга.

„По окончаніи охоты, товарищъ министра государственныхъ иму- „ществъ исходатайствовалъ у Его Величества соизволеніе воздвигнуть „памятникъ въ воспоминаніе Высочайшей охоты 6-го и 7-го октября „и, обративъ, при выходѣ изъ звѣринца, вниманіе Государя на неболь- „шую поляну, на которой было бы удобно воздвигнуть памятникъ, „просилъ Его Величество посадить на этомъ мѣстѣ деревцо. Государь

„Императоръ изволилъ благосклонно согласиться, взялъ заступъ и „собственноручно посадилъ одинъ изъ нарочно для сей цѣли приго-
товленныхъ двухъ молодыхъ ливанскихъ кедровъ. По желанію Его
„Величества, иностранные принцы послѣдовали сему примѣру. Затѣмъ
„Государь приказалъ сдѣлать то же главному распорядителю охоты,
„генераль-маіору Зеленому и главному начальнику края, генераль-адъ-
„ютанту Назимову. Свитой были посажены американская ель и нѣсколько

осадка дерева Государемъ.
Оригинальный рисунокъ
Зичи.

„деревьевъ Бѣловѣжской пихты.—Кромѣ того, въ воспоминаніе сей же
„охоты, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ:

„Домъ, занимаемый Его Величествомъ, оставить на будущее время,
„подъ именемъ Императорскаго охотничьяго павильона, въ томъ са-
„момъ видѣ, въ которомъ онъ находился во время Высочайшей охоты,
„и устроенный среди Пуши для сей охоты звѣринецъ сдѣлать посто-
„яннымъ съ тѣмъ, чтобы въ немъ всегда находилось достаточное число
„дикихъ звѣрей разнаго рода, свойственныхъ Бѣловѣжской Пущѣ.

„По возвращеніи въ Бѣловѣжъ, у Его Величества былъ обѣден-
„ный столъ, къ которому были приглашены принцы и свита. Госу-

„даръ во время обѣда изволилъ подарить принцу Карлу Прусскому
„обдѣланный, въ видѣ кубка, зубровый рогъ. Его Высочество, принявъ
„съ признательностью этотъ подарокъ, пилъ изъ него за здоровье Его
„Величества.

„Передъ отъѣздомъ Его Величества изъ Бѣловѣжа, товарищъ ми-
„нистра государственныхъ имуществъ представилъ Государю импера-
„тору альбомъ, предназначенный для записыванія именъ почетнѣйшихъ
„посѣтителей Пуши. Его Величество, соблаговоливъ первый начертать
„собственноручно имя свое въ семь альбомѣ, изволилъ предложить ино-
„страннымъ принцамъ и всей свитѣ послѣдовать Его примѣру, что и
„было исполнено.

„Въ 3¼ часа пополудни, Государь Императоръ, Великій Герцогъ
„Саксенъ-Веймарскій, иностранные принцы и вся свита выѣхали изъ
„Бѣловѣжа въ Бѣлостокъ для слѣдованія оттуда въ Варшаву.

„Его Величество выразилъ Свое полное удовольствіе за устрой-
„ство охоты товарищу министра государственныхъ имуществъ генералу
„Зеленому.

„Мѣстные чины управленія государственныхъ имуществъ, какъ
„гражданскіе, такъ и лѣсные, участвовавшіе въ приготовленіяхъ къ
„охотѣ, удостоились представляться Государю Императору и были все-
„милостивѣйше награждены брилліантовыми перстнями, а нѣкоторые
„изъ объѣзчиковъ,—золотыми часами съ такими же цѣпочками; вообще
„же лѣсной стражѣ и работавшимъ въ лѣсу казеннымъ крестьянамъ
„выданы, съ Высочайшаго соизволенія, денежные награды. — Успѣху
„охоты въ оба дня въ высшей степени благопріятствовала ясная и
„необыкновенно теплая погода.

„Высокіе гости неоднократно выражали во время охоты, что дѣй-
„ствительность далеко превзошла ихъ ожиданія и что такая охота
„могла быть устроена только по волѣ Русскаго Царя, при естествен-
„ныхъ богатствахъ Русскаго Царства.

„Памятно будетъ Высочайшее пребываніе 6-го и 7-го октября
„1860 года въ Бѣловѣжской Пушѣ и для тамошняго населенія.—Кромѣ
„радостнаго для народа лицезрѣнія Монарха, это пребываніе будетъ
„еще дорого и потому, что оно доставило крестьянамъ значительные
„заработки и было источникомъ неподдѣльнаго веселья, столь рѣдкаго
„въ трудовомъ сельскомъ сословіи.

„Охота эта, между прочимъ, замѣчательна тѣмъ, что она не со-
„провождалась ни однимъ несчастнымъ случаемъ и что, сравнительно
„съ другими подобными охотами, обошлась весьма не дорого, около
„18.000 рублей, несмотря на то, что расходы на нее должны были
„превосходить издержки на всякую другую охоту, какъ потому, что

„въ Бѣловѣжѣ для приѣма Высокихъ гостей съ многочисленною прислугою нужно было все устроить заново, такъ и потому, что Бѣловѣжъ находится въ самой глуши Гродненской губерніи—въ 150 верстахъ отъ губернскаго города, въ 80 отъ Бѣлостока и въ 70 отъ „Брестъ-Литовска“.

Уже изъ сказаннаго о приготовленіяхъ всякому понятно, чѣмъ могла быть охота 6-го и 7-го октября. Для участниковъ это былъ случай проявить свое искусство въ стрѣльбѣ по живой, движущейся цѣли, а для устроителей—свое усердіе въ загонѣ звѣря. Авторъ описанія охоты, желая, вѣроятно, смягчить впечатлѣніе, говорить, что она

происходила согласно мѣстнымъ обычаямъ. Но какіе обычаи могли сохраниться въ Пушчѣ, когда тамъ въ теченіе 70-ти лѣтъ только браконьерствовали. Правда, при послѣднихъ владѣтеляхъ, Августѣхъ II и III, существовали обычаи выбивать, во что бы то ни стало, побольше дичи въ самое короткое время, но этотъ обычай де-

сятки лѣтъ уже не примѣнялся. Нужно думать, что устроители охоты, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были и наблюдателями Пушчи, стремились доставить возможно полное развлеченіе Государю и иностраннымъ гостямъ, не обнаруживая при этомъ, въ какомъ состояніи находилось угодые, ввѣренное ихъ попеченію.

Кромѣ того, необходимо имѣть въ виду, что авторъ не былъ истымъ охотникомъ; иначе онъ не упустилъ бы такихъ интересныхъ подробностей, какъ выгоняли звѣрей изъ малыхъ загонѣвъ на просѣку, какъ руководили загонщиками—командой или сигналами, прибѣгали ли къ контрь-загонамъ, для какой надобности спускали массы собакъ противъ звѣря, который и безъ того долженъ былъ метаться во все стороны, какимъ образомъ тяжелые зубры опередили козъ и волковъ и показались

Фотографія съ натуры.

первыми передъ штандами, если звѣрей погнали одновременно. Вообще описаніе грѣшитъ односторонностью и крайней неполнотой.

Какъ ни мало увлекательною для истинныхъ любителей была вся эта охота, сопряженная къ тому же со столькими ненужными жертвами, тѣмъ не менѣе, она прошла не безслѣдно. Посѣщеніе Государя пробудило интересъ къ Пушѣ во всемъ образованномъ обществѣ. Въ періодической печати появились историческія замѣтки о Пушѣ; къ мѣстнымъ служащимъ отовсюду обращались за подробностями о пребываніи Государя и объ охотѣ, но важнѣе всего было то, что высшая администрація воочію убѣдилась въ какомъ состояніи находилось угодье. Кромѣ полного отсутствія дичи, обнаружилось, что и количество зубровъ было далеко не то, какое показывалось по вѣдомостямъ, а такъ какъ съ внѣшней стороны успѣхъ охоты былъ значителенъ, то легко могли ожидать, что Государь посѣтитъ Пушу вновь и потребуетъ настоящей охоты, безъ загоронокъ и привозной дичи. Старожилы, вспоминая 30-ые года, рассказывали, что пріѣзжавшимъ тогда въ Пушу посмотреть рѣдкаго звѣря достаточно было отправиться на мѣста зубровыхъ жировъ (мѣсто, гдѣ кормятся зубры), тогда какъ въ 50-хъ годахъ, когда зубровъ числилось вдвое больше, ихъ не всегда удавалось обойти съ загонщиками.

Спустя два года, въ воспоминаніе объ охотѣ Государя, при вѣздѣ въ бывшій звѣринецъ, съ лѣвой стороны отъ дороги изъ Гайновки въ Ыѣловѣжъ, недалекъ отъ царскаго штанда, воздвигли памятникъ, на постаментѣ котораго красуется фигура огромнаго зубра, въ грозной позѣ, съ опущенной внизъ головою, готоваго броситься на врага. Это художественное изображеніе могучаго обитателя Пуши отлито изъ чугуна на заводѣ Огарева въ Петербургѣ. На четырехъ сторонахъ каменнаго постамента выѣчены краткія воспоминанія о пребываніи Государя.

Глядя на памятникъ, истинные любители охоты должны вспоминать о другомъ событіи, связанномъ съ посѣщеніемъ Государя—о возрожденіи самой охоты въ Пушѣ и объ оживленіи интереса къ послѣдней. Памятникъ въ настоящее время скрывается отъ дороги разросшимися деревьями, которыя были собственноручно посажены маленькими высадками Государемъ и его гостями. —

Н. С. Амочкин

Результаты посещения Государя не замедлили сказаться. Въ слѣдующемъ году завѣдывавшій Пущею капитанъ Эйхвальдъ представилъ въ министерство подробную записку о необходимыхъ мѣропріятіяхъ для сохраненія и размноженія дичи. Г. Эйхвальдъ предлагалъ: 1) воспретить въ Пущѣ всякую охоту, 2) обратить въ постоянный звѣринецъ загражденія, устроенныя для царской охоты; въ нихъ оставалось: 14 зубровъ, 4 даниэли, 8 козъ и 4 кабана, 3) въ каждомъ лѣсничествѣ устроить по маленькому звѣринцу и 4) организовать систематическую борьбу съ волками.—Даниэлей г. Эйхвальдъ совѣтовалъ пополнить покупкою въ имѣніи Турны графа Грабовскаго.

Всѣ предложенныя г. Эйхвальдомъ мѣры были осуществлены въ теченіе послѣдующихъ 5-ти лѣтъ, за исключеніемъ лишь устройства новыхъ звѣринцевъ. Кромѣ того, министерство впервые стало ассигновывать на содержаніе звѣрей по 650 рублей въ годъ, доведя расходъ къ 1866 году до 1.340 рублей. Среди этихъ мѣръ, самую существенною являлось, конечно, воспрещеніе охоты, а также борьба съ браконьерствомъ. Къ сожалѣнію, г. Эйхвальдъ не развилъ подробно, какимъ способомъ онъ предполагалъ вести эту борьбу, тѣмъ болѣе трудную, что защищаться приходилось отъ своихъ. Въ отношеніи истребленія волковъ, облавный способъ, предложенный г. Эйхвальдомъ, не могъ принести большой пользы частью по недостаточной подготовкѣ пущинскихъ служащихъ къ веденію облавы, частью потому, что охота на волковъ обращалась обыкновенно въ забаву для приглашенныхъ любителей. Только съ тѣхъ поръ, какъ лѣсничій Кампіони ввелъ стрихнинныя пилюли, волковъ удалось вывести радикальнымъ образомъ. Картина уничтоженія крупныхъ хищниковъ въ описываемое время представляется въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Года.	У б и т о			О т р а в л е н о		Производили облавъ.
	волковъ.	рысей.	медвѣдей.	волковъ.	рысей.	
1869	23	3	—	—	—	16
1870	40	5	1	—	—	18
1871	50	—	1	—	—	19
1872	36	5	—	—	—	14
1873	51	7	—	—	—	16
1874	37	5	1	—	—	20
1875	16	4	—	—	—	15
1876	32	1	—	—	—	23
1877	23	1	1	28	4	14
1878	17	—	1	32	1	11
1879	15	1	—	23	—	12
1880	8	—	—	17	1	10
1881	10	—	—	8	—	—
1882	—	—	—	5	—	—

Что касается устройства небольшихъ звѣринцевъ въ каждомъ лѣсничествѣ, то министерство вполне правильно оцѣнило эту мѣру, не приведя ее, однако, въ исполненіе. Разбросанные по всей Пушѣ звѣринцы потребовали бы слишкомъ сложной системы надзора; да въ нихъ не могло бы оказаться и надобности при одномъ, правильно содержимомъ центральномъ звѣринцѣ, который сохранялъ бы свое значеніе до тѣхъ поръ, пока сама Пуща, при рациональномъ администрированіи ея охотничьяго хозяйства, не сдѣлалась бы естественнымъ хранилищемъ звѣря. Кромѣ даніелей, приобретенныхъ по указанію Эйхвальда, Пуща обогатилась при немъ оленями. Въ 1865 году, съ Высочайшаго разрѣшенія, выловили четырехъ молодыхъ (трехгодовалыхъ) зубровъ, быка и трехъ зубрицъ, для отправки къ князю Плессу въ его имѣніе, въ лѣсничество Emanuelsegen въ Прусской Силезіи. Въ обмѣнъ на зубровъ князь прислалъ въ Пушу 20 благородныхъ оленей, 6 самцовъ и 14 самокъ, изъ которыхъ дорогою пали двѣ. Это былъ первый случай переселенія звѣрей въ Пушу издалека. Оленей помѣстили въ звѣринцѣ, въ особо отгороженномъ просторномъ мѣстѣ, и они зажили, сравнительно съ прочими звѣрями, хорошо. Появленіе оленей вызвало удивленіе мѣстныхъ крестьянъ, до того уже они отвыкли видѣть оленей въ Пушѣ, хотя тамъ цѣлое урочище, по старой памяти, именовалось „Оленьи горы“. Средневѣковой олень въ Пушѣ, судя по находимымъ остаткамъ роговъ, былъ необыкновенно крупенъ. Одному изъ пушницъ

скихъ лѣсничихъ удалось пріобрѣсти рогъ, выловленный въ Бугѣ, около Мельницкой дачи, который имѣлъ $3\frac{1}{2}$ вершка въ діаметрѣ у основанія. Другой, почти того же размѣра рогъ былъ найденъ на отмели рѣки Нарвы.

Въ отношеніи внѣшняго устройства Пуши были предприняты различныя работы. Дачу обошли кружною межою, прорубили новыя просѣки, расчистили старыя, намѣтили мѣста рубокъ и пр. и пр.

Если пушинская администрація въ началѣ 60-хъ годовъ не дѣйствовала энергично въ смыслѣ упорядоченія Бѣловѣжскаго хозяйства, какъ экономическаго, такъ и охотничьяго, то этого нельзя ставить ей въ вину. Наступило смутное время польскаго мятежа, когда въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ вниманіе всѣхъ было обращено исключительно на политическія событія въ краѣ. Вспыхнувшее въ 1863 г. въ Польшѣ возстаніе, къ веснѣ охвативъ почти всю Литву, отразилось также и на спокойствіи Бѣловѣжскаго населенія. Характеръ возстанія отличался во многомъ отъ событій 1830-го и 1831-го годовъ. Хотя мѣстность, въ которой лежитъ Пуша, прилежала къ уѣздамъ, населеннымъ поляками, тѣмъ не менѣе бѣлоруссы, жившіе въ Бѣловѣжскихъ лѣсахъ, остались вѣрными русскому Правительству, служащіе въ Пушѣ также не измѣнили присягѣ, и только польскіе патріоты, собиравшіе банды и энергично дѣйствовавшіе по городамъ и селеніямъ вокругъ Пуши, послѣ постоянныхъ неудачъ въ стычкахъ съ русскими войсками, укрывались въ дебряхъ и болотахъ Бѣловѣжскихъ лѣсовъ. Сухое, жаркое лѣто 1863-го года способствовало ихъ партизанскимъ дѣйствіямъ. Не находя нигдѣ пристанища, гонимые изъ лѣса въ лѣсъ, изъ болота въ болото, повстанцы вымещали свои неудачи на мирныхъ жителяхъ края, преимущественно народѣ и отчасти на православномъ духовенствѣ, не поддававшихся ихъ обѣщаніямъ; въ началѣ мятежа шайки повстанцевъ, страшась выходить въ открытыя мѣста, бродили безпрепятственно по всей Пушѣ, неожиданно нападая на селенія и усадьбы лѣсныхъ сторожей, гдѣ дѣйствуя угрозами, а гдѣ и насиліями, доходившими до убійствъ. Пушинская администрація была безсильна противъ этихъ разбойничьихъ набѣговъ вслѣдствіе того, что всѣ уѣздныя власти, отъ писаря волостного правленія до уѣзднаго исправника—были польскими патріотами. Присланныя войска измѣнили положеніе. Уже 20-го апрѣля отрядъ капитана Тугенгольда разбилъ шайку, пробиравшуюся въ Пушу. У мѣстечка Стравли майоръ Байковскій отбросилъ многочисленную банду къ Нареву, и спасшіеся отъ погрома бѣжали въ Пушу; шайка эта состояла изъ остатковъ болѣе организованнаго отряда Одухискаго. 8-го іюля была разбита шайка въ лѣсу Березово-болото, близъ Пуши; 15-го іюля отрядъ капитана Штекера разсѣялъ банду въ лѣсу Великое-багно; но послѣ пораженія шайки у села Гуты (въ южной части Вол-

ковыскаго уѣзда) отрядомъ полковника Блюменталя, новыхъ бандъ въ Пущѣ не появлялось, и только бродили до наступленія заморозковъ партіи разбойниковъ, съ которыми справлялась мѣстная сельская стража. Но смута, охватившая населеніе, еще долго не прекращалась. Убіиства беззащитныхъ, невооруженныхъ, изъ-за угла, продолжались въ тѣхъ селеніяхъ, откуда уходили войска. „Вѣшателн“, какъ ихъ называли мѣстные крестьяне, снова появлялись изъ лѣсовъ и продолжали свое кровавое дѣло. Жертвою ихъ мести и фанатизма дѣлались не только тѣ лица, которыя за свою преданность Правительству навлекли на себя ихъ негодованіе, но даже ихъ семейства. Въ этомъ отношеніи между многими убійствами особенно выдавалась мученическая смерть жены стрѣлка Бѣловѣжской Пуши, принимавшаго дѣятельное участіе въ преслѣдованіи партіи Рогинскаго и указывавшаго мѣста въ Пущѣ, гдѣ повстанцы имѣли пристанища. 18-го августа послѣдніе, наконецъ, выместили свою злобу надъ нимъ. Не найдя дома хозяина, повстанцы повѣсили его жену, продѣвъ веревку въ проткнутую предварительно шею несчастной, и сожгли ее еще живою въ пламени подожженной сторожки.

Нѣтъ сомнѣнія, что при всѣхъ упомянутыхъ обстоятельствахъ, звѣровое населеніе Пуши не могло оставаться въ покоѣ. При охотѣ на людей, чѣмъ вполне можно охарактеризовать событія, происходившія въ Пущѣ въ 1863-мъ году, никто не охранялъ звѣря и охоту на него. Войска, повстанцы и мирные обитатели Пружанскаго уѣзда безпощадно избивали въ Пущѣ все живое, не останавливаясь даже передъ зубромъ. Не мудрено, что въ одинъ этотъ годъ не досчитались 377-ми головъ.

Возвращаясь къ описанію охотничьяго хозяйства Пуши въ серединѣ 60-хъ годовъ, прежде всего надо упомянуть, что послѣ Эйхвальда, въ 1866 году, лѣсничій Штральборнъ проявилъ еще большую заботливость объ охотничьемъ хозяйствѣ Пуши. Пользуясь тѣмъ, что въ это время оканчивались загражденія 550 десятинъ для зубровъ и красной дичи и 100 десятинъ для кабановъ, Штральборнъ представилъ детальный проектъ такого хозяйства, которое не только обезпечивало бы богатую охоту для Государя, но еще давало бы возможность снабжать рѣдкими породами прочія Царскія угодья. Штральборнъ, основываясь на примѣрахъ западной Европы, доказывалъ, что, затративъ единовременно 9.500 рублей и расходуя ежегодно по 3.000 рублей, въ звѣринцѣ можно будетъ содержать: 25 зубровъ, 100 оленей, 75 даніэлей, 30 козъ, 50 кабановъ и 200 зайцевъ. Приплодъ, по достиженіи извѣстнаго возраста предполагалось выпускать въ Пушу для дальнѣйшаго размноженія.

Министерство отнеслось къ проекту Штральборна не столь сочувственно, какъ къ мѣрамъ, предложеннымъ Эйхвальдомъ, въроя

остерегаясь слишкомъ значительныхъ расходовъ; тѣмъ не менѣе, про Пушу не забывали, и самый важный вопросъ о прокормѣ звѣрей сталъ наконецъ озабочивать и министерство, хотя, по правдѣ, пользы для охоты отъ того было не много.

Площадь зубринныхъ покосовъ стали постепенно расширять, осушая болота и ограничивъ сдачу луговъ крестьянамъ. Сѣно стали заготовлять заблаговременно и свозить въ особые сараи, впервые устроенные въ 1870 году. Часть сѣна оставляли въ стогахъ, откуда зимою его развозили къ зубровымъ стоянкамъ вновь назначенные зубровые сторожа, на обязанности которыхъ лежало также слѣдить за звѣремъ, какъ на стоянкахъ, такъ и на переходахъ.

О заготовкахъ сѣна приказано было даже доносить, и потому, съ назначеніемъ въ 1868 году начальникомъ Пуши Жоховскаго, въ дѣлахъ министерства сохранились свѣдѣнія о томъ, какъ шелъ зимній прикормъ зубровъ. Данные о заготовкахъ за двадцатилѣтіе сгруппированы въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Г о д а.	Сколько зубровъ на норму.	Со сколькихъ десятинъ косили сѣно.	Сколько пудовъ сѣна накошено.	Приходилось на одного зубра	
				въ зиму.	въ день.
1868	559	269 дес.	6.700 пуд.	12 п.	Считая 150 кормовыхъ дней, въ среднемъ около 9 ¹ / ₂ фунт. въ день на голову.
1869	541	269 »	4.580 »	8 п.	
1870	542	467 »	14.600 »	26 п.	
1871	528	467 »	16.040 »	30 п. 12 ф.	
1872	528	586 »	17.830 »	33 п. 30 ф.	
1873	527	586 »	19.720 »	37 п. 18 ф.	
1874	536	587 »	15.600 »	28 п. 35 ф.	
1875	558	587 »	19.340 »	34 п. 25 ф.	
1876	561	587 »	21.540 »	38 п. 18 ф.	
1877	559	587 »	20.150 »	36 п. 4 ф.	
1878	565	587 »	22.400 »	39 п. 24 ф.	
1879	571	556 »	20.800 »	36 п. 18 ф.	
1880	579	544 »	17.440 »	30 п. 5 ф.	
1881	574	514 »	16.200 »	28 п. 10 ф.	
1882	600	587 »	19.840 »	33 п.	
1883	592	587 »	испо- лу 23.850 »	40 п. 11 ф.	
1884	384	608 »	25.900 »	67 п. 20 ф.	
1885	433	656 »	24.300 »	56 п.	
1886	427	776 »	28.700 »	67 п. 2 ф.	

Принимая во вниманіе, что зубру необходимо около 20 фунтовъ сѣна въ день, мы видимъ, что даже въ самые урожайные на травы года зубры въ сущности голодали всю зиму. Если при такомъ уходѣ они не издыхали массами, подобно кабанамъ, то только исключительно потому, что жили грабежомъ, нападая на крестьянскія заготовки сѣна, которое къ тому же всегда было лучшаго качества.

Одновременно съ заведеніемъ заготовки сѣна, старались исправить то, что было упущено изъ вида еще очень давно. Предприняли выселеніе крестьянъ изъ Пуши, предлагая въ обменъ окружающія земли; но, къ сожалѣнію, обменъ шелъ очень туго, такъ какъ крестьяне крѣпко держались своихъ пушинскихъ владѣній и осаждали министерство постоянными просьбами сохранить за ними луговые земли.

Звѣринцы продолжали расширять и довели до 800 десятинъ,—при общемъ протяженіи заборовъ въ 18 верстъ. Онъ представлялъ собою типичный островокъ, въ которомъ соединялись самая разнообразная почва, отъ сухой боровой до сырой торфяной, и все лѣсныхъ породы, встрѣчающіяся въ Пушѣ. Черезъ него протекалъ ручей, и кромѣ того, была проложена канава для водопоя. Въ общемъ, онъ, какъ нельзя болѣе, могъ отвѣчать своему назначенію, если бы хозяйство велось тщательно и не столь экономно, а подсчетъ звѣря производился бы аккуратно. Приведенная ниже вѣдомость звѣроваго населенія звѣринца по годамъ наглядно подтверждаетъ сказанное. —

Звѣри. Года.	Зубры.	Олени.	Даніэлы.	Козы.	Кабаны.	Звѣри. Года.	Зубры.	Олени.	Даніэлы.	Козы.	Кабаны.
1860	14	—	4	8	4	1875	23	60	9	5	11
1861	*)	—	—	—	—	1876	26	68	9	8	12
1862	—	—	—	—	—	1877	27	89	11	11	15
1863	—	—	—	—	—	1878	26	32	8	6	15
1864	17	—	—	—	—	1879	26	50	12	3	18
1865	—	18	—	—	—	1880	24	75	11	5	23
1866	21	22	24	30	4	1881	24	120	14	4	16
1867	18	—	—	—	15	1882	20	180	13	7	18
1868	17	—	—	—	—	1883	16	260	15	6	11
1869	17	—	—	—	—	1884	6	310	12	5	13
1870	18	30	30	18	25	1885	8	270	16	1	19
1871	—	38	—	—	—	1886	8	250	—	5	24
1872	13	20	30	18	15	1887	11	—	—	—	—
1873	42	40	30	18	18	1888	8	250	—	3	25
1874	32	40	30	18	18						

*) Отсутствие цифры обозначаетъ, что свѣдѣнія не сохранились, или подсчетъ не производился.

Звѣринцевъ былъ раздѣленъ на три части. 480 десятинъ отвели зубрамъ, 250 десятинъ оленямъ, даніэлямъ и козамъ и 100 десятинъ кабанамъ. Зайцевъ не находили нужнымъ содержать, такъ какъ ихъ достаточно водилось по всей Пущѣ.

Мы видимъ, что только олени князя Плесса, несмотря на случившіеся падежи (въ 1878 г. ихъ было 80 штукъ), плодились хорошо, хотя и они мельчали корпусомъ и рогомъ и далеко не были похожи на свободныхъ лѣсныхъ красавцевъ. Не мало оленей уходили въ Пуцу, вслѣдствіе частыхъ обваловъ забора, и сначала держались возлѣ звѣринца, но затѣмъ, освоившись, расходились далеко кругомъ. Въ 1885 году олени появились даже въ казенной Мельницкой дачѣ, отстоящей отъ Пуцы въ 50 верстахъ. Число зубровъ возросло и уменьшалось по мѣрѣ того, какъ выпускали новыхъ, или уходили прежніе. Даніэлей и козъ уничтожали рыси.

Въ отношеніи лѣсного хозяйства и послѣ 60-го года большихъ измѣненій не произошло, вслѣдствіе глубоко вкоренившагося взгляда, что правильное хозяйство вредно отражается на составѣ звѣря и дичи въ разрабатываемомъ участкѣ. Взглядъ этотъ имѣетъ, конечно, извѣстное основаніе, но если необходимо рѣшать вопросъ, что важнѣе: кормъ или спокойствіе, а для министерства тѣмъ необходимѣе было рѣшать этотъ вопросъ въ виду того, что оно избѣгало расходоваться на содержаніе звѣря, то понятно, системѣ сплошныхъ рубокъ участками, при которой звѣрь получаетъ обильный кормъ въ молодой поросли, слѣдовало бы отдать предпочтеніе.

Безпокойство, причиняемое шумомъ, звѣрь такъ или иначе перенесъ бы; къ тому же отъ шума было куда и укрыться въ Пуцѣ; но отъ голода пеходъ одинъ — смерть. Наблюденіе, установленное надъ зубрами при посредствѣ особыхъ сторожей, подтверждало, что зубровыя стада держатся исключительно района, огороженного когда-то заборомъ, и что только тамъ имѣются стоянки, къ которымъ, приискивая пищу, зубры совершаютъ отъ времени до времени свои переходы. Такихъ стоянокъ насчитывалось въ Пуцѣ 10 и въ Свилюческой дачѣ — 2.

Основываясь на этихъ наблюденіяхъ о стоянкахъ зубровъ, гродненскій управляющій государственными имуществами съ 1877 года ввелъ здѣсь подѣ своимъ наблюденіемъ правильную хозяйственную рубку съ десятилѣтнимъ оборотомъ, ограничиваясь, главнымъ образомъ, выборкою сухостойныхъ и перестойныхъ деревьевъ, чтобы не слишкомъ мѣнять характера насажденій. По окраинамъ Пуцы, во вѣ-зубровыхъ стоянкахъ (приблизительно на 50.000 десятинъ) повели почти такое же хозяйство, но уже на чисто коммерческихъ основаніяхъ. Тамъ закле-

млн 170.000 деревьевъ, предназначенныхъ къ вырубкѣ, и кромѣ того кой-гдѣ рубили сплошь участками, и такимъ образомъ, уже съ конца 70-хъ годовъ Пуща стала приносить доходъ.

Введенію сплошныхъ рубокъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, помимо опасенія безпокоить зубровъ, препятствовали еще недостатокъ путей сообщенія. Рѣки, прорѣзавшія Пущу, были мало приспособлены къ сплаву; по нимъ съ трудомъ доставляли цѣнные строевые экземпляры, такъ-называемый мачтовый лѣсъ, предназначенный для заграничнаго торга.

Между тѣмъ, кромѣ перезрѣлаго и сухостойнаго лѣса, въ Пущѣ было огромное количество бурелома, валежника, сучьевъ и всякихъ остатковъ отъ прежнихъ рубокъ, которые представляли большую цѣнность и которые полезно было бы удалить для того, чтобы дать просторъ развивающемуся лѣсу, но куда было дѣваться со всею этою массою.

Въ 40-хъ годахъ Далматовъ, проектируя правильное лѣсное хозяйство, обращать вниманіе министерства на необходимость соединенія каналомъ Нарева и Свислочи.

Министерство не могло не видѣть необходимости произвести тутъ коренную реформу, но, ради бережливости, подходило къ ней очень медленно. Съ проведеніемъ желѣзной дороги вопросъ о сбытѣ лѣса получилъ новое разрѣшеніе.

Въ отношеніи системы надзора послѣ 60-го года произошли самыя значительныя измѣненія. До тѣхъ поръ служба въ Пущѣ была для большинства натуральною повинностью, за которую служащіе получали земельные надѣлы. Вся многочисленная лѣсная стража, стрѣлки и ихъ помощники набиралась изъ мѣстныхъ крестьянъ, которымъ платили солдатское жалованье 1 рубль съ копейками въ треть, но зато ихъ семейства были свободны отъ рекрутской повинности и надѣльная земля, въ количествѣ отъ 40—50 десятинъ на семью, освобождалась отъ всѣхъ налоговъ. Такихъ земель насчитывалось 13.994 дес., въ томъ числѣ подъ крестьянскими надѣлами 12.600 дес. и подъ усадьбами высшаго служебнаго персонала, имѣвшаго казенные дома, — 1.394 дес.

Сначала учредили должность завѣдующаго Пущею и завели спеціальныхъ зубровыхъ сторожей; объѣзчикамъ стали платить 50 руб., давая отъ казны обмундированіе по образцу военного и лошадей, на которую полагалось еще 35 рублей; но весь остальной составъ лѣсной стражи оставался на прежнемъ положеніи служащихъ, отбывавшихъ повинность. Этихъ людей нельзя было ни уволить, ни даже наказать,

хотя они состояли въ подчиненіи мѣстныхъ лѣсничихъ. Въ 1869 году стражу замѣнили, наконецъ, наемными людьми.

Съ 1872 года завѣдующаго Пущей смѣнили лѣсной ревизоръ, вмѣсто прежнихъ 4-хъ установили 5 лѣсничествъ. Въ 80-хъ годахъ Пущейю управлялъ, попрежнему, ревизоръ, а каждымъ изъ пяти лѣсничествъ — лѣсничій, имѣвшій помощника. Нижшій служебный персоналъ состоялъ изъ 14 объѣздчиковъ, имѣвшихъ каждый свой объѣздъ, и изъ 102 лѣсныхъ и 10 зубровыхъ сторожей. Впрочемъ, и этотъ новый административный порядокъ не удовлетворялъ министерства. Незадолго до описываемой ниже охоты Великаго Князя Михаила Николаевича въ Пущу пришлось командировать вице-инспектора корпуса лѣсничихъ Писарева для ревизіи. Результатомъ этой памятной Писаревской ревизіи была смѣна всѣхъ лѣсничихъ съ отдачею нѣкоторыхъ подъ судъ за различныя злоупотребленія по лѣсному хозяйству.

Вернемся, однако, къ охотамъ.

26-го и 27-го сентября 1865 года въ Бѣловѣжскихъ лѣсахъ охотился Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, но никакихъ подробностей объ этой охотѣ собрать не удалось, а затѣмъ, въ 10-тилѣтній промежутокъ послѣ этой охоты, въ Пущѣ не раздавалось иного выстрѣла, кромѣ случайнаго, отъ разряда ружья или по волку. Отстрѣлы нѣсколькихъ зубровъ для музеевъ и университетовъ и браконьерство не могутъ идти въ счетъ.

За періодъ съ 1860 по 1888 годъ изъ Пущи часто высылались скелеты и шкуры павшихъ и отстрѣленныхъ зубровъ, и кромѣ того не рѣдко зубровъ доставляли живьемъ. Въ 1860 г. — зубра, убитаго кн. Плессъ, выслали Ганноверскому университету. Въ томъ же году были выловлены два зубра для переселенія въ Виленскій звѣринiecъ. — Въ 1861 году три зубра переданы помѣщику Валицкому для опытовъ скрещиванія съ домашнимъ скотомъ, а два отправлены въ Гатчину. По одной тушѣ получили Іенскій, Гессенскій и Дрезденскій музеи. Въ 1862 году посланникъ Нидерландскаго правительства баронъ Геверсъ ходатайствовалъ о полученіи двухъ зубровъ для Амстердамскаго зоологическаго сада. Два молодыхъ зубра, самецъ и самка, были отправлены изъ Бѣловѣжа по назначенію въ сопровожденіи консерватора Майнцакаго музея Николаусъ. Въ 1864 году три зубра переданы Московскому зоологическому саду. Въ 1865 году четырехъ зубровъ, какъ извѣстно, получилъ кн. Плессъ, онъ же отстрѣлилъ двухъ зубровъ для Страсбургскаго и Геттингенскаго зоологическихъ музеевъ. Въ 1867 году четыре зубра высланы въ Гатчину. Въ 1868 году три живыхъ — въ Гатчину и одна туша — Кембриджскому университету. Въ

1869 году одинъ отправленъ въ Гатчину. Въ 1871 году графъ Бергъ убилъ зубра для Гельсингфорскаго университета и скелетъ пожертвовалъ Оксфордскому. Въ 1872 году два живыхъ зубра высланы, по просьбѣ Вел. Князя Николая Константиновича, въ Павловскій звѣринекъ. Въ 1873 году два зубра были подарены въ Берлинскій зоологическій садъ и два въ Константинополь, турецкому султану. Въ 1877 году Цюрихскій музей естественныхъ наукъ получилъ скелетъ и шкуру, въ 1878 году—Церитскій университетъ обогатился тѣмъ же, а въ 1888 г. и Норвежскій. Почти все высылки шкуръ и скелетовъ странно задерживались перепишкой и тѣмъ, что не всегда находили цѣльныя туши навшихъ зубровъ, не растасканныя хищниками, что служило доказательствомъ плохого присмотра за звѣремъ.

Браконьерство среди служащихъ, укоренившееся вѣками, какъ бы нѣсколько затихло.

Въ срединѣ октября 1875 года въ Бѣловѣжѣ охотился Великій Князь Владиміръ Александровичъ, въ сопровожденіи егермейстера князя Трубецкаго. Последній, за годъ передъ тѣмъ, по порученію министерства, изслѣдовалъ на мѣстѣ причины слабаго размноженія зубровъ и первый указалъ на то, что зубры бѣгутъ отъ голода изъ Пуши въ сосѣдніе лѣса, гдѣ ихъ обыкновенно убивали крестьяне, или же на нихъ устраивали охоты сосѣдніе помѣщики.

Охоту для Великаго Князя устраивалъ Пружанскій лѣсничій Кампионы, съ соблюденіемъ всехъ мѣръ предосторожности по отношенію зубровыхъ стадъ, такъ какъ охотиться предполагалось лишь на одиноцѣ. Наканунѣ перваго дня охоты, 17-го октября, въ урочищѣ Никоры выслѣдили трехъ старыхъ зубровъ и обошли ихъ лѣсниками и загонщиками; ночью ихъ задерживали кострами по всей линіи облавы. Охота началась очень удачно. Векорѣ послѣ того, какъ Великій Князь съ Трубецкимъ заняли предназначенныя для нихъ мѣста, 20 опытныхъ лѣсниковъ пекучею нагнали одного зубра на Великаго Князя, ставшаго въ срединѣ круга, на просѣкѣ, раздѣлявшей два квартала. Тремя последовательными выстрѣлами Великій Князь положилъ крупнаго 15-ти-лѣтняго единца. Часъ спустя сообщили объ окладѣ новыхъ звѣрей, и Великій Князь только перешелъ по просѣкѣ съ версту, какъ на него вышли еще два зубра, но они шли полнымъ махомъ на перерѣзъ линіи стрѣлковъ. По нимъ Великій Князь выпустилъ 4 пули, не задѣвъ ихъ. На слѣдующій день охоту перенесли въ урочище Лѣсеница, гдѣ ерши тронули леху съ пятью верхляками. Великій Князь занялъ мѣсто внутри круга, и на него почти сразу вышло все стадо. Двухъ верхляковъ положили на мѣстѣ, а раненая леха прорвалась черезъ загонъ, гдѣ ее, впрочемъ, настигли лѣсеники. Въ другомъ кругу того

же урочища удерживали еще старого единца-зубра. Въ средину круга вошли 10 лѣсниковъ и, спустивъ трехъ гончихъ, погнали звѣря. Зубръ пробѣжалъ подъ собаками съ полверсты, но пріутомившись, сталъ отбиваться. Этимъ моментомъ удачно воспользовался приближавшійся Великій Князь и двумя выстрѣлами уложилъ зубра, оказавшагося тридцатилѣтнимъ старожиломъ Пуши. На третій день охоту возобновили, но уже безъ предварительной обстановки людьми, занявъ облавою, по прибытіи Великаго Князя, лосинный кругъ въ урочищѣ Переволока. Предчувствуя ли бѣду, ушли лоси, или по другой причинѣ, но гончія подняли только кабана и застонали, осадивъ его на островкѣ среди топкого болота. Великій Князь не пожелалъ добираться до островка и предоставилъ лѣсникамъ убить звѣря. Изъ урочища Переволока переѣхали въ Поясово, расположенное невдалекѣ отъ извѣстной звѣриной тропы. На несчастье болото, черезъ которое должны были пройти лоси, тронутые собаками, до того напиталось водою, что лоси взяли въ бокъ отъ охотниковъ и вышли по направленію оставленныхъ экипажей. Охотникамъ не удалось даже видѣть звѣря. Изъ Поясова переѣхали въ звѣринецъ, но несчастья этого дня не прекращались. Въ звѣринцѣ смычкомъ гончихъ тронули оленей, стрѣляли три раза, но безуспѣшно. Послѣ охоты В. К. Владиміра Александровича, оказавшейся въ общемъ все-таки весьма удачною, Великокняжескія охоты стали повторяться чаще.

Въ 1879 году въ Пушу прибылъ Великій Князь Николай Николаевичъ Младшій, сопровождаемый генералами Галломъ и Астаховымъ, капитаномъ Андреевскимъ и В. Р. Дицомъ. Безъ предварительной подготовки, въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ охотятся всѣ прочіе, въ 3 дня, съ 19-го по 22-го декабря, было убито: 5 кабановъ, 6 олсней и лось. Генералъ Галль положилъ особенно крупнаго кабана, почти въ 18 пудовъ.

Въ 1881 году В. К. Николай Николаевичъ посѣтилъ Пушу вмѣстѣ съ принцемъ Александромъ Петровичемъ Ольденбургскимъ и герцогомъ Евгениемъ Максимиліановичемъ Лейхтенбергскимъ. Въ охотѣ принимали участіе графъ Клейнмихель, графъ Бергъ, баронъ Леженъ и извѣстный въ охотничьемъ мірѣ капитанъ Андреевскій. Съ разрѣшенія Государя, собирались отстрѣлить 6 старыхъ зубровъ, но удалось убить только четырехъ, въ томъ числѣ одного убилъ Великій Князь въ урочищѣ Прибудки невдалекѣ отъ звѣринца.

17-го, 18-го и 19-го сентября 1880 года подъ непрерывнымъ дождемъ въ Пушѣ охотились Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, вмѣстѣ съ принцемъ Альтенбургскимъ, графомъ Тотлебенемъ, графомъ Бергомъ, княземъ Шаховскимъ и нѣсколькими молодыми офицерами. Съ

большими успліями, пренебрегая погодою, брали два лосиныхъ круга въ урочищахъ Поясовѣ и Подцерквахъ; но ни люди, ни собаки не могли выставить лосей на линію. Оклады были сплошь залиты водою, отчего гончія ничего не чуяли, а вымокшіе загонщики вязли въ растворившемся болотѣ. Охоту пришлось перенести въ звѣринецъ, гдѣ Великій Князь убилъ съ подхода 5 оленей; а всего за три дня убито 11 оленей, 8 кабановъ и 1 дanielъ.

За нѣсколько дней до Великаго Князя Германскій посолъ Швей-

Штрека 1-го дня охоты 1885 г.
Фотографія.

ницъ, съ разрѣшенія Государя; отстрѣлилъ 26-ти-лѣтняго единца-зубра и кромѣ того охотился на лосей и оленей. За годъ передъ тѣмъ англичанинъ Persey получилъ такое же разрѣшеніе на отстрѣлъ въ звѣринцѣ 25-ти-лѣтняго старика. 2-го марта 1884-го г. охотились въ Пущѣ принцъ Альтенбургскій съ кн. Лихтенштейномъ.

Слѣдующею, но значительно болѣе многолюдною, была охота Великихъ Князей Михаила Николаевича, Петра Николаевича, Георгія Михайловича и Александра Михайловича, въ которой, по предложенію

В. К. Михаила Николаевича, приняли участіе: генералы Асташовъ, графъ Граббе и баронъ Мейендорфъ, егермейстеръ Чертковъ, офицеры Кавалергардскаго полка: Дубенскій, Казнаковъ, князь Шаховской и извѣстный намъ по прежнимъ охотамъ въ Пушчѣ полковникъ Андреевскій. Охота происходила въ декабрѣ 1885 года при разрѣшеніи Государя отстрѣлить 8 старыхъ самцовъ зубровъ, а прочихъ звѣрей безъ ограниченія.

Группа послѣ охоты
второго дня.
Фотографія.

Великій Князь Михайлъ Николаевичъ пожелалъ, чтобы его присутствіе не нарушало обычнаго строя въ Пушчѣ, и просилъ даже по возможности менѣе отвлекать мѣстныхъ служащихъ отъ ихъ текущихъ занятій. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Высочество интересовался познакомиться съ охотничьимъ состояніемъ Пущи въ томъ его видѣ, въ какомъ оно могло представиться каждому, имѣвшему разрѣшеніе Государя. Поэтому губернскія власти остались на своихъ мѣстахъ, и никакихъ особыхъ приготовленій къ приему Высокихъ гостей не дѣлалось.

Е. И. В. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ принимаетъ „brusch“ (еловую вѣтку—элюбому счастливой охоты)
отъ устроителя охоты, послѣ удачнаго выстрѣла по зубру.—Фотографія.

Только Андреевскій, какъ извѣстный знатокъ охотничьяго дѣла, выѣхалъ за нѣсколько дней въ Пушу для большаго порядка, да еще послали трехъ опытныхъ лукашей, двухъ Асташовскихъ и одного, служившаго у Н. Н. Всеволожскаго.

Ближайшее наблюденіе и руководство за всѣмъ осталось на обязанности пущинскаго ревизора Валленбургера, участвовавшаго неодно-

Группа участников охоты
надъ зубромъ, убитымъ
В. К. Георгіемъ Михайловичемъ.
Фотографія.

кратно въ приготовленіяхъ къ охотамъ Государя Александра II-го въ Лисинской дачѣ, но все же не специалиста.

Охота продолжалась 4 дня и велась исключительно облавою. На бѣду окладчиковъ, зима была малоснѣжная, что крайне затрудняло окладъ звѣря, который вели лукаши, готовившіе круги вмѣстѣ съ пущинскими лѣсниками изъ наиболѣе знакомыхъ съ мѣстностью и привычками звѣря.

Въ 1-ый день всѣ собрались въ звѣринцѣ, гдѣ по зубрамъ условились не стрѣлять; къ тому же, имѣя въ виду, что охотниковъ было

12, а зубровъ разрѣшено отстрѣлить только 8, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ еще заранѣе установилъ, чтобы убившій рѣдкаго звѣря во второй разъ по немъ не стрѣлялъ. Въ результатѣ дня взяли 2-хъ оленей и 8 кабановъ.

Со второго дня охотники раздѣлились на двѣ партіи и вышли въ Пушу съ тѣмъ, чтобы уже стрѣлять по всякому звѣрю. Охота шла вяло. Къ концу дня на штреку собрали: 3 лося, 2 оленя и случайно

Завтракъ на охотѣ 1885 г.
Фотографія.

набѣжавшій волкъ, но зубровъ не было. На этотъ разъ зубровъ не взяли уже не по уговору, а потому, что они ни разу не вышли на стрѣлковую линію. В. К. Михаилъ Николаевичъ терпѣливо приберегавшій до вечера свой выстрѣлъ для зубра, отдалъ, наконецъ, приказаніе, чтобы облавою далѣе распоряжался одинъ Андреевскій при помощи лукашей, и съ слѣдующаго дня охота пошла иначе. До сихъ поръ окладъ обставляли почти за сутки, съ шумомъ и кострами, и понятно, что при такомъ способѣ большинство козъ, лосей, кабановъ прорыва-

лось за цѣпь далеко до начала загона. Только зубры, неохотно идущіе вдаль, оставались въ кругу, но и они, вслѣдствіе неправильнаго гона, выходили въ сторону отъ стрѣлковой линіи. Въ третій день охоты лукаши, руководимые уже Андреевскимъ, дѣйствовали безъ промаха. При первомъ же загонѣ Вел. Кн. Михаилъ Николаевичъ удачнымъ выстрѣломъ положилъ крупнаго единца и тѣмъ какъ бы пригласилъ прочихъ слѣдовать его примѣру. Второй зубръ палъ подъ выстрѣломъ Вел. Князя Георгія Михайловича, а затѣмъ лукаши вспомнили и про своего барина. Въ одномъ изъ слѣдующихъ загонѣвъ, нажавъ 3-хъ зубровъ, они искусно выставили ихъ къ лѣвому флангу, гдѣ стоялъ Асташовъ. Раздался выстрѣлъ, и одинъ изъ трехъ легъ на мѣстѣ, а остальные два вихремъ бросились черезъ буреломъ наперерѣзъ между Дубенскимъ и Казнаковымъ, сокрушая и перепрыгивая препятствія съ такою силою и легкостью, что видѣвшіе эту картину до сихъ поръ вспоминаютъ ее съ восторгомъ. Дубенскій, пропустивъ зубра за линію, уложилъ его, а Казнаковъ ранилъ своего и добилъ его уже съ подхода, скрадывая на протяженіи почти 2-хъ верстъ безъ помощи егерей и лукашей. Въ этотъ же день одинъ зубръ былъ раненъ Вел. Кн. Петромъ Николаевичемъ.

Не менѣе успѣшно шла охота и на прочихъ звѣрей, хотя все вниманіе охотниковъ было сосредоточено на зубрахъ. Штреку дня дополнили 4 лося, кабанъ и опять волкъ.

Въ четвертый день, взявъ трехъ лосей, охотники соединились для послѣдняго загона, и разбирая номера, лучшіе предоставили тѣмъ, кто до сихъ поръ еще не стрѣлялъ по зубрамъ. Звѣри вышли на фланговый номеръ В. К. Георгія Михайловича, но онъ, какъ уже стрѣлявшій, показался изъ-за закрытія, чтобы направить звѣрей въ сторону сосѣдей, то же сдѣлалъ и В. К. Михаилъ Николаевичъ, но когда очередь дошла до В. К. Александра Михайловича, то онъ, тогда еще юноша, не устоялъ передъ соблазномъ, хотя убилъ зубра наканунѣ, и спустил курокъ, чѣмъ заслужилъ упрекъ своего Августѣйшаго родителя. Также и Чертковъ, несмотря на предварительный отказъ, не выдержалъ характера. На него вышелъ старый крупный быкъ, и онъ, увлекшись, уложилъ его. Оставался еще 8-ой зубръ, но В. К. Петръ Николаевичъ еще наканунѣ поранилъ одного, и охота закончилась.

Охота Великихъ Князей явилась новою провѣркою состоянія угодья и тѣмъ болѣе внимательною, что въ числѣ участвовавшихъ были такіе знатоки, какъ Асташовъ и многіе другіе, не говоря объ Андреевскомъ. Безъ сомнѣнія, со времени охоты 1860 года многое измѣнилось къ лучшему, звѣря не нужно было собирать издалека, но его оказа-

лось все-таки не такъ много, какъ можно было ожидать, судя по тому раздолью, которое представляла Пуца.

До участниковъ дошли даже слухи отъ мужиковъ, возившихъ на охоту, что въ мѣстахъ стоянокъ зубровъ устраивались облавы на зайцевъ и лисицъ и что мясо или рогъ зубра можно пріобрѣсти во всякое время. Быть можетъ, въ этихъ разсказахъ и были преувеличенія, но какъ не бываетъ дыма безъ огня, такъ и въ этихъ слухахъ было много правдоподобнаго. Браконьерство свило себѣ такое прочное гнѣздо, что избавиться отъ него было почти невозможно, не имѣя разрѣшенія выселить всѣхъ постороннихъ за предѣлы Пуцы. —

П. Савицкий